Сын за отца

Игорь Филиппов

Биографическая повесть о деревенском парне из Тверской губернии, ставшем в 35 лет контр-адмиралом Военно-Морского Флота Советского Союза

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Игорь Филиппов

Сын за отца

«Автор»
2025

Филиппов И. А.

Сын за отца / И. А. Филиппов — «Автор», 2025

В своей очередной книге автор, капитан 1 ранга в отставке, прослуживший в Военно-морском флоте СССР и России более тридцати лет, биографически точно и с большой любовью рассказывает о жизни своего отца - контр-адмирала Филиппова Андрея Михайловича, о его детстве в деревне, затерявшейся в лесах Тверской области, учёбе в Военно-морском училище имени Фрунзе, службе на торпедных катерах Балтики и Тихого океана, и геройских днях сражений во время Великой Отечественной войны на Чёрном море, когда он командовал 1-й Севастопольской ордена Нахимова 1-й степени бригадой торпедных катеров Черноморского флота, в которой вместе с ним сражались семь Героев Советского Союза.В тексте размещено 120 фотографий из архива автора, 4 - из документальных фильмов о войне на Чёрном море, 2 - из фондов Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя, 1 - из фондов Государственного архива Архангельской области.Содержит нецензурную брань.

© Филиппов И. А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Затравка 7
Глава первая. В Тверском Краю 14
Полёт беркута 14
Родовой дом 15
Отголоски Первой Мировой Войны 17
Воспитание трудом 19
Грамота 21
Подпасок 22
Рыбалка 24
Молодой охотник 28
Школа 30
Глава вторая. Военно-морское училище 33
Деревенские проводы 33
Приключения в поезде 35
Тверской Михайло Ломоносов 36
Макароны «по-флотски» 38
Начальная подготовка и Присяга 40
Знакомство с историей училища 42
Экскурсия по училищу 44
Предметы и преподаватели 45
Походы на учебных кораблях 1928 и 1929 года 48
Кронштадт, Балтика, Свенемюнде, Датские проливы 50
Мурманск, Архангельск, Берген, Кронштадт 53
Отпуск на Родине 56
Выбор дальнейшей службы 59
База торпедных катеров на Кроншлоте в 1929 году 62
Город Ленина и Петра 64
Театральный билет 66
Практика 1930 года на торпедных катерах МСБМ 69
Обнадёживающий отказ 71
Стажировка 1931 года на торпедных катерах МСБМ 72
Торжественный выпуск 74
Свадьба - женитьба 75
Глава третья. Назначение – на Тихий! 77
Командир торпедного катера 77
Неожиданный поворот Судьбы 79
Через всю огромную страну 81
Прибытие на Дальний Восток 84
Боевая подготовка пополам со стройкой 85
И снова через весь Советский Союз 86
Строительные бригады работают 87
Хороши ли катера Ш-4 для Тихого Океана? 89
Суровая первая осень 90
1933 год. Торпедные катера типа Г-5. Перспектива появления на ТОФ 92
Сын! 94

Особенности боевой подготовки в навигацию 1933 года 95
1934 год 97
1935 год. Новые катера Г-5 поступают на ТОФ 99
Служба в штабе бригады 100
Жизнь в базе налаживается 101
Нина и Олег 103
Охота – большая редкость на службе 104
1936 год. Итоги боевой подготовки 106
Отпуск 1936 года 107
1937-1938 гг. Тяжёлое время 108
Японская провокация у озера Хасан 110
Праздник Октября 112
1939 год. Тихоокеанский Флот создан! 113
Глава четвёртая. Военно-Морская Академия 115
Поступил! 115
Командование и преподаватели ВМА, однокашники и сослуживцы 118
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Игорь Филиппов
Сын за отца

Посвящается моему отцу, контр-адмиралу Андрею Михайловичу Филиппову, командиру 1-й Севастопольской ордена Нахимова 1-й степени бригады торпедных катеров Черноморского флота, а также всем катерникам 1-й бригады, геройски сражавшимся в суровые годы Великой Отечественной Войны…

Затравка

Мысль о необходимости написания книги о жизни отца пришла ко мне в мае 1990-го года, когда мы с женой были в отпуске, в военном санатории ВМФ СССР, в посёлке Песчаное, на западном берегу Крыма. Приехав на экскурсию в Севастополь, мы сразу направились в Военно-исторический музей Черноморского флота, предвкушая увидеть экспонаты, связанные с боевой деятельностью моего отца, Андрея Михайловича Филиппова, воевавшего с первого дня Великой Отечественной Войны на Чёрном море командиром 1-й бригады торпедных катеров (1-й БТКА), в то время капитана 1 ранга.

С 22 июня 1941 г. и до освобождения Севастополя в мае 1944 г. отец участвовал со своей бригадой во всех операциях по обороне, а потом и по освобождению Одессы, Севастополя, Новороссийска, Кавказа и Крыма. За выдающиеся боевые успехи бригада под его руководством заслужила наименование Севастопольской и стала орденоносной, получив на своё Знамя орден Нахимова I-й степени. После освобождения Севастополя, отец стал командиром Севастопольской Военно-морской базы (ВМБ) – Главной базы Черноморского Флота. В ноябре 1944 года отец получил звание контр-адмирала, став им в 35 лет. За время Великой Отечественной Войны отец был награждён флотоводческим орденом «Ушакова II-й степени», тремя орденами «Красного Знамени», орденом «Красной Звезды», медалями «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией». После войны он был награждён именным оружием от Министра Обороны Советского Союза, орденом «Ленина», четвёртым орденом «Красного Знамени», медалью «За боевые заслуги» и другими медалями, включая иностранные.

Мы с женой собирались также посмотреть, как размещены в витринах вещи отца, переданные моей мамой – Ниной Алексеевной Филипповой - сотруднику музея, приезжавшему в Ленинград осенью 1978 года: орден Ушакова II степени (№ 43) и курительная трубка, сделанная умелыми руками сослуживца-катерника Героя Советского Союза Константина Георгиевича Кочиева в подарок отцу.

В 1980 г., уже после ухода из жизни моей мамы, у нас побывал научный сотрудник другого музея – Героической обороны и освобождения Севастополя, приехавший в Ленинград с теми же целями. Посмотрев у него удостоверение сотрудника музея, я передал ему отцовский парадный мундир контр-адмирала и несколько фотографий, поставив подпись в соответствующем документе.

Каково же было наше разочарование, когда среди выставленных экспонатов Военно-исторического музея ЧФ мы не нашли ни одного, рассказывающего об отце, в том числе не было и ордена Ушакова, не было фотографий отца, а о боевом пути 1-й БТКА можно было узнать совсем немного. В тоже время действия 2-й БТКА и её командира капитана 2 ранга Виктора Трофимовича Проценко, переведённого на Черноморский Флот (ЧФ) с Тихоокеанского Флота (ТОФ) в конце апреля 1943 года, были представлены в большом объёме, с его фотографиями и фотографиями пяти Героев Советского Союза из 2-й бригады. Среди них были помещены «вперемешку» и семь Героев Советского Союза из 1-й БТКА, чьи фамилии и подвиги я знал из рассказов отца. Как же так? Ведь посетители музея могли подумать, что все Герои Советского Союза - катерники ЧФ - воевали исключительно во 2-й БТКА… Однако в 1-й БТКА на протяжении всей войны и катеров, и личного состава было всегда больше, чем во 2-й БТКА, на то она и называлась **первой**, то-есть всегда была основой для выполнения боевых заданий командования ЧФ.

Обратившись с этими вопросами к сотруднице музея, я задал и другие: почему нет ни слова о первом - после освобождения города - командире Севастопольской ВМБ, моём отце, который поистине совершил подвиг, руководя воссозданием главной военно-морской базы

ЧФ, разрушенной до основания? Почему на стендах почти нет информации о боевых делах первых командиров 2-й БТКА: капитанов 2 ранга Александра Александровича Мельникова и Сергея Степановича Савина, воевавших во главе 2-й бригады с начала войны до апреля 1943 года, то есть в самые страшные и трудные дни? И, наконец, где же переданные сотруднику музея вещи отца: орден и трубка? Возможно, вещи хранились в запасниках? На эти вопросы нам была представлена лишь информация об однофамильцах отца - участниках обороны Севастополя на суше, а относительно направленного в Ленинград сотрудника музея последовал категорический ответ: *«Не направляли!»* Ушли мы из музея с чувством чего-то неправильного, недостойного, даже постыдного…

Мы так расстроились, что в Музей героической обороны и освобождения Севастополя не пошли. А зря! Парадный мундир и фотографии отца бережно хранились в Музее все эти годы.

…

90-е годы прошлого века были связаны у большинства военных моряков с ощущением катастрофы, постигшей наш Военно-морской флот, и произошедшей по вине людей, стоявших тогда во главе нашей великой страны. В 1995 году я ушёл из ВМФ в звании капитана 1 ранга, хотя мог бы ещё служить не менее пяти лет, однако обида за Флот не позволила продолжить службу.

После ухода со службы я боролся за выживание своей семьи, занимаясь изготовлением чучел зверей и птиц на продажу, публикуя рассказы и статьи в журналах и газетах об охоте и охотничьих собаках, в том числе и в изданиях Российского масштаба. В 2011 году вышла из печати моя первая книга «Собачья душа», в 2017 – вторая книга «Полвека с английским сеттером», потом третья – про детские послевоенные годы, далее – о прекрасном времени курсантской учёбы в Высшем Военно-морском училище радиоэлектроники имени А.С. Попова… И как-то само собой получалось, что ни одна книга не обходилась без воспоминаний об отце, о его характере, о его действиях в разные периоды жизни и службы, о его охотах и бережном отношении к Природе, о семейных делах, о советах из его жизненного опыта, которыми он успел поделиться со мной. Меня интересовало, зачем он поступал в каких-то случаях так, а не иначе, почему разговаривал со мной в особой манере, в какой не разговаривал с другими людьми. Вспоминал я и 1964 год, когда он, находясь в госпитале и предчувствуя близкую кончину, старался передать мне как можно больше своих знаний, надеясь, что я хотя бы что-то запомню.

Собрав довольно большой объём материалов, я приступил к написанию первой части книги: о детских годах отца, о его учёбе в Военно-морском училище им. Фрунзе, о службе на Балтике, на Тихом океане, учёбе в Военно-морской академии. Над этой частью работалось легко и увлекательно.

Перешёл к части, посвящённой Великой Отечественной войне. Понимая, что этот период жизни отца – самый главный, я интересовался любой информацией о войне на Чёрном море. С давних времён в нашей семье хранился большой свёрток с письмами и фотографиями – семейный архив, начатый с переписки моей бабушки Марии Ивановны Ивановой (Колесовой) и моего деда Алексея Васильевича Иванова, с их первой встречи в дореволюционном Петрограде. В архиве меня больше всего интересовала переписка моих родителей во время Отечественной войны. Подробное изучение этих писем многое прояснило. Прорабатывая и другие материалы о войне - документы, архивы, приказы, мемуары участников - работа моя шла спокойно и уверенно, и мне казалось, что так и пойдёт до самого окончания книги.

Однако Судьбе было угодно, чтобы, просматривая послевоенную переписку родителей и их знакомых, я неожиданно наткнулся на письмо, датируемое 3 ноября 1977 года, от капитана 1 ранга в отставке Ивана Никифоровича Погорлюка моей матери Нине Алексеевне Филипповой. Иван Никифорович прошёл всю войну на Чёрном море в составе 1-й БТКА, начав службу

командиром торпедного катера, и закончив войну начальником штаба дивизиона бригады в звании капитан-лейтенанта.

Письмо меня сначала просто «убило», а потом, при зрелом размышлении, дало окончательный толчок к написанию книги не только об отце, но и как можно полнее о героях-катерниках 1-й БТКА. Полный текст письма можно прочитать в Приложении II, в конце книги. Советую читателю сразу прочитать письмо, не откладывая на потом.

В письме Иван Никифорович сообщал о неблаговидных поступках, совершённых контр-адмиралом Виктором Трофимовичем Проценко в своих мемуарах, опубликованных в 1973 году, уже после смерти моего отца, и выражавшихся в присвоении заслуг катерников 1-й БТКА себе и своей 2-й бригаде.

Так, по мнению капитана 1 ранга И.Н. Погорлюка, контр-адмирал В.Т. Проценко в своей книге («Мгновение решает всё». М., Воениздат, 1973), описывая Новороссийскую десантную операцию, *«…присвоил себе (2-й БТКА) наши 20 экипажей с личным составом и командирами, и можно разобрать, чьи это люди, только по номерам торпедных катеров, фамилиям командиров, краснофлотцев и старшин; для читателей же ясно, что все 30 экипажей – 2-й бригады».*

Уже через день у меня в руках появилась книга В.Т. Проценко. Нашёл в тексте описание Новороссийской операции. Даже самое поверхностное прочтение дало мне возможность понять возмущение И.Н. Погорлюка: В.Т. Проценко, описывая в своих мемуарах бесспорно героические действия 2-й БТКА, не задумываясь, прибавлял к ним описание боевых действий катерников 1-й БТКА, не упоминая принадлежности катеров. В результате такого «словоблудия» у читателя могло (или должно было) сложиться мнение, что почти все боевые действия производила 2-я БТКА, а 1-й бригады как бы и не было вовсе, как не было участия в этом и командира 1-й БТКА капитана 1 ранга А.М. Филиппова. Но ведь даже подготовка к операции шла совместно двумя бригадами, при самом деятельном участии и руководстве обоих командиров бригад, их штабов, инженеров и всего личного состава катерников, что точно известно.

Иван Никифорович приводил в письме факты, что в Новороссийской операции от 1-й БТКА участвовало и катеров, и личного состава, значительно больше, чем от 2-й БТКА. На самом деле, так и было: в Новороссийской десантной операции всего принимал участие 31 катер: 4 артиллерийских и 27 торпедных (по другим источникам 32 катера). Из них катеров 1-й БТКА было 18 (или 19) единиц, 2-й БТКА – 13 единиц. Когда читатель дойдёт до описания Новороссийской операции, то увидит в этом разделе подробное распределение катеров обеих бригад по отрядам для выполнения планируемых боевых задач.

Далее слова Ивана Никифоровича, в которых так и слышится скепсис: *«…16 сентября 1943 года Новороссийск взят, а в Приказе Верховного Главкома отмечается только 2-я бригада. Ура!»*

Командовал высадкой десанта командир Новороссийской ВМБ контр-адмирал Георгий Никитич Холостяков, который и рекомендовал командующему ЧФ вице-адмиралу Льву Анатольевичу Владимирскому (временно сменившему вице-адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского) назначить командиром сводного отряда торпедных катеров командира 2-й БТКА капитана 2 ранга В.Т. Проценко, всего четыре месяца назад прибывшего с ТОФ с должности командира дивизиона, и почти не имевшего боевого опыта.

Прочитал я и мемуары Г.Н. Холостякова о Новороссийской операции («Вечный огонь». М., Воениздат, 1976 г. и второе издание «В боях за Крым и Новороссийск». М., «Вече», 2025 г.), в которых не только не обнаружил и намёка на фамилию отца, но и на 1-ю БТКА. Для Г.Н. Холостякова их просто не существовало… Георгий Никитич предпочитал рассказывать просто о *«бригаде под командованием В.Т. Проценко»*. Повторю ещё раз, что подготовка этой серьёзной операции происходила двумя бригадами совместно, с привлечением командиров, штабов, инженеров, офицеров, старшин и краснофлотцев обеих бригад, и бесценный опыт

воевавших с первых дней войны комбрига А.М. Филиппова и личного состава 1-й БТКА был в это время востребован на все 100%.

В письме Погорлюка прямо сказано, что *«…тогда, в сентябре 1943 года, по вине Холостякова обокрали наше соединение, унизили».*

При более внимательном прочтении мемуаров Г.Н. Холостякова я убедился, что, рассказывая и о других боевых операциях на ЧФ с участием торпедных катеров 1-й БТКА, он точно также «забывал» и бригаду, и её командира… Так, описывая события крупнейшей на ЧФ Керченско-Феодосийской десантной операции конца 1941 года, в которой отец командовал вторым эшелоном десанта с высадкой горно-стрелковой дивизии в порт Феодосию, и, получив при бомбёжке серьёзную контузию от взрывной волны серии авиабомб, остался в строю, Г.Н. Холостяков «ухитрился» совсем не упомянуть фамилию А.М. Филиппова.

Точно также «забыл» Холостяков комбрига 1-й БТКА и при Керченско-Эльтигенской десантной операции 1943 года, где Андрей Михайлович командовал торпедными катерами обеих бригад, прикрывая переход судов и кораблей с десантом, и высадку десанта.

А вот главком ВМФ СССР Николай Герасимович Кузнецов в своих мемуарах упоминал действия 1-й БТКА неоднократно, «не стесняясь» называть фамилию комбрига 1-й БТКА А.М. Филиппова. Вот, к примеру, его слова о Керченско-Эльтигенской операции: *«Десантные отряды на переходе и в момент высадки прикрывал отряд из 12 торпедных катеров под командованием капитана 1-го ранга А.М. Филиппова»* («Курсом к победе». М., Вече, стр. 315).

Как видим, в памяти главкома боевые дела 1-й БТКА и её комбрига сохранились твёрдо, в отличие от «ослабевшей» памяти Г.Н. Холостякова и В.Т. Проценко.

Далее мне попались мемуары катерника Дмитрия Тимофеевича Пигарева, который сделал довольно интересный обзор действий советских катерников на всех воевавших флотах («На торпедных катерах», М., Воениздат, 1963 г.). Однако и в его мемуарах, при описании действий черноморских катерников, нет ни одной фотографии командира 1-й БТКА капитана 1 ранга А.М. Филиппова, а из всех успешных боевых действий 1-й БТКА под его руководством описана только постановка мин в Керченском проливе в 1943 г., зато фотографии В.Т. Проценко есть в двойном экземпляре, как в боевые годы, так и в мирные, а далее – всё тоже: читатель узнаёт, что почти все успешные ратные дела выполнены катерниками 2-й БТКА и комбригом Проценко…

Даже когда Д.Т. Пигарев на стр. 139 своих мемуаров всё же вспоминает: *«1-я бригада торпедных катеров заслужила почётное наименование «Севастопольской». На древке её боевого знамени* ***орден Нахимова II степени…****»*, он - ошибочно или нет - понижает почётную награду, так как 1-я БТКА была награждена **орденом Нахимова I степени**. И это не мелочь. Такие ошибки недопустимы!

Далее, на стр. 142, Д.Т. Пигарев перечисляет: *«Ответственные должности занимают ныне многие бывшие командиры соединений торпедных катеров. Вице-адмирал А.В. Кузьмин – начальник ВМУ. Вице-адмирал Г.Г. Олейник командует Каспийской флотилией. Контр-адмирал В.Т. Проценко работает в центральном аппарате Министерства обороны. Контр-адмирал Г.Д. Дьяченко – начальник кафедры одной из академий».* И только для контр-адмирала А.М. Филиппова, командира 1-й БТКА с 1941 по 1944 гг., не нашлось места, а ведь мемуары Пигарева напечатаны в 1963 г., когда А.М. Филиппов уже третий год был начальником факультета ВМА…

…

Продолжает Иван Никифорович Погорлюк: *«Вторую подлость Проценко совершил в сентябре 1975 года, когда пригласил в Геленджик и Новороссийск на встречу личный состав 2-й и 1-й бригад. Там он с тем же … Холостяковым на митингах и собраниях нигде не упоминал 1-ю бригаду, говорили только о личном составе 2-й БТКА. О 1-й БТКА только сказали, что она иногда тоже в Геленджик приходила базироваться…*

…На товарищеском обеде 15 сентября 1975 года я, как патриот 1-й БТКА, выступил и дал достойную отповедь этому «флотоводцу» самовлюблённому, Проценко. Я сказал, что Вы - Проценко - поступили нечестно, не по-товарищески, нигде не упомянув о действиях личного состава 1-й БТКА. А ведь брали Новороссийск вместе? Правда, командовали торпедными катерами Вы (это дело командования), но нас - с 1-й БТКА - было в три раза больше! (Очевидно, Иван Никифорович имеет в виду количество личного состава). *Все сидящие здесь это знают, у нас была боевая дружба и взаимодействие, и эту боевую дружбу Вам не нарушить до конца нашей жизни. После моего выступления все 250 человек, в том числе и личный состав 2-й БТКА, мне аплодировали, а Проценко стал красный, как буряк. Его смутили аплодисменты всего сидящего зала, и совесть не выдержала. Стояла в воздухе неловкость, и все скоро разошлись».*

А далее я прочитал слова Ивана Никифоровича, которые многое прояснили: «*Проценко наводнил все музеи своими фото, и всё в адмиральской форме, а фотографию командира 1-й БТКА ему нежелательно выставлять, так как это для него невыгодно…»*

…

Вот такое письмо прочитал я, и сразу прочитал во второй раз, а потом и в третий… Неужели, всё это правда? Но ведь даже малое умаление геройских подвигов людей, борющихся за Родину – уже преступление в глазах окружающих, а тут, по сути дела, было не умаление, а тихая кража чужих подвигов и присвоение их своей бригаде, то есть – и себе. Но, не скрою - сомнения одолевали…

А потом пришло решение – надо разобраться! Как ни трудно это было после стольких лет: ведь люди, читая мемуары, верили и Проценко, и Холостякову, а далее и тем, кто позже воспользовался их материалами, сославшись на эти «факты» в своих статьях, диссертациях, художественных произведениях, кинофильмах.

Иными словами, определённые исторические события, произошедшие много лет назад, постепенно перетекли из неформальной *коммуникативной памяти* в область *культурной памяти*, закрепившись в ней в виде мемуаров, статей, документов и т.п., но с ошибками, допущенными по вине В.Т. Проценко и недомолвок Г.Н. Холостякова. Как теперь быть с этим? Получалось так, что мне, задумавшему книгу об отце, и работавшему над книгой именно в рамках текущей информационной ситуации, необходимо было по-новому интерпретировать ключевые события и поступки героев.

Научные определения *коммуникативной и культурной памяти* я почерпнул из статьи А.Д. Попова в вестнике Южно-Уральского Государственного Университета о «Социально-гуманитарных науках» (см. Список проработанной литературы за № 30). Статья мне понравилась, и я взял из неё эти основные определения.

Теперь постараюсь пояснить, как понимаю всё это сам. Любые совершённые людьми действия, тут же превратившись в события, выстраиваются и существуют во времени и пространстве в определённой последовательности. Если люди, присутствующие при этих событиях, или сами совершившие их, успевают как-то закрепить их для других людей, поведав, как всё происходило на самом деле, то в дальнейшем эти события навсегда занимают своё место в культурной памяти нашего народа. Однако за свою жизнь, уже не малую, я неоднократно убеждался: когда дело касалось памяти прошедших событий, некоторые люди склонялись к подтасовке фактов, нарушая последовательность и суть событий, произошедших ранее, вступая тем самым в преступный сговор со своими «хотелками», иначе – со своей Совестью. Про таких людей существует военная поговорка: *«Картина боя становится тем красочнее, чем дальше ты находишься от этого боя, как в пространстве, так и во времени».* Короче говоря, мне надо было исправить некоторые эпизоды исторических событий, «искривлённые» и уже закреплённые в культурной памяти нашего народа.

Задача, которую я сам себе поставил, угрожала мне большими трудностями её решения. И, говоря откровенно, грозила неприятностями в случае моих ошибочных выводов. Однако, оглянувшись на свою прожитую жизнь, я с удовольствием отметил, что никогда не отказывался от трудных дел, грозящих неприятностями. Да и обратного пути для меня уже не было, а ждать, что некоторые исправленные в книге события и поступки когда-нибудь войдут в область культурной памяти нашего общества, не стоило, хотя бы по причине моего возраста. По крайней мере, пока не найдётся для этого настоящий историк-исследователь, который профессионально объяснит причины неблаговидных поступков контр-адмирала В.Т. Проценко при написании книги мемуаров и «умелые недомолвки» в мемуарах вице-адмирала Г.Н. Холостякова. Возникшее в моей Душе чувство своего права на создание правдивой книги об отце заставило меня «закусить удила» - биографическая книга об отце в любом случае должна была увидеть свет.

В связи со всем вышеизложенным, мне бы очень хотелось задать вопрос контр-адмиралу В.Т. Проценко, получившему это звание в мирное время: *«Товарищ контр-адмирал, что же заставило Вас хитрить в своих мемуарах, коверкать события, заниматься приписками, уничтожая тем самым память о боевых подвигах Ваших боевых товарищей из 1-й БТКА?»*

Ответ, к сожалению, невозможен… Непроизвольно возникал вопрос: *«А могло быть так, что «хотелки» Проценко постепенно превратились в навязчивые идеи о как бы фактическом исполнении его желаний?»* Тогда можно было подумать о некотором психическом расстройстве... но это вряд ли. А что тогда? Зависть? Или другие причины? Но меня снова смущало то обстоятельство, что мемуары Проценко увидели свет уже после смерти моего отца.

А вот его посещение музеев и «наводнение» их своими фото, одновременно убирая фото 1-й БТКА, как пишет И.Н. Погорлюк, и как я сам убедился в 1990 году, побывав в Севастопольском музее, сначала вообще не поддавалось объяснению. Только некоторое время спустя я понял: раз в мемуарах победили «хотелки», то надо же и в музеях кое-что подправить, чтобы стало одинаково, а если не удастся, то - просто изъять, тем более, что работа в центральном аппарате Министерства обороны предположительно давала кое-какие возможности на этот счёт.

На протяжении всей длительной работы над книгой об отце, я постоянно помнил о «подтасовках фактов», которые невольно сам мог совершить, поэтому следил за собой самым строжайшим образом.

Внимательно прочитав мемуары Виктора Трофимовича Проценко, Георгия Никитича Холостякова, Героя Советского Союза Владимира Степановича Пилипенко, Дмитрия Тимофеевича Пигарева, начал искать мемуары офицеров 1-й БТКА.

К счастью, нашлись и такие: мемуары Героя Советского Союза Андрея Ефимовича Черцова, Героя Советского Союза Георгия Алексеевича Рогачевского, Владимира Ивановича Довгая, а также Бориса Викторовича Никитина, хорошо знавшего отца и 1-ю БТКА, многое расставили по своим местам!

Прочитал я и опубликованную диссертацию капитана 1 ранга Юрия Григорьевича Сопина («Торпедные катера Советского ВМФ в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 гг.». М., Моркнига, 2025), часто ссылающегося на мемуары Проценко и Пилипенко. Спасибо Юрию Григорьевичу, что он не слепо подходил к информации из мемуаров, а старался проверять принадлежность катеров и личного состава той или иной бригаде, однако, временами и он невольно шёл на поводу у Проценко. А ведь ему достаточно было ознакомиться с мемуарами А.Е. Черцова («В огне торпедных атак». М., Воениздат, 1959) и Г.А. Рогачевского («Сквозь огненные штормы». Киев, «Днипро», 1988).

Кстати, приведённые в диссертации Ю. Г. Сопина краткие данные об Андрее Михайловиче Филиппове *(«1909 – 1964, контр-адмирал, в 1953 – 1956 гг. – начальник Балтийского ВВМУ, г. Калининград»)* не точны и откровенно недостаточны.

…

Окончательное название книги - «Сын за отца» - пришло само собой. Это название имеет двоякий смысл. Основной смысл предельно ясен - защита боевого пути отца и личного состава 1-й БТКА от искажений и недомолвок. Второй смысл происходит от желания «оживить» материалы немногих дневниковых записок с рисунками отца, и черновика плана книги мемуаров, которую он собирался написать в будущем, но, к сожалению, не успел… А в помощь этому - биография, написанная отцом в 1947 году, с поправками и дополнениями его жены, а моей матери, а также мемуарами сослуживцев и воспоминаниями родственников и знакомых, архивами писем и фотографий, материалами из интернета, документальными фильмами о военных действиях на ЧФ с редкими кадрами отца, и, конечно же, моими личными воспоминаниями.

По мере того, как рождалась эта книга, всё больше крепла моя уверенность в том, что на мою долю выпало счастье ещё раз рассказать об удивительном, единственном в своём роде, до сих пор недооценённом, сообществе военных моряков – катерников, совершивших Великий Подвиг для советских людей, для будущей свободной России, которые, отрицая порой саму Смерть, боролись и не сдавались, а если и уходили в иной мир, то были совершенно уверены, что умирают в борьбе за Правду и никогда не будут забыты потомками…

Настоящая книга – итог моей крепкой веры в возможность создания мира отца, правдиво описанного и тем самым пробуждённого к существованию, иными словами - воплощение своей многолетней Мечты до такой степени реальности, которая позволила мне побывать в его мире, ощутив жизнь отца почти материально.

Глава первая. В Тверском Краю

Полёт беркута

Лето шло к осени, но пока было тепло и солнечно, в лесу радовало обилие грибов и ягод, с шумом перелетали большие выводки тетеревов, глухарей и рябчиков, медведи чавкали брусникой и проверяли спелость клюквы, рыси выслеживали беляков и боровую птицу, рогачилоси готовились к осенним битвам…

Огромная хищная птица неспешно летела к северу окоёма. Молодой беркут, постигнув охотничью науку, покинул родительское гнездо в поисках угодий, в которых он смог бы закрепиться и создать пару. Летел, посматривая вниз зоркими глазами. Он, то кружил, время от времени заинтересованно снижаясь, то снова набирал высоту. Большие широкие крылья легко несли тяжёлую птицу. Потоки тёплого восходящего воздуха позволяли беркуту парить, почти совсем не тратя сил. Так он мог лететь весь день. Чуть выше птицы плыли лёгкие облака. Солнце временами пробивалось сквозь них, находя просветы, и тогда на леса, луга и поля падали лучи, высвечивая земные красоты. Лучи попадали и на беркута, приятно согревая его.

Вот беркут заметил большое пространство земли, свободное от леса. На холме, возвышающемся над окружающими полями и лугами, выстроились вдоль дороги десятка полтора деревенских изб. На лугу у леса паслось стадо коров, в стороне виднелся табунок лошадей, блестели зеркальца небольших озёрок – прудов, на которых плескались домашние гуси и дикие утки. По сжатому ржаному полю неспешно прыгал крупный заяц-русак, а у леса стая тетеревов жировала на просыпанном из колосков зерне. К северу, верстах в пяти, беркут заметил извив большой реки.

Примерно в версте от деревни, рядом с большим круглым прудом стояла изба, окружённая палисадом, во дворе – колодец, дровяник, баня, другие постройки. Маленький мальчик лежал на траве, пристально наблюдая за птицей в небе. Хищнику приглянулось место, и он решил остаться…

Родовой дом

Край этот прекрасный назывался Бежецкий Верх, то есть возвышенность, водораздел, с которого ручьи и реки текли в разные стороны. Деревня носила название Гороватая, а отдельная изба с постройками – хутор Повалы, и жили там русские люди, поселившиеся в лесном краю более тысячи лет назад.

Рисунок Андрея 1925 г. «Родовой дом Филипповых на хуторе Повалы близ деревни Гороватой»

Люди отвоевали у леса землю, тяжелейшим трудом сведя деревья вокруг жилья, получив отличные луга и пахотные поля плодородной земли. Построили избы. И зажили, трудно, но привычно. Рожали детей, учили их сеять хлеб, выращивать лён, свёклу, морковь, репу, позже картофель. Охотились в лесах, рыбачили на ближней реке Мологе, на других реках и лесных озёрах, плотничали, ковали железо, косили траву на сено, разводили скот и прочую домашнюю живность…

Это была Тверская сторона, лесная и хлеборобная, рыбная да звериная. Куда не погляди - стояли леса дремучие: что на север – к реке Мологе, притоку Матушки Волги, что на юг – к реке Медведице, опять же в Волгу впадающую. И на запад шумели леса до самого Вышнего Волочка, города, что стоял на тракте Москва – Санкт-Петербург. И на восток – сколь не иди – всё леса: и по Ярославской земле, и по Костромской, по Нижегородской, и ещё далеко-далече… Широка ты, земля Русская!

Четыре года назад, 19 августа по старому стилю, а по новому - 1 сентября 1909 г., на хуторе Повалы, что стоял в версте от деревни Гороватой, в семье крестьян-бедняков Филипповых Пелагеи Фёдоровны и Михаила Филипповича произошло радостное событие - родился подряд четвёртый сын. Почему радостное? А потому, что новый работник в семье появился!

Мужик! Назвали его Андрей. Пока в зыбке качался да босиком бегал, кликали его Ондрюша, Ондрюшка, Ондрюха.

Самым старшим из детей был Сергей, родившийся в 1899 г. Затем Михаил, 1902 г. рождения, в 1905 г. – Василий.

Отголоски Первой Мировой Войны

Четыре с половиной года своей жизни Ондрюшка не помнил совсем.

Рисунок Андрея Михайловича 1947 года «Баба Олёна и я»

Из записей Андрея Михайловича 1947 г. Здесь и далее записи приводятся без корректуры, курсивом; пояснения автора – в скобках, обычным шрифтом: *«Первые проблески мысли, оставшиеся в памяти, относятся к июлю 1914 года… Резко врезались в память и отложились в сознании крики и плач, поднявшийся в деревне, по получении сведений об объявлении мобилизации. Баба Олёна из деревни Пальчиха, расположенной в двух верстах от железнодорожной станции Викторово, принесла это мрачное известие, хлестнувшее как кнут по умам жителей нашей деревни. Помню невысокую, плотную, с растрёпанными волосами женщину, бежавшую вдоль деревни с плачем и криком».*

Ондрюшка испугался и убежал домой, в Повалы, во двор, где упал на траву и отревелся. Потом перевернулся и долго лежал на спине. Смотрел в небо. Думал: *«Какая такая эта война? Зачем? Что-то теперь будет?»* Заметил большую птицу высоко в небе. Долго наблюдал за ней. Таких огромных он ещё не видел. Птица, похоже, что-то искала, высматривала, то снижаясь, то снова воспаряя к облакам…

К этому времени (1914 г.) в семье крестьян Филипповых было уже пять мальчиков: родился Михаил второй, по прозвищу Маленький. А в 1915 – сразу двойня: Георгий (Ганя) и Екатерина. Всего родилось у Филипповых семь детей: шесть мальчиков и одна девочка.

Запись Андрея Михайловича 1947 года: *«Воспоминания более определённые начинаются у меня с того времени, когда уходит на войну мой отец. Отец, измученный бедностью, постоянными мыслями, как накормить свою «ораву», сгорбленный не по годам, по приказу царского правительства в 1915 году уехал на фронт, сражаться «За веру, царя и отечество». На мать, состарившуюся от нужды преждевременно, добрую, вечно хлопотливую, работящую в поле, огороде, одновременно занимавшуюся детьми, легли все заботы. Невольно приходят на память слова Николая Алексеевича Некрасова: «…многострадальная мать!»*

Воспитание трудом

В тяжёлом труде на чужого хозяина, в поле и дома, матери посильно помогали старшие дети: шестнадцатилетний Сергей, тринадцатилетний Михаил и десятилетний Василий. Миша Маленький был ещё совсем ребёнок; на шестилетнего Андрея легла обязанность – присматривать за Катей и Ганей и качать их в «зыбке».

Деревня Гороватая. Фото 50-х лет XX-го века

Неразлучная троица старших братьев принимала участие во всех крестьянских работах жителей деревни. Они косили траву, сушили и скирдовали сено, жали серпами рожь, ячмень, пшеницу, дёргали лён, копали и носили глину, песок, пасли скот, заготавливали дрова, сажали, пололи и копали картошку, таскали из колодца воду домой и в баню, мыли полы, и ещё много чего работали необходимого. А был ещё огород, сбор грибов, ягод, пасека, рыбалка, охота… Всё это надо было проделать обязательно, иначе зимой придут голод, холод и болезни.

Много времени и трудов отнимала работа на барских полях, результаты которой «уплывали» к хозяину-барину. Братьям – то одному, то другому – частенько влетало от мужика, распорядителя работ. В начальники он вышел из кузнецов, поэтому, наказывая вицей (ивовым прутом), приговаривал: *«Пока ты наковальня – терпи, станешь молотом – лупи!»*

Из записок Андрея Михайловича 1947 года: *«Бедность, теснота, слёзы матери и её унылая тягучая песня без слов над колыбелькой меньших по ночам – вот что отложилось у меня в памяти от того времени».*

Через год от непонятной болезни умер Ганя… Схоронили его всей семьёй без Михаила Филипповича. Мать заливалась горючими слезами над маленьким гробиком, сделанным

руками старшего сына Сергея. И потом до самого своего ухода из жизни вспоминала маленького Ганю.

Грамота

Читать Ондрюша научился в 7 лет, с помощью старшего брата Сергея.

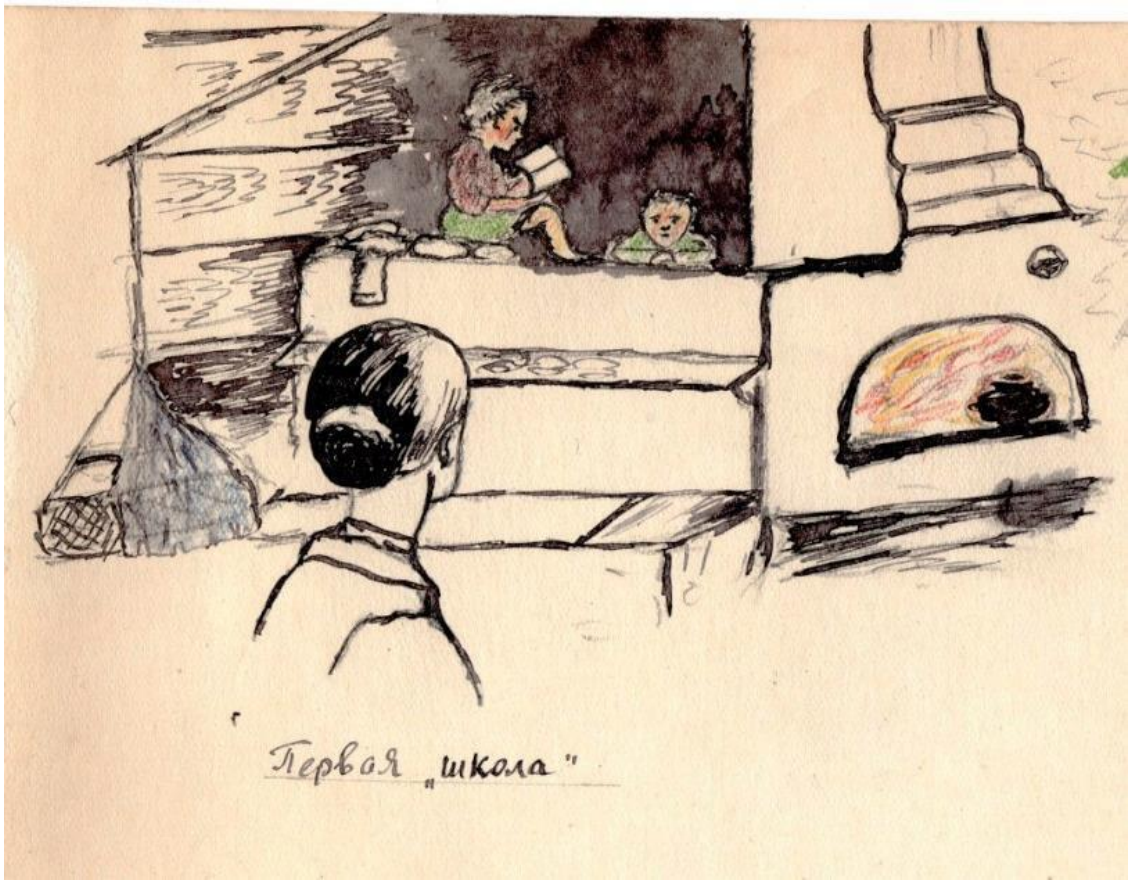
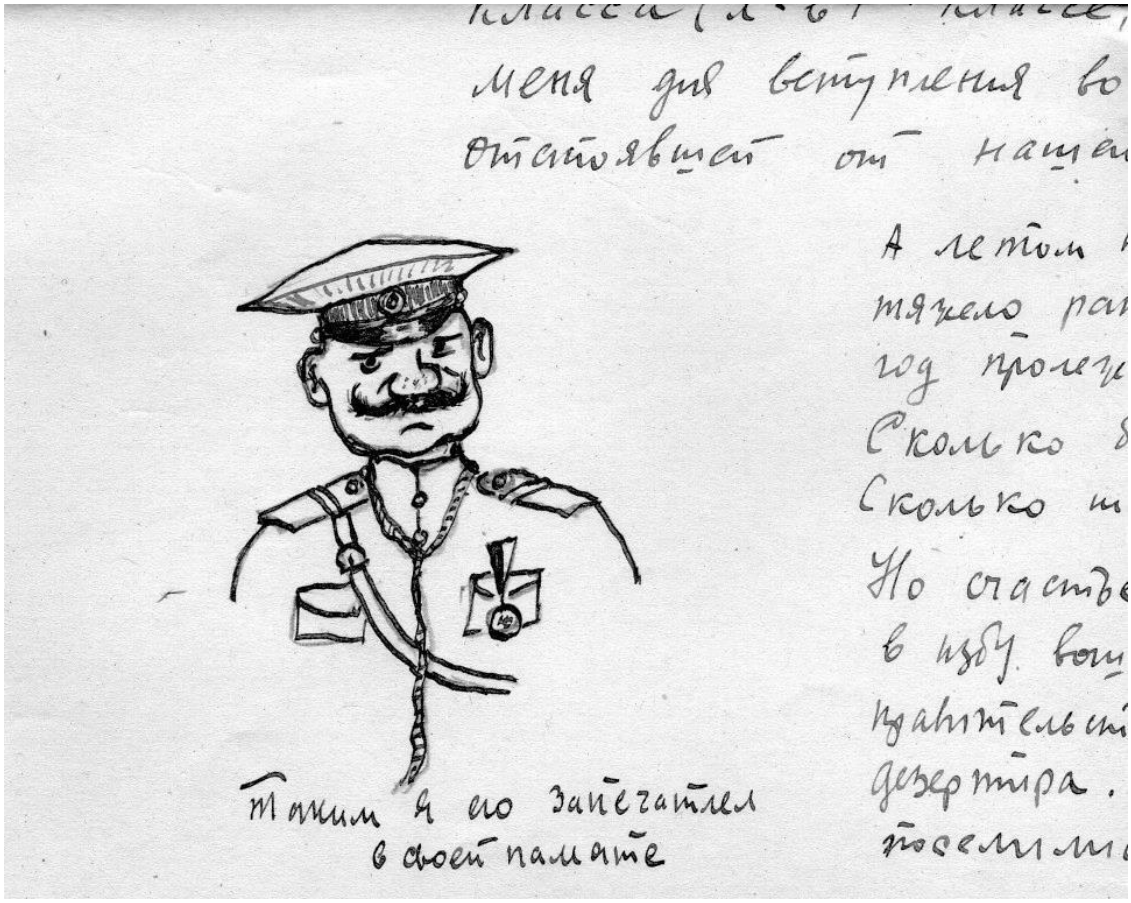


Рисунок Андрея Михайловича 1947 года « Первая «школа»

Записки Андрея Михайловича: *«Первое место…, после отца и матери, занимает мой старший брат Сергей. Помню его шестнадцатилетним юношей – «хозяин» в избе и в поле – старший («братец», как мы все его звали). Переняв от отца, устраивал громкую читку газет для оставшихся в деревне стариков и женщин. Он был первым грамотеем на деревне – окончил 4 класса приходской Княжихинской школы с похвальной грамотой. Сергей показал мне в букваре (истрёпанном и грязном) буквы, назвав их произношение, а зимой 1917 – 18 годов «открыл школу», и, ведя два класса (я – в первом классе, а Михаил Большой – во втором), подготовил меня к поступлению во второй класс Княжихинской сельской школы, отстоявшей от нашей деревни на 7,5 вёрст».*

Подпасок

Летом 1917 года, когда Ондрюшке было без малого 8 лет, его определили к пастуху деревенского стада коров. В подпаски. Работа серьёзная. Однако в первый же день его новой должности брат Мишка Большой принёс новость о возвращении с войны отца! Пастух тут же отпустил Ондрюшу, наказав подойти после обеда, чтобы к вечеру вместе гнать коров домой.



Фотография рисунка Андрея Михайловича 1947 года: «Пристав – «урядник»

Из записей Андрея Михайловича 1947 года: *«…летом 1917 года вернулся из госпиталя отец. Он был тяжело ранен в 1916 году на Западном фронте и целый год пролежал в госпиталях. Сколько было радости у нас! Сколько шума, криков и слёз радости матери!!! Но счастье было не долговечно, через два месяца в избу вошёл «урядник» - пристав (полицейский Временного правительства) с ордером на арест отца, как дезертира. Отца увели… Опять горе и слёзы поселились в нашу избу».*

В тот день – день возвращения отца с войны - Ондрюшке надо было вернуться к стаду. И совсем не важно, что не видел отца два года – в деревне каждый был приучен относиться к любой работе со всей серьёзностью: и взрослый, и подросток.

А вот как прошёл у Ондрюши первый день в подпасках. Наутро, когда ещё была полная темень, мать разбудила его. Сама она поднялась ещё раньше, и уже подоила корову Зорьку. Мать поставила на стол для Ондрюши кусок хлеба и кружку парного молока: *«Пей и выгоняй Зорьку и Мушку к воротам!»* Ондрюша быстро умылся, несколькими глотками проглотил

молоко и хлеб, оставив для коров кусочек. Мать с сыном подогнали взрослую Зорьку и телушку Мушку к воротам и стали ждать стадо.

Сначала в ночной тиши раздалось разноголосое мычание коров, на фоне которого выделялся резкий звук щёлкающего пастушьего кнута. Потом гнусаво заиграл рожок. Ондрюша заметил, как услышали эти зовущие звуки Зорька и Мушка, как заволновались и прижались к воротам, показывая хозяевам, что хотят к стаду. Как только ворота распахнулись, корова и телушка, радостно мыча, побежали к стаду. В деревенском стаде, кроме коров и телушек, шли ещё и маленькие телята. Вела стадо старая корова Лебедевых по кличке Тётка. Левый рог у неё был сломан. Пастух, временами пощёлкивая кнутом на пытающихся убежать телушек, объяснил, что основная задача Ондрюшки – разобраться с кличками коров, но ещё важнее – узнать характер, норов каждой коровы. И особо следить за коровами, которые могли сбежать за приключениями. На шеях почти всех коров и телушек висели ладанки – вязлы. Эти обереги для защиты от коровьих болезней, нападения волков и медведей, повесили на шеи своих животных хозяйки.

Пастух рассказал, что самое главное – довести стадо до выпаса так, чтобы оно не только не разбежалось, но и не потоптало хлеба, картошку и лён. На выпасе снова надо наблюдать, чтобы норовистые коровы не убежали в лес, где на них могли напасть волки. Выпас огорожен жердями, но любое дерево со временем сохнет, гниёт, ломается, поэтому Ондрюшке предстояло подсобить и в ремонте изгороди. Для защиты от волков у пастуха на плече висела берданка, а у ноги семенил кобелёк Бублик, который помогал пастухам догонять и разворачивать отбежавших коров, поднимать стадо после дневного отдыха, выгонять в жару коров из пруда. А ещё Бублик мог учуять подкрадывающихся к стаду волков. Пастух рассказал Ондрюшке, как *«…летось* (прошлым летом) *Бублик загавкал вовремя, и он успел зарядить ружьё и уложить картечью огромного волка-одиночку, почти уже подползшего к маленькому телёнку».*

Вот и выпас. Это луг с сочной травой, посреди которого большой глинистый пруд для водопоя и купания коров. На холме рядом с прудом – небольшой навес и кострище.

В полдень приходили дойницы (хозяйки коров) для дневной дойки и приносили пастухам еду: варёную картошку, яйца, хлеб, зелёный лук, соль. Иногда были пироги и вяленая рыба. Молоко пили парное, прямо после дойки. Перед дойкой обязательно надо было пожелать дойницам: *«Ведром тебе!»*, желая удоя величиной с ведро! Потом пастухи пили чай, долго, до пота.

Но в тот день Ондрюшка, по причине возвращения отца, не дождался дневной дойки и сытной еды. Про остальные обязанности подпаска, и трудные, и лёгкие, Ондрей узнал уже на второй день.

Рыбалка

Первый раз на рыбалку Ондрюшку взяли старшие братья, когда ему было 5 лет. Пошли на речку Вирицу ранней весной, ловить рыбу намётками. Намётка – это рыболовная сетка, прикреплённая на длинный крестообразный шест. В пять лет такую снасть не удержать, и братья, добро посмеиваясь над пока слабосильным младшим, дали ему большой сачок.

Фото 1 декабря 1936 года. Старший «братец» Сергей

Речка Вирица близ железнодорожной станции Викторово – извилистая, тихая и мелкая, скорее похожая на ручей. Но в весенний разлив Вирица превращалась в довольно грозный поток, способный сшибить с ног маленького мальчика. Так и случилось. Пока старшие зашли в воду и ловили, Ондрюшка в стороне от них, норовя зайти поглубже, был сбит течением, которое проволокло его метров сто и выкинуло на песчаный островок посреди речки. Прошло более получаса, пока мокрый и замёрзший Ондрюшка доорался до братьев. Рыба попадалась хорошо, поэтому Миша и Вася не пошли. Прибежал один Сергей, который и перетащил мокрого парня на берег, развёл костёр, стащил и просушил его одежду, завернув Ондрюшку в свою.

Закончилось всё удачно. Ребята принесли домой хороший улов: несколько щук весом около килограмма каждая и полпуда икряной сороги (плотвы), идущей на нерест вверх по Вирице. Ондрюшка, к счастью, не простудился, получив надолго прозвище «Наш утопленник».

Когда Ондрюшка подрос и превратился в Ондрея, братья стали брать его на рыбалку на реку Мологу, до которой было около 6 вёрст. Там ребята ловили рыбу на удочки, на жерлицы, на перемёт, а сделав небольшой плот – на поленья. Это уже была совсем серьёзная ловля, для семьи, когда всю пойманную рыбу слегка подсаливали и привозили на телеге домой, а там уж мать знала, что делать с уловом: что-то в подпол на холодок, что-то вялить, что в уху, а что и коптить.

Ловля на поленья проводилась так: ребята отбирали заранее десяток сухих круглых поленьев, прикрепляли и наматывали на каждое полено толстую леску или крепкую тонкую верёвку (леску было трудно достать, иногда приходилось плести леску из конских волос, выдираемых из хвостов), к свободному концу лески крепился металлический поводок, груз и большой остро наточенный тройник. На конце каждого полена делали специальный расщеп, куда заводилась леска. От расщепа до тройника расстояние разное: от метра до двух.

Перед рыбалкой все братья ловили на удочки мелкого живца: подъязков, сорожек, мелких окушков, пескарей и ершей. Как свечереет, кто либо из братьев (решалось по жребию) вдвоём выплывали на сделанном заранее плотике в нужное место. Один орудовал веслом, а другой наживлял крючки живцами. Установленные поленья тихо сплывали по течению, а плотик следовал за ними.

Вот одно из поленьев вдруг как затрясётся, встанет вертикально, а потом начинает быстро крутиться, так, что брызги летят! Покрутившись, полено плывет к берегу и останавливается. Плотик тихонько подплывает к полену так, чтобы можно было взять его рукой. Полено осторожно вытаскивают из воды, выбирают леску, пока та слегка не натягивается, а потом сильно подсекают. И сразу метрах в пяти у крутого коряжистого берега плещет хвостом рыбина, пытаясь сорваться с лески. Брат не спеша подводит крупную щуку к борту и, зацепив её багориком, забрасывает на плот, где другой брат тут же оглушает рыбину поленом. Щука трясётся, растягивается и засыпает. Она тёмно-золотая, в пятнах, с хищной крокодильей головой и острыми акульими зубами. Довольные ребята тихо переговариваются, а в это время начинает крутиться другое полено.

При этом случалось всякое, и братьям приходилось дружно находить правильное решение. Однажды, когда рано утром четыре брата ехали с хорошим уловом на телеге с Мологи домой, и проезжали деревню Дубровку, что стояла на полпути, их встретили местные ребята. Потребовали часть рыбы за проезд. Братья ни в какую! Дошло до драки. Всё же совместно решили, что будут драться самые сильные. Со стороны Дубровки вышел 18-летний парень, почти мужик, среднего роста, плотный, с пухлыми розовыми щеками, в яловых сапогах, что говорило всем окружающим о большом достатке в семье. От братьев, конечно же, Сергей, которому было тогда 16 лет, и он был сухощав, жилист, высок, и босиком, поскольку время было летнее. У деревенских драк было только два правила, неукоснительно соблюдаемых: лежачего не бить, ножами, камнями и палками не пользоваться. Драка кончилась, почти не начавшись.

Щекастый парень попытался садануть Сергея носком сапога в промежность, Сергей увернулся и со всего размаха залепил правым кулаком Щекастому по уху. Соперник сразу повалился в пыль и лежал без движения несколько минут. Братья медленно отошли к телеге, пройдя сквозь замерших, раскрыв рты, соперников, сели на телегу и тронулись, постепенно прибавляя ход. Въезжая в лес, обернулись и увидели, как Щекастый корчился, стоя на карачках, и как его тошнило на пыльную дорогу.

Молодой охотник

У всех мужчин семьи Филипповых испокон веку тяга к охоте была в крови. До войны и ранения таким был и тятька – Михаил Филиппович (*тятя*, *тятька* - так обычно звали отца дети в семье тверян). Каждую осень приносил он в дом тетеревов, рябчиков, глухарей, уток, зайцев – беляков и крупных русаков, отъевшихся на хлебах. Всю дичину он стрелял из старенькой одностволки, перешедшей к нему от своего отца – деда Филиппа. Однако охотился Михаил Филиппович в основном тайно, потому что в то время обычному крестьянину запрещалось охотиться в барских охотничьих угодьях. По закону крестьянам разрешалось стрелять дичь только в отведённых для этой категории граждан местах. А это были или неугодья, в которых дичь не жила, или участки водоёмов, где ни утки, ни гуси не садились на перелётах. В некоторых губерниях Российской империи вообще существовал запрет на владение ружьём для крестьян.

Приходилось браконьерить, иначе, как смеялся тятька, *«…не прожить эдакой ораве мужиков!»* В этой шутке звучала у него своеобразная гордость за большую семью и своё умение её прокормить. После полученных на войне ран тятька сильно ослабел и уже больше не охотился. Ружьё передал старшем сыну - «братцу» Сергею.

А вот дед Филипп любил охотиться на крупного зверя, особенно – на медведя в берлоге, причём только с рогатиной, топором и ножом. Говорили, что будто бы барин неоднократно брал его охотиться на берлоге, зная, что не подведёт Филипп, прикроет, если что. В семье Филипповых жила легенда, что отец деда Филиппа, настоящий богатырь по имени Андрос, что значит по-гречески *мужественный*, отслуживший матросом на Балтике и возвратившийся в родные края, стал охотиться. Он будто бы взял в одиночку на берлогах 39 медведей, и вот именно «сороковой» медведь поломал прадеда Андроса так, что после пятидесяти лет тот уже не вставал с лежанки, и умер в 55…

Тятька Михаил Филиппович помнил, не раз рассказывая в семье за столом, как они, после удачной охоты на косолапого, для здоровья ели растопленный в блюдце медвежий жир, макая в него хлеб. Медвежий и барсучий жир, мёд и правильно высушенные растения использовались в семье при многих заболеваниях, как детей, так и взрослых. Ну и баня русская, конечно же, с парилкой и вениками, берёзовыми и можжевеловыми.

В семье Филипповых хранилась рогатина прадеда Андроса, представлявшая собой двухметровое ратовище (копьё) с тяжёлым толстым (около 4 см диаметром) древком, сработанным из ясеня (для особой упругости). Стальной обоюдоострый наконечник длиной 30 см, шириной 6 см, имел ограничитель, называемый *рожон*, который не давал тяжёлому зверю слишком глубоко насадиться на рогатину и поранить охотника.

Прадед Андрос и дед Филипп были в семье Филипповых последними охотниками, которые любили брать «хозяина» на берлоге. Охотясь, да и просто в семейных разговорах, они никогда не произносили слова «медведь», всегда только «хозяин» или «косолапый».

Братец Сергей охотой занимался только для пропитания семьи. Стрелял, в основном, боровую птицу, уток и зайцев. Как-то раз привелось сделать удачный выстрел по кабану.

Михаил Большой и Василий больше любили рыбалку, а вот Ондрюха «присох» к ружью сызмальства. Часто выканючивал у Сергея взять его на охоту, и тогда всегда, хотя бы разок, но стрелял из ружья в цель, назначаемую ему братом. Старший «братец» советовал Ондрюхе, охотясь в лесу, почаще останавливаться и слушать, открывая Душу шёпоту Леса. А ещё советовал будущему охотнику сначала понять зверя, как если бы он был родственником: узнать, что он ест и где, когда и какое место выбирает для отдыха, куда обычно уходит, убегая от опасности, как быстро передвигается по лесу…

Первой дичью Ондрюхи стал рябчик, взлетевший с брусничника и затаившийся на густой ели. Сергей не смог рассмотреть птицу, и тогда младший выпросил ружьё и, наведя дрожащими руками мушку на цель, чуть опустил ствол, памятуя наказы Сергея, и выстрелил, сбив молодого петушка вместе с веткой, вдоль которой тот спрятался-затаился. Сколько же было радости у десятилетнего паренька!

Уже в 12 лет Ондрей взял на весеннем току у ручья Еменец под песню огромного старого глухаря, уйдя на ток под вечер, побывав на подслухе и переночевав у костра. И всё в одиночку!

Школа

Школу в деревне Княжихе Ондрюша стал посещать с сентября 1917 года, а в конце октября произошла Великая Октябрьская Социалистическая Революция, и народ стал полноправным хозяином своей страны.

Рисунок Андрея Михайловича 1947 года «Зимняя дорога в школу»

Сельская школа всего за одну зиму преобразилась: появились пионерская организация, комсомол, отошли в сторону церковь и вера в бога, учебный процесс взяли в руки коммунисты – большевики. Однако все эти завоевания надо было отстоять – началась Гражданская война. Отцы и братья многих школьников ушли на фронт. Новые события бередили душу Ондрюши, заставляли задумываться. Как человек, принадлежавший к самому бедному слою деревни, Ондрей уже в раннем возрасте полностью поддержал свершившуюся Революцию.

До Княжихинской школы надо было идти 7,5 вёрст. Зимой, особенно после выпавшего ночью снега, это занимало более двух часов. Весной и осенью – часа полтора. Каждый день.

Из записей Андрея Михайловича 1947 года: *«Земля покрыта сияющим, белым, мягким снегом. Синели на нём человечьи, собачьи и заячьи следы. Воздух морозный, щиплет в носу, иголками колет щёки… И так все 7,5 вёрст…»*

Учился Андрей охотно. Не все науки давались легко, но он старался. Из предметов любил физику, географию, литературу. В спорте был одним из первых, особенно на лыжах. И это несмотря на то, что курить Андрей стал очень рано, в пятом классе.

21 января 1924 года ледяной холод на улице пробрался и в классы школы. Ученики сидели на уроках в верхней одежде. Неожиданно директор школы собрал всех школьников и учителей в большом помещении со сценой и трибуной. То, что директор сообщил, потрясло всех - умер Владимир Ильич Ленин… Глубокая скорбь охватила всех. Никто не сдерживал слёз… Все думали, как теперь жить без Ильича… Директор проговорил скорбные слова, а потом попытался вернуть в души школьников бодрость, веру в великое будущее страны, строящей социализм. Уроки в этот день закончились, школьников распустили по домам. Директор школы, несколько учителей и секретарь школьного комитета комсомола поехали в Москву на прощание с Ильичём.

В 1925 году Андрей вступил в Российский Ленинский коммунистический союз молодёжи (РЛКСМ), через год переименованный в ВЛКСМ – Всероссийский… Голосовали за Андрея единогласно: его происхождение из крестьян – бедняков было самым пролетарским. Комсомольский билет получил в Укоме (Уездном комитете) Комсомола, в уездном городе Бежецке.

Андрей хорошо рисовал, как карандашом, так и акварелью, гуашью. Это дарование было фамильным: все Филипповы умели рисовать, кто неплохо, а кто и получше, но не все развивали это своё умение – не до этого было: слишком много крестьянской работы и войн выпало на их долю. На школьных выставках во всех классах Андрей занимал первые места. Рисовал карикатуры на врагов молодого Советского государства, плакаты, транспаранты, стенгазеты, не забывал и Тверскую природу… Класса с седьмого стал мечтать о Ленинградском высшем художественно-техническом институте (ЛВХТИ) – так в то время назывался известнейший Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Ильи Ефимовича Репина, иначе – «Репинка», в царское время известная как Академия художеств.

Однако не всегда в жизни всё зависело от желания мечтателя, коим был и начинающий художник Андрей Филиппов. В 1922 году, на Пятом съезде РКСМ было принято Постановление о шефстве Комсомола над Военным флотом, в котором упоминалось, что комсомольцы должны быть примером для всех молодых моряков, что комсомолу надо помогать *«…красным орлам наших морей …строить Советскую республику и защищать её берега».*

Руководствуясь этим Постановлением, в начале 1927 года Бежецкий Уком комсомола предложил Княжихинской школе выбрать из состава выпускников трёх кандидатов на поступление в военно-морские училища. Одним из кандидатов оказался Андрей. Он уже два года был комсомольцем, и понимал, что это предложение обязывает его поступить так, как наказывает Комсомол. Всех трёх кандидатов направили на медицинскую комиссию.

«Ну, что ж, пока пройду комиссию, а потом видно будет», - подумал Андрей, всё-таки не оставляя в мыслях ЛВХТИ. На медкомиссии он был третьим в очереди. Комиссия, которая работала в Бежецке, первого кандидата пропустила, а второго – совершенно здорового с виду парня - забраковала. Андрей заволновался: *«А вдруг найдут что-нибудь в лёгких? Ведь я же начал курить с пятого класса… Да и рост у меня не ахти какой…»* Когда в помещение комиссии вошёл Андрей, председатель комиссии обрадованно вскрикнул: *«Андрюха! Филиппов!!! Вот так встреча! Каким же ты стал взрослым!»* Андрей не смог скрыть ответной радости: в председателе комиссии он узнал врача, с которым два года назад весной охотился на глухарином току, неподалёку от Повал. Врач рассеял опасения Андрея насчёт курева, а про его малый рост (162 см) сказал так: *«Настоящего человека делают не рост, и не возраст. Главное – это способность принять на себя ответственность в любом деле!»*

Вот так решилась, казалось бы, дальнейшая Судьба Андрея Филиппова, однако весной, после окончания школы, за комсомольской путёвкой он не пошёл, продолжая надеяться на Ленинград и художественный институт, а иначе – Академию художеств. В школе ему выдали Аттестат, где не было ни одной тройки, и Характеристику, подписанную директором школы и заверенную печатью.

Годы, проведённые в школе, стали счастливым временем в молодой жизни Андрея, и, в наступившие потом нелёгкие годы, воспоминания о родных краях приносили ему утешение и облегчали жизнь.

В главе I использована литература: [1,2,49]

Глава вторая. Военно-морское училище

Деревенские проводы

Подошло время ехать Андрею в Ленинград, на учёбу. Через неделю отъезд. Вечером семья в полном составе сидела за самоваром: все смотрели на Андрея - скоро настанет пора прощаться. Мать не отрывала глаз от сына, который так внезапно повзрослел и уже «вылетал» из родного гнезда.

«Решил, куда поступать-то будешь? - спросила она, стараясь не показать выкатившуюся слезинку. – *А, может, лучше тебе в деревне остаться? Всё знакомо, опять же братья, друзья…» - «Нет! Поеду в Ленинград, хочу стать художником».*

«Как же ты один-то будешь? – вступил в разговор тятька-отец. – *Тебе же что-то поесть надо… приодеться тоже... всё денег стоит… а мы тебе не помощники. Знаешь ведь: сами еле живы… Слушай, Ондрюха, пока ещё время есть, съезди-ка в Уком комсомола да возьми на всякий случай комсомольскую путёвку для поступления в военно-морское училище! Ты ведь уже и медкомиссию прошёл, али забыл?! Ну, не срастётся быть художником – станешь моряком, как твой прадед медвежатник Андрос».*

Андрей послушался разумного совета тятьки и съездил в Бежецк. В Укоме комсомола его приняли хорошо, и уже через час Андрей вышел на улицу, держа в руках комсомольскую путёвку, где было написано, что успешно окончивший школу-десятилетку комсомолец Филиппов Андрей Михайлович, 1909 года рождения, направляется комитетом ВЛКСМ Бежецкого уезда Тверской губернии в город Ленинград для поступления в Военно-морское училище. А вот в какое училище конкретно, в путёвке указано не было, поэтому Андрей решил, что в Ленинграде только одно ВМУ. В райкоме ему объяснили, что надо идти на Васильевский остров, где располагалось училище. Андрей обрадовался, зная, что и ЛВХТИ находится на Васильевском острове. Мать, услышав, что оба учебных заведения находятся на острове, высказалась так: *«Как же Ондрей переберётся через Неву-то: найдётся ли лодка, и сколь денег возьмёт лодочник за перевоз… хорошо бы пару рублей прибавить парню, а то мы мало дали-то...»*

Тятька постучал по своей голове, подшучивая над женой: *«Вот ведь неуч! В Ленинграде мосты через Неву ещё при царе наведены! А денег дали, сколь смогли, больше нету!»* И, повернувшись к Андрею, продолжил: *«Мотри, не загуляй там! А то в пятнадцатом Сашка Лебедев съездил в Питер: собирался деньгу заколотить, да так за год «напитерился», что босой приехал и без копейки».*

Семья выделила Андрею брюки всего с одной заплатой и не особо поношенный пиджак, пару рубашек, исподнее, носки, а брат Сергей снял с себя картуз с твёрдым козырьком, почти новый. Андрей был роста небольшого, в тятьку пошёл, брюки были ему длинноваты, так мать подвернула и слегка прихватила нитками, подшила. Мужская обувь в семье передавалась от старшего брата к младшему, а, начиная с ранней весны и до поздней осени, вся семья ходила босиком, либо в лаптях, даже в лес, на покос или на рыбалку. Поэтому весь год Андрей берёг ботинки, доставшиеся ему от брата Василия.

До станции Викторово семья и друзья провожали Андрея с почестями. По такому случаю мать начисто отскребла от грязи и вымыла телегу, а тятька выделил новую сбрую для лошади, приладил звонкие колокольчики. В телеге сидели трое: тятька, мать и несколько смущённый от такой чести Андрей. Остальные шли пешком. Брат Михаил наигрывал на «двухрядке». Андрей был очень рад, что ему не пришлось мять и пачкать Васькины ботинки. Шесть вёрст проехали быстро. Вот и станция, а вернее – полустанок, где скорые поезда мчались без остановки, а прочие поезда приостанавливались всего на пару минут. За это время надо было успеть попро-

щаться с родными и занести вещи в вагон. Купили в кассе билет в общий вагон и стали ждать поезда.

Приключения в поезде

Через полчаса подошёл состав. Паровоз, пуская пар, лязгая и гудя, тащил десяток вагонов.

«Какой красивый!» - произнёс вслух Андрей, оценив свежеокрашенный зелёной краской корпус и красные колёса паровоза. *«Серии «М» («Маруся»), самый мощный паровоз в СССР, только что пошедший в серию»,* - услышав реплику Андрея, гордо отозвался начальник станции, случайно оказавшийся неподалёку.

Наскоро простившись с родными, Андрей забрался в вагон, придерживая котомку с вещами и продуктами на дорогу. Внутри вагон крепко пропах портянками, махоркой и кошками. Кого здесь только не было: солдаты с «сидорами», почему-то в шинелях и с оружием, бабки в платочках, ругающиеся визгливыми голосами из-за мест на нижних полках, крестьяне в лаптях и онучах, усталые рабочие-дорожники, группа пионеров с пионервожатым, все в красных галстуках, плачущие дети разного возраста… но больше всего было мешочников, шныряющих по вагонам и предлагающих пассажирам купить либо продать чего-нибудь.

Андрей нашёл место и втиснулся между двумя небритыми мужиками. Оба курили и, после каждой затяжки, плевали в проход.

«Есть чего пожрать, скудент?» - спросил один из мужиков. Пришлось Андрею выложить нехитрую еду, выделенную ему семьёй на дорогу. Еда мигом исчезла в бездонных желудках соседей.

«Ну, ничего, как-нибудь обойдусь, - подумал Андрей, и, взглянув на пустующую верхнюю полку, решил - *залягу-ка я спать, вот есть и не надо будет!»*

Парень снял ботинки, задвинув их подальше под нижнюю полку, залез наверх, пиджак аккуратно свернул, положил под голову и стал смотреть в окно на мелькающие деревья, поля, луга, деревни… Через час незаметно уснул, а когда проснулся и спустился вниз, мужиков уже не было. Не было и ботинок Андрея… Минутой позже оказалось, что из пиджака исчезли все деньги, которых было 5 рублей по рублю серебром, а также полтора рубля медяками.

Удар Судьбы был болезненным. Поначалу Андрей вообще не знал, что делать. Искать воров было бесполезно: пока он спал, поезд несколько раз останавливался на станциях и полустанках. Хорошо ещё, что документы остались нетронутыми: уцелела и Путёвка Комсомола, и Аттестат об окончании школы, и Характеристика от директора школы, и Справка с результатами медкомиссии. В брюках каким-то чудом сохранился полтинник чеканки 1927 года с изображением кузнеца, бьющего по наковальне.

Думая об обуви, Андрей одновременно прикидывал, что можно будет купить на полтинник, чтобы как-то добраться до института или училища. Из разговоров с соседями оказалось, что в Ленинграде килограмм белого печёного хлеба стоил 20 копеек, килограмм селёдки – 37 копеек, килограмм варёной колбасы 2 сорта – 54 копейки, чай из самовара продавался на улицах дёшево, даже с сахаром. Андрей немного успокоился насчёт еды, но вот как быть с обувью? Не пойдёшь же босиком!

И тут мужик с верхней полки напротив, по виду крестьянин, предложил Андрею свои запасные… лыковые лапти. Андрей поначалу подумал, что мужик насмехается над ним, но потом, повертев лапти в руках, задумался. Липовое лыко умело сплетённых лаптей было изрядно пропитано отваром серёжек чёрной ольхи, поэтому лапти выглядели тёмными, а если ещё и спустить подвёрнутые брюки на лапти, то эту самодельную «обувь» и видно почти не будет.

«Ну, хоть что-то, всё равно ботинки с неба не свалятся!» - подумал Андрей и поблагодарил мужика за подарок.

Тверской Михайло Ломоносов

Утром, 17 июля 1927 года, в воскресенье, имея при себе документы и полтинник одинокой монетой, Андрей сошёл на перрон Октябрьского вокзала (ранее Николаевского). В тёмных лаптях, заинтересованно выглядывающих из-под низко спущенных брюк.

«Словно Михайло Ломоносов!» - подумалось Андрею.

Вокзал ошарашил парня шумом и суетой. Выбравшись на площадь Восстания, Андрей задумался, в какую сторону ему идти, чтобы попасть на Васильевский остров. Спросил у бабки, бойко торгующей пирожками.

«А, тебе на Ваську надо? Так вот вниз по Питерской и гуляй! Хошь пирожка? Домашние, сама пекла», - улыбнулась бабка. Оказалось, что *Васькой* ленинградцы зовут Васильевский остров, а *прогуляться вниз по Питерской* - значит идти от вокзала к Адмиралтейству по проспекту 25-го Октября (ранее Невский проспект), потому что место, где расположена площадь Восстания – одно из самых высоких в Ленинграде, и проспект как бы сбегает вниз, «стекает» к Адмиралтейству.

Андрей сориентировался и зашагал. Всё было ему ново и интересно: и народ на улицах, и часто гудящие автомобили, и регулировщики, виртуозно работающие жезлами на перекрёстках. На углу с улицей 3-го июля (ранее Садовая) Андрей увидел чайную, куда и зашёл. Купил два стакана чая с сахаром, два куска пшеничного хлеба и кусок колбасы второго сорта. За всё уплатил 35 копеек. И осталось у парня всего-то 15 копеек…

Подкрепившись, двинулся далее. Миновал здание Думы, полюбовался на Казанский собор и вышел к саду Трудящихся (ранее Александровскому). Перешёл короткий проспект имени Семёна Григорьевича Рошаля (ранее Адмиралтейский проспект), и увидел справа огромную площадь имени Моисея Урицкого (ранее Дворцовая площадь) с огромной Александровской колонной посередине.

«Вот он какой – Александрийский столп Пушкина!» - Андрей был настолько заворожён великолепием архитектурного ансамбля площади и окружающих зданий, что стоял, разинув рот, минут десять, не услышав чёткого шага военного отряда за своей спиной. А вот если бы обернулся тогда, жизнь его могла пойти другим курсом. Дело в том, что за спиной у Андрея прошёл взвод курсантов Военно-морского инженерного училища имени Феликса Эдмундовича Дзержинского. Взвод следовал в расположение своего училища, которое находилось тут же, в здании Адмиралтейства, и готовило в течение пяти лет инженеров флота: кораблестроителей, механиков и электротехников.

Как известно, любая история не имеет сослагательного наклонения: Андрей продолжил свой путь, выйдя на Республиканский мост (ранее Дворцовый) через широкую реку Неву. Красивейшая панорама развернулась перед ним: по левому берегу Адмиралтейство, Сенатская площадь с конным памятником Императору Петру I («Медный всадник»), далее виднелся мощный купол Исаакиевского собора; по правому берегу – величественные здания, виденные Андреем на праздничных открытках и рисунках в учебниках истории и литературы. Присмотревшись, он узнал лишь здания Кунсткамеры и Академии наук. Ещё он читал, что первым жилым зданием, построенным на Васильевском острове, был дворец Александра Даниловича Меньшикова, но с моста Андрей не смог определить его среди других зданий.

Тут Андрей вспомнил, как ещё в деревне мать рассмешила всю семью вопросом переправы через Неву на лодке. Почесал в затылке, улыбнулся и, поправив картуз, едва державшийся на густых тёмных волосах, повернул с моста налево, на Университетскую набережную, отметив у здания Биржи на Стрелке Васильевского острова две колонны, называемые «ростральными». Проходя по Университетской набережной мимо зданий Ленинградского университета, Андрей почувствовал усталость не только от обилия всего нового, которое «пере-

варивал» уже с трудом, но и от ходьбы в лаптях по твёрдым мостовым и набережным. К тому же молодой парень снова проголодался…

Здание ЛВХТИ (Ленинградский высший художественно-технический институт, ранее Императорская Академия художеств) располагалось сразу после дворца Меньшикова. Андрей, с трудом передвигая ноги, поднялся по ступенькам к главному входу, однако вход был закрыт. Обойдя здание, Андрей нашёл дверь, вошёл и оказался в огромном темноватом помещении, где сидел дежурный, который терпеливо объяснил, что Андрею следует прийти завтра, потому как сегодня выходной день. А ещё спросил, взял ли Андрей свои работы, сделанные ранее, чтобы показать экзаменационной комиссии. У Андрея таких работ с собой не было. Понурив голову, он вышел и побрёл дальше, к набережной имени лейтенанта Шмидта (ранее Николаевская набережная), где, в зданиях под № 17 находилось Военно-Морское Училище имени Михаила Васильевича Фрунзе, готовящее командиров Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ).

Перед главным входом в училище, на набережной, высился памятник адмиралу Ивану Фёдоровичу Крузенштерну. Андрей, конечно же, читал о первом русском кругосветном плавании в 1803-1806 годах под командованием Ивана Фёдоровича Крузенштерна и Юрия Фёдоровича Лисянского на трёхмачтовых шлюпах «Надежда» и «Нева», поэтому направился к входу в училище только тогда, когда вдоволь насмотрелся на памятник. Как потом узнал Андрей, с 1826 года по 1842 год адмирал Крузенштерн был директором Морского кадетского корпуса, который размещался в тех же корпусах, что и теперешнее ВМУ имени Фрунзе.

Подходя к училищу, Андрей, совершенно вдруг, удивился совпадению номеров зданий ВМУ и ЛВХТИ – оба № 17, только названия набережных разные.

«А может, это к счастью?!» - подумал парень и уверился, что всё будет хорошо.

Макароны «по-флотски»

Войдя в КПП (контрольно-пропускной пункт), Андрей был встречен помощником дежурного по КПП – курсантом-краснофлотцем второго курса, на левом рукаве форменки которого было две красных галочки под золотым якорем, на коротко подстриженной голове – бескозырка с красной звёздочкой, на чёрной ленточке сверкала надпись **В.М.У. им. Фрунзе**. Кроме того, на том же левом рукаве – трёхполосная повязка сине-бело-синего цвета. Взглянув на Андрея, курсант спросил: *«Приехал поступать? Документы с собой?»* - и вызвал дежурного по КПП.

Появился дежурный в морской фуражке. На его форменке, кроме четырёх красных галочек и якоря, внизу левого рукава были пришиты три горизонтальные золотые полоски, над которыми размещалась большая красная звезда в золотом канте. Это был курсант 4-го курса, главный старшина специалист, помощник командира взвода. Погоны в то время в РККФ были отменены, а звания присваивались по исполняемой должности, как для старшин, так и для командиров. Об этом Андрей не имел ни малейшего понятия; всё это ему только предстояло узнать.

Внимательно просмотрев документы, главстаршина доложил по телефону дежурному по училищу. Состоялся краткий разговор, в котором дежурный по КПП произносил в основном две фразы: *«Так точно, товарищ командир! Есть, товарищ командир!* - а в конце - *Всё понял, товарищ командир! Разрешите выполнять?!»*

Потом главный старшина повернулся к Андрею и, улыбаясь, произнёс: *«Везёт тебе, Филиппов! С такими документами не надо ни отбор проходить, ни медкомиссию. Сейчас помощник отведёт тебя в кубрик для поступающих, потом на камбуз – пообедаешь со всеми, а завтра с утра – на мандатную комиссию в Василеостровский райком комсомола. А потом – экзамены. Да, вот ещё что: после обеда зайди в баталерку, там тебе подберут обувь, а то, я смотрю, ты как-то одет не по Уставу»*.

В кубрике для поступающих стояли ровными рядами двух-ярусные койки, на которых красиво смотрелись однообразно заправленные постели. Между койками - тумбочки. Человек двадцать парней сидели на банках (табуретках), читали или тихо переговаривались. Помощник дежурного спросил, какая койка свободна, попросил парней всё показать и рассказать Андрею, и убыл на КПП продолжать службу.

Андрей познакомился с ребятами, которые оказались из разных мест Советского Союза: Псковщины, Белоруссии, Дальнего Востока, из-под Нижнего Новгорода, Донецка, Одессы, Москвы и Ленинграда. Были и парни, уже послужившие в Красной Армии и в Красном Флоте. Таких принимали возрастом до 26 лет.

Ребята посмеялись по-доброму над лаптями, и Николай - крепкий паренёк с Дальнего Востока – не дожидаясь сигнала на обед, сводил Андрея в баталерку и выпросил у старшины-баталера поношенные ботинки нужного размера для Андрея.

После сигнала на обед все ребята вышли на улицу, по команде старшего – это был уже знакомый Андрею Николай - построились в две шеренги, повернулись и, стараясь попасть в ногу, колонной по двое пошли на камбуз. Столы были накрыты на четырёх человек. Посредине - два бачка: со щами и макаронами «по-флотски». Стояли четыре больших жестяных кружки с компотом, миска с нарезанным ржаным хлебом, лежали дюралевые ложки и вилки. Ещё была солонка и на маленьком блюдце – горчица.

Старший указал Андрею свободное место. Ребята встали каждый у своего места, и сели только по команде старшего. Ели быстро; так полагалось на флоте принимать пищу. Андрей, который был голоден и споро всё уплёл, не успел допить компот – прозвучала команда

старшего: *«Встать! Посуду собрать!»* Компот пришлось допить стоя. Больше всего Андрею понравились «макароны по-флотски» - никогда в своей жизни такой вкуснотищи не едал.

Вечером был ужин, потом ещё – вечерний чай с морскими галетами и сухарями… Спал Андрей на чистом постельном белье, с матрасом и подушкой, на спинке койки висело белое вафельное полотенце… Всё было словно в сказке…

Андрей лежал и думал, что бы он делал, если бы начал учиться в институте на художника? Где бы он нашёл себе пристанище и такую еду, какой не было и дома, в деревне? Но самое главное - ему уже хотелось добиться чего-то важного для страны и для себя именно в ВМУ, стать хорошим командиром, защитником Советской Родины… В этот момент он окончательно решил поступать в училище.

Назавтра, в понедельник, почти все ребята с документами явились в назначенное время в Василеостровский райком ВЛКСМ. Большинство должны были пройти отбор с первоначальной проверкой знаний, медкомиссию, и только потом, если дадут «добро», добраться до мандатной комиссии, которая и решит, допускать ли до вступительных экзаменов или нет.

Андрея и ещё двух парней сразу отправили на мандатную комиссию, которая состояла из гражданских лиц, командиров РККФ и РККА. Почти каждый задал Андрею вопрос, а некоторые и по несколько. Вопросы были разные: по школьным наукам, про семью, отношение к комсомолу и ВКП(б), почему решил пойти в ВМУ. Очень волнуясь, Андрей стоял перед комиссией, словно в тумане, лица членов комиссии мелькали, сливались и искажались, как в первых кинофильмах.

Про семью спросил командир РККА. Андрей подробно рассказал, что семья Филипповых – крестьяне-бедняки, хлебопашцы, отец – инвалид Первой мировой войны, в семье, кроме него, ещё четыре брата и сестра. Упомянул и своего прадеда – медвежатника Андроса, который служил в царское время матросом на Балтике. Рассказал, как он работал в поле совсем маленьким на хозяина-барина, как был подпаском.

Гражданский в очках задал несколько вопросов из физики и математики; другой гражданский – из русского языка и литературы. Андрей ответил на все вопросы.

Командир РККФ спросил, есть ли у него опыт хождения на шлюпке под парусом. Андрей честно сказал, что – нет, но на вёслах он *«…по реке Мологе хаживал, когда рыбу удил»*. Все заулыбались.

Другой командир РККФ задал вопрос из географии про моря и океаны, омывающие берега Советского Союза. Андрей обрадовался любимому предмету, назвал все моря, и начал было рассказывать о Северной Земле и об экспедициях для её изучения, но тут его остановили.

Последний вопрос был о 5 съезде ВЛКСМ. Его задал секретарь Райкома ВЛКСМ. Материалы этого съезда Андрей знал почти наизусть, ещё со школы, особенно ту часть, которая была про связь комсомола с РККФ.

После мандатной комиссии Андрей вышел красный от волнения, вспотевший, но счастливый: *«Допущен!»*

Начальная подготовка и Присяга

Дней через десять, когда закончился отбор и экзамены, которые Андрей благополучно сдал, все принятые в училище ребята были подстрижены и тщательно вымыты в бане. Их переодели в робу (рабочую форму: брезентовые брюки и рубахи), крепкие и тяжёлые прогары (корабельные яловые матросские ботинки), тельники, трусы, караси (носки). Выдали ремни с бляхами и гюйсы. А вот бескозырки были пока без ленточек. Потом месяц занимались «муштрой» и изучением Уставов, проходя курс начальной подготовки. Командирами отделений были назначены парни, отслужившие ранее в РККФ или в РККА. Старшинами (зам. командиры взводов и старшина роты) были курсанты старших курсов.

«Муштра» началась со строевой подготовки в прогарах, что по весу – очень прилично, однако при внешней некоторой бесформенности и явной тяжеловатости, обувь была очень удобная: крепкая и «безмозольная». Когда шли строевым шагом всей ротой, душа курсантская радовалась от дружного и твёрдого военно-морского шага.

При таких нагрузках, какая бы ни была еда на камбузе, всё равно не хватало, особенно хотелось хлеба. Добавку давали не всем, а только высоким, которым определили полторы нормы питания. Завидовал отец высоким, сам-то он был небольшого роста – 162 см. Да и весом всего 55 кг. Но уже на втором курсе он весил 63 кг.

Курить Андрей так и не бросил, продолжая дымить и в перерывах между занятиями, и по вечерам «у фитиля», как называли курилку на флоте. Курилка была местом, где горячо обсуждались вести, как училищные, так и газетные, порой переходящие в яростные споры.

Примерно через месяц наступил желанный момент переодевания в парадную форму курсантов-краснофлотцев. Когда Андрей подошёл к зеркалу, в котором впервые увидел себя в полный рост, то не узнал поначалу: в зеркале отражался крепкий молодой человек в красивой морской форме, в бескозырке с надписью **В.М.У. им. Фрунзе**, с якорьками на концах ленточки, с красной галочкой под золотым якорем на левом рукаве форменки, в кожаных парадных ботинках…

«Вот бы тятька с мамой и братья меня увидели!» - подумал Андрей.

После осмотра формы одежды командир роты вывел роту первого курса на плац для принятия присяги. Каждый курсант зачитал полностью текст присяги вслух перед строем. Это было очень торжественно и запомнилось Андрею на всю жизнь.

Военная присяга Красной Армии (1918-1939 гг.)

«Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства.

Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех её врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

После Присяги курсантам-краснофлотцам первого курса впервые было разрешено увольнение в город до 22.00.

Знакомство с историей училища

Первое занятие с первокурсниками по истории ВМУ им. Фрунзе проводил начальник училища **Юрий Фёдорович Ралль**, в будущем вице-адмирал. Происходил он из дворян Тверской губернии, его прабабушка по материнской линии была племянницей Фёдора Фёдоровича Ушакова. Участник Первой Мировой и Гражданской войн, он полностью поддержал Революцию 1917 г. Окончив в 1912 г. Морской кадетский корпус, затем Штурманский офицерский класс, с 1917 г. по 1926 г. командовал миноносцами на Балтике, служил в штабе Морских Сил Балтийского Моря (МСБМ), командовал линкором «Марат» (бывший «Петропавловск»). В 1926 г., после окончания Высших академических курсов при Военно-Морской академии им. Климента Ефремовича Ворошилова, был назначен начальником ВМУ им. Фрунзе и Учебного отряда кораблей Военно-морских учебных заведений (ВМУЗ).

Андрей предполагал, что Юрий Фёдорович начнёт свою лекцию с образования «Навигацкой школы» в Москве. Однако начальник училища начал с другого события, первокурсникам неизвестного. Оказалось, что за три года до «Навигацкой школы» в Москве, в январе 1698 г. Петром I уже была открыта «Азовская навигацкая школа», для подготовки морских специалистов из числа иностранцев: *«…для учения корабельному морскому ходу, и карте, и компасом, выбрать из иноземцев 10 человек добрых и человечных, грамоте умеющих».* К концу 1698 г. в школе училось уже около 100 человек, из которых иностранцев было лишь несколько; остальные были русскими, и не только из Москвы, но и из Азова и других городов.

Далее Юрий Фёдорович упомянул знаменитого российского мореплавателя датского происхождения Витуса Беринга, руководившего в первой половине XVIII века Камчатскими экспедициями. Именно Беринг предложил создать на Востоке Российской Империи несколько навигацких школ. К предложению Беринга прислушались, и появились такие школы, просуществовавшие по-разному: Иркутская (1745 – 1835 гг.), Нерчинская (1755 – 1765 гг.), Охотская (1756 – 1849 гг.), Якутская (1741 – 1792 гг.).

Вернувшись к истории Московской «Навигацкой школы», в 1701 г. по воле Петра I образованной, начальник училища рассказал, что первоначально её название было «Школа математических и навигацких наук», и размещалась она в Сухаревой башне. Школа была создана для подготовки артиллеристов, навигаторов, кораблестроителей и моряков армии и флота, став предшественницей всей системы военного и инженерно-технического образования России и Советского Союза.

Школа в Москве просуществовала до 1753 г., а в 1715 г. её часть (навигаторские классы) перевели в новую столицу – Санкт-Петербург, где создали на основе навигаторских классов Морскую Академию. С 1752 г. это учебное заведение называлось Морским шляхетским кадетским корпусом, с 1802 г. – Морским кадетским корпусом, с 1867 г. – Морским училищем, с 1891 г. – снова Морским кадетским корпусом, с 1906 г. – Морским корпусом, с 1914 г. – Морским его Императорского Величества Наследника Цесаревича корпусом.

После победы Октябрьской революции с 1918 г. в зданиях бывшего Морского корпуса размещались Курсы командного состава Флота на 300 слушателей. Слушателей набирали из матросов-специалистов, которых всего за 4 месяца готовили к исполнению обязанностей командиров.

В 1919 г. Курсы преобразовали в Училище командного состава флота с обучением в три с половиной года. Училище готовило штурманов, артиллеристов, минёров, механиков, электромехаников и радиотелеграфистов. В суровое время Гражданской войны, в октябре 1919 г., отряд слушателей училища геройски сражался на фронте, за что училищу было вручено Красное знамя.

С 1920 г. был установлен возраст поступающих из числа гражданской молодёжи - 18 лет, из числа военных моряков - 26 лет; также требовалось оконченное среднее образование и сдача вступительных экзаменов.

18 июня 1922 г. состоялся первый выпуск училища - его окончили 82 человека. Таким образом, впервые был реализован принцип подготовки специалистов на первичные командирские должности.

В том же году подготовка по специальностям «инженер-механик» и «инженер-электрик» была переведена в создаваемое Военно-морское инженерное училище им. Феликса Эдмундовича Дзержинского. Осенью того же года Училище командного состава флота преобразовали в Военно-морское училище закрытого типа с четырёхлетним курсом обучения. Полученные знания могли обеспечить продвижение по службе до командира корабля 2 ранга.

7 января 1926 г., по ходатайству личного состава, ВМУ переименовали в Военно-Морское Училище имени Михаила Васильевича Фрунзе. Тогда же было введено звание «курсант». В училище обучалось одновременно 825 курсантов. Длительность обучения составляла 4 курса.

Затем Начальник училища пояснил, что такое Учебный отряд кораблей ВМУЗ, его предназначение, состав, состояние, подробно остановившись на практике курсантов во время походов на учебных кораблях. Рассказал, что в 1922 г. состоялось первое полноценное плавание слушателей на боевых кораблях. В 1924 г. корабли с курсантами на борту совершили первый дальний поход до Архангельска и обратно, общей продолжительностью 47 суток.

Эту часть своей лекции Юрий Фёдорович закончил многообещающей для первокурсников фразой: *«В 1928 году, после окончания вами первого курса, планируется учебный поход примерно по тому же маршруту и сроком на полтора месяца, с заходом в иностранные порты. Такие походы будут производиться каждый год, и вполне возможно, что и в 1929 году кое-кто из вас снова пойдёт в такой поход».*

В конце лекции Юрий Фёдорович рассказал о некоторых замечательных местах училища, обратив особое внимание на сохранение традиций училища, на бережное отношение к зданиям училища, кабинетам, мебели.

«Особенно вглядитесь в знаменитый «Компасный зал», «Галерею героев», «Картинную галерею», «Зал Революции», - напутствовал начальник училища.

Экскурсия по училищу

После лекции первокурсников повели знакомиться с кабинетами, залами и примечательными местами училища.

Всё было интересно Андрею, но самое большое впечатление на него, конечно же, произвёл упомянутый начальником училища «Компасный зал», построенный в 1847 году в среднем корпусе зданий училища. Преподаватель истории, знакомящий курсантов с училищем, рассказал, что картушка компаса с тридцатью двумя румбами, выложенная из редких пород дерева, привезённых русскими моряками из дальних походов, да и весь паркет Компасного зала, уникальны, нигде в мире нет ничего подобного. По паркету картушки по флотской традиции никто не ходил, разрешалось только курсантам, проводившим приборку в зале. Остальным можно было ходить только «по стеночке». В старое время на румбы картушки ставили в наказание провинившихся кадетов. Преподаватель, заканчивая описание «Компасного зала», пояснил: *«В центре картушки компаса – год основания «Навигацкой школы» - 1701, по окружности равномерно расположены бюсты Магеллана, Колумба, Коперника и Галилея. «Компасный зал» – главная святыня, Душа нашего училища – берегите его!»*

Курсанты осмотрели также «Галерею героев» и адмиральский коридор, украшенный портретами выдающихся флотоводцев – выпускников Морского корпуса: Ивана Фёдоровича Крузенштерна, Фёдора Фёдоровича Ушакова, Михаила Петровича Лазарева, Павла Степановича Нахимова. Посетили и «Картинную галерею» с подлинниками картин Ивана Константиновича Айвазовского, Алексея Петровича Боголюбова, Константина Васильевича Круговихина, Леонида Демьяновича Блинова, француза Пьера-Жака Волэра и других художников-маринистов. Здесь была собрана Слава Русского флота для воспитания у молодого поколения моряков гордости за Родину и её Флот.

«Картинная галерея» привела в «Зал Революции», где в Октябрьские дни выступал Владимир Ильич Ленин. Теперь здесь для курсантов училища проводились концерты, на которые приглашались известные артисты, неоднократно пел Фёдор Иванович Шаляпин.

Заканчивая занятие, преподаватель истории напутствовал курсантов: *«Вы увидели далеко не всё, что можно и необходимо посмотреть и осмыслить. Есть ещё музей с коллекциями флагов, моделей кораблей, морских приборов и многое другое».*

…

Так началась учёба и служба, требующие терпения и настойчивости, привыкания к частым приборкам, авралам, дежурствам, беспрекословному подчинению командирам и старшинам. И каждый день, от подъёма и до отбоя, Андрей не переставал благодарить Судьбу и Октябрьскую Революцию за то, что он - простой деревенский парень - оказался в старейшем учебном заведении России, в стенах которого учились боевые адмиралы, учёные-гидрографы, известные штурмана, инженеры-кораблестроители, зодчие и художники.

Предметы и преподаватели

За четыре года обучения курсантам надо было усвоить огромный массив наук, а также получить практические навыки, чтобы стать профессиональными моряками. Первые два года обучение происходило по единым учебным планам и программам; разделение по специальностям (на штурманов, артиллеристов и минёров) осуществлялось на третьем курсе.

Общаясь ежедневно с преподавателями, Андрей вскоре смог понять, что некоторые из них относятся к курсантам, пришедшим со школьной скамьи, да ещё и из деревни, несколько снисходительно, даже пренебрежительно. Парень догадывался, что это происходило потому, что почти все преподаватели – заслуженные командиры с большим опытом плавания на кораблях, большинство – старые моряки, офицеры российского флота, перешедшие на сторону советской власти.

Однако Андрей заметил и то, что эти же преподаватели охотно передавали курсантам знания и накопленный профессиональный опыт плавания на кораблях, а это дорогого стоило! К тому же преподаватели – все, как один - источали такую страстную любовь к морю, к флотской службе, что и Андрей, и другие курсанты прощали им эти «дворянские закидоны».

…

Конечно же, для Андрея и других курсантов, постигавших труднейшую специальность штурмана, любимыми предметами были навигация, лоция, мореходная астрономия, электро-механические навигационные приборы, девиация, физическая география и т.п. Поэтому опытнейший штурман и отличный педагог **Николай Александрович Сакеллари** был любимейшим преподавателем. Его лекции были настоящим событием для молодых «штурманят». Истинный моряк, он красочно рассказывал о переходе 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Зиновия Петровича Рожественского в 1905 году на Дальний Восток, о плавании на броненосце «Орёл», на котором он был штурманом. После революции Николай Александрович перешёл на сторону восставшего народа и верно служил Советской власти.

Особенно нравилось Андрею одно из любимых выражений Николая Александровича, в котором он давал молодым штурманам направление в жизни, причём чисто по-штурмански: *«Человек – он как корабль в море: стремясь к конечной цели, может менять курс множество раз, но всегда должен видеть перед собой заветную звезду, и идти к ней наперекор стихиям, а не плыть по течению»*.

Когда Андрей в 1929-1930 гг. учился на третьем курсе, Николай Александрович был назначен флагманским штурманом перехода линкора «Парижская коммуна» (бывший «Севастополь») и крейсера «Светлана» (будущий «Профинтерн») из Кронштадта в Севастополь, и не преподавал в училище. Переход кораблей длился с 22 ноября 1929 г. до 18 января 1930 г. Всё это время будущие штурмана – ученики Н.А. Сакеллари – скучали по его лекциям.

После окончания ВМУ Андрей был очень доволен, что на всю свою будущую штурманскую жизнь усвоил способы определения места корабля в море, правила пользования картами и лоциями так, как учил его Николай Александрович Сакеллари - основатель советской школы штурманов.

Кроме Н.А. Сакеллари, Андрею запомнились советы старого, седого и чудаковатого, преподавателя кораблевождения **Михаила Михайловича Беспятова,** а также скрупулёзная въедливость преподавателя астрономии **Бориса Александровича Алексеева**, пользовавшихся у курсантов большим авторитетом.

…

Высшая математика преподавалась в части изучения дифференциального и интегрального исчисления и аналитической геометрии. Этой науке обучал **Роман Антонович Холодецкий**, который «ухитрился» заинтересовать курсантов, превратив сухие формулы и

доказательства в увлекательные истории. Как-то раз он подсунул курсантам несколько экземпляров недавно вышедшей книги **Якова Исидоровича Перельмана** «Занимательная геометрия» (Ленинград, изд. «Время», 1925 г.); так Роман Антонович пытался привить интерес к своему предмету. Андрей, знакомясь с книгой, вспомнил, что ещё в школе прочитал книгу Перельмана «Занимательная физика», в двух томах (Изд. 1913 и 1916 гг.), которая значительно облегчила ему понимание законов этой науки.

Однако Роман Антонович пошёл ещё дальше, пригласив Перельмана в 1929 году в училище. Перельман не только оказался удивительным рассказчиком, но и принёс в подарок курсантам свою, недавно вышедшую из печати, книгу «Занимательная математика» (Ленинград, изд. «Время», 1927 г.).

…

Учебную науку под названием Морское дело, преподавал **Владимир Петрович Суйковский**, высокий, стройный, с небольшой бородкой командир, возрастом к пятидесяти, из дворян. Выпускник Морского корпуса 1904 г. Этот выпуск называли «царским», так как его производил лично Государь Император Николай II. Владимир Петрович служил в Царской России на кораблях Балтийского флота; в качестве вахтенного офицера эскадренного броненосца «Император Николай I» принял участие в походе 3-ей Тихоокеанской эскадры контр-адмирала Николая Ивановича Небогатова. В Цусимском сражении получил два ранения. Принял и поддержал Революцию. В Советской России командовал эсминцем, затем – крейсером «Рюрик». С 1922 г. – преподаватель ВМУ им. Фрунзе.

Андрею запомнилась фраза Владимира Петровича: *«Флот начинается со шлюпки!»* Курсанты всех курсов в обязательном порядке ходили на шлюпках – шестивесельных ялах, и на вёслах, и под парусами. Шлюпочные гонки были настоящим праздником, с обязательным присутствием всего состава училища и оркестром. Суйковский был очень требовательным преподавателем и спуску курсантам за их промашки не давал. Курсанты за это его и боялись, и одновременно уважали, зная, что он был старпомом, а потом и командиром крейсера «Рюрик».

Вместе со шлюпочными походами курсанты тренировались профессиональным владением средств зрительной связи: сигнальными флагами, прожектором, флажным семафором.

Шлюпочные тренировки на вёслах и под парусом обучили Андрея и других курсантов морскому глазомеру, ориентировке на воде, умению точно рассчитать момент поворота, определять линию ветра и ещё много чего полезного для будущего моряка.

С Владимиром Петровичем Суйковским полезную пару составлял старшина кабинета Морской практики, бывший боцман **Никита Денисович Харин**, знаток парусов и шлюпок, мастер такелажных работ. Вот как Никита Денисович обучал курсантов правильному морскому языку при упоминании того или иного действия: *«Запомните, салаги: трос сплеснивается, а сплесень – вяжется, узел – вяжется, делается или обрабатывается, штык – крепится или прихватывается. Моряк кладёт шлаг, крепит конец, накладывает стопор, травит и отдаёт линь и конец, распутывает бухту, распускает затянутый узел, швартуется к стенке».* И курсанты трудолюбиво занимались под его руководством флотским «рукоделием»: вязали узлы, сплеснивали тросы, плели маты, делали кранцы и швабры.

…

Артиллерию преподавали **Фёдор Фёдорович Клочанов** и **Евгений Васильевич Ляпидевский**; в артиллерийском кабинете курсанты занимались изучением, разборкой и сборкой отдельных частей орудий, снарядов и зарядов к ним, тренировались в управлении артиллерийской стрельбой на специальном приборе.

Торпедное и минное оружие преподавал **Юлий Алексеевич Добротворский**. В кабинетах минно-торпедного оружия размещался торпедный аппарат миноносца, лежали на столах торпеды, на полу стояли мины образца 1908, 1912 гг. и типа «рыбка». Из трального оружия имелись распространенные тогда тралы Шульца и «катерный».

Кроме уже названных наук, Андрею ещё нравились такие предметы: История военно-морского искусства, Теория корабля с кораблестроением, Проекционное черчение с начертательной геометрией. Особенно он был силён в последнем предмете. Преподаватель «начерталки» объяснял это хорошо развитым у Андрея чувством объёмного представления, характерного для художников.

…

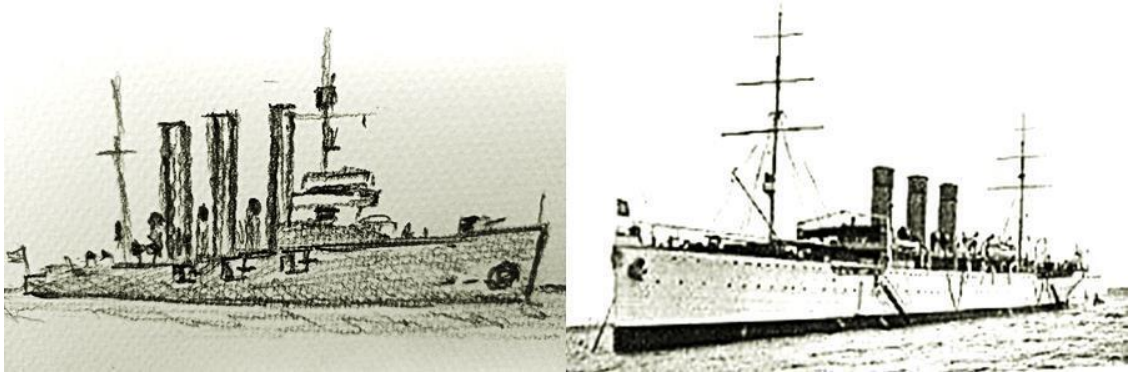
В училище изучались и иностранные языки. Андрей занимался английским, но давался ему язык с огромным трудом.

Очень большой объём составляли политические предметы: История ВКП(б), Ленинизм, Экономическая политика СССР, Политическая экономия, Политпросветработа в РККФ, Текущая политика. Эти предметы надо было знать назубок.

Походы на учебных кораблях 1928 и 1929 года

Выписка из биографии Андрея Михайловича Филиппова, написанной им в 1947 г.: *«1928 год. В качестве курсанта ВМУ находился 3 суток в порту Свенемюнде (Германия) при учебном походе крейсера «Аврора». 1929 год. В качестве курсанта ВМУ находился 2 суток в порту Берген (Норвегия) при учебном походе учебного судна «Комсомолец»*.

Примечание автора: *«Оба этих летних похода учебных кораблей были совершены по одному и тому же маршруту. Андрею довелось пройти практику в разные годы на обоих кораблях. Чтобы исключить повторы, я соединил два похода учебных кораблей в один».*



Слева: Рисунок Андрея карандашом 1928 г. «Учебный крейсер «Аврора». Справа: 1920-е гг. «Учебное судно «Комсомолец»

С курсантами, назначенными на учебный поход на крейсере «Аврора» и судне «Комсомолец», было заблаговременно проведено ознакомительное занятие по истории кораблей.

Так Андрей узнал интересные факты из истории крейсера «Аврора», про который, как казалось ему, он знал всё. **Крейсер «Аврора»**, третий крейсер в серии типа «Диана», был заложен на верфи «Новое Адмиралтейство» в Санкт-Петербурге в 1887 г. Спущен на воду в 1900 г.: водоизмещение 6731 т, скорость 19,2 узлов и дальность плавания 4000 миль. Введён в состав Балтийского флота в 1903 г. В 1905 г. – во время Русско-японской войны - участвовал в Цусимском сражении. В 1906 – 1914 гг. совершал дальние заграничные походы в качестве учебного корабля. В 1914 – 1916 гг. – участвовал в боевых действиях на Балтике в период Первой мировой войны. В 1916 – 1918 гг. в ремонте на заводе в Петрограде. В 1917 г. моряки крейсера приняли участие в Октябрьском вооружённом восстании в Петрограде. В 1918 – 1923гг. находился в резерве. С 1923 г. – учебно-боевой корабль. 2 ноября 1927 г. Постановлением ВЦИК СССР награждён орденом Красного Знамени.

А вот об учебном **судне «Комсомолец» (бывший «Океан»)** Андрей, как и большинство курсантов, ничего не знал.

Построенное на верфи Ховальдсверке (Киль, Германия) на основе проекта пассажирского лайнера, оно вступило в строй 5 марта 1903 г. Судно имело водоизмещение 11897 т, длину 150 м, скорость хода 18,8 узлов, дальность плавания 6800 морских миль, и было включено в состав Балтийского флота. 15 марта 1918 г. передано Красному Кресту, переоборудовано в госпитальное судно. После окончания Гражданской войны возвращено в состав Балтийского флота. В память принятия шефства комсомола над флотом на V съезде РКСМ приказом Реввоенсовета Республики от 15 октября 1922 г. «Океан» был переименован в «Комсомолец»

и использовался в качестве учебного судна для прохождения практического обучения кочегаров и машинистов. В 1924 г. с экипажем в 810 человек и более 500 курсантов военно-морских училищ, учеников школ машинистов и кочегаров совершил первое советское заграничное плавание вокруг Скандинавии. Для обеспечения кораблей отряда топливом принял в свои трюмы 3560 т угля, 700 т нефти, 1050 т воды, запасы продовольствия. В 1925–1930 гг. «Комсомолец» повторил походы вокруг Скандинавии.

…

Подготовка к учебному походу началась с весны. Были выполнены все необходимые ремонтные работы, в которых деятельное участие принимали курсанты ВМУ. Получены разрешения на посещение иностранных портов. Начался приём топлива - угля. Большую часть угля принимал «Комсомолец», обеспечивавший в походе дополнительным топливом «Аврору». Поэтому для помощи экипажу судна в погрузке угля часть курсантов была направлена на «Комсомолец». Когда буксиры подтянули к борту судна баржи с углём, начался круглосуточный аврал. Днём и ночью шла погрузка угля: мешками, корзинами, которые наполняли на баржах и носили по сходням в трюмы и угольные ямы. Набивали мешками с углём и другие судовые помещения. Конечно же, помогал и портовый кран, но он работал «в гордом одиночестве».

Андрею, благодаря своему росту, удавалось заносить мешки с углём в самые узкие и низкие помещения на судне. «Вкалывал» с огоньком – очень хотелось поскорее в море!

Когда погрузка закончилась, новый аврал – приборка угольной пыли, густо покрывшей палубу и надстройки, плотно набившейся во все шхеры. И, конечно же, авральная покраска. Финал – смотр кораблей сначала командирами, а потом и начальником отряда учебных кораблей.

Кронштадт, Балтика, Свенемюнде, Датские проливы

Наконец последовала долгожданная команда на размещение курсантов по учебным кораблям.

Когда Андрей вместе с курсантами своего курса построился на палубе легендарного крейсера «Аврора», их встретил командир крейсера **Александр Фридрихович Леер**. На нём ладно сидела флотская форма, взгляд из-под фуражки был пристален и строг. Речь его была краткой: *«Рад приветствовать курсантов родного училища на борту крейсера. Надеюсь, как будущие командиры, будете служить для всего личного состава корабля примером добросовестного выполнения долга».*

Курсанты знали, что Леер - участник штурма Зимнего Дворца в составе отряда балтийских моряков. В1922 году, окончив Курсы командного состава флота, был на руководящих должностях в МСБМ. С января 1928 г. – командир крейсера «Аврора».

Кроме основного экипажа, на крейсере были размещены: начальник отряда учебных кораблей, флагманские специалисты, преподаватели и инструкторы, команда музыкантов, около 200 курсантов Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе, по нескольку слушателей ВМА и Военно-политической Академии им. Н.Г. Толмачёва.

На «Комсомольце», кроме экипажа, курсантов ВМУ им. Фрунзе и ВМУ им. Дзержинского, были преподаватели различных дисциплин из училища, а также ученики школ кочегаров и машинистов.

Погода на Балтике благоприятствовала плаванию – штиль и ясно. Малый ход учебных кораблей, который был выбран командиром отряда при следовании по Балтийскому морю, позволил курсантам изучать побережье, маяки, знаки, створы, делать зарисовки, чтобы лучше запоминать данные лоции. Курсанты вели простую прокладку, брали отсчёты метеорологических приборов, дублёрами несли разнообразные вахты, как верхние – сигнальщика, рулевого, вперёдсмотрящего, рассыльного на мостике, гребцов дежурной спасательной шлюпки, так и нижние - у котлов и паровых машин. Подтаскивать уголь к громадным котлам было для Андрея нелегко, зато это была отличная физическая закалка. По вечерам приходилось чистить картошку на камбузе, делать приборку на палубах, в каютах и кубриках.

В самом начале похода – ещё до выхода за акваторию Большого Кронштадтского рейда – Андрей, неся вахту дублёром вперёдсмотрящего левого борта, заметил торпедный катер, идущий полным ходом и легко обогнавший кильватерный строй учебных кораблей. Оказавшийся рядом Юлий Алексеевич Добротворский, преподававший в училище торпедное и минное оружие, тут же определил тип катера: *«Это торпедный катер типа Ш-4, из первой серии катеров, строящихся в Ленинграде на судостроительном заводе имени Андре Марти. Кое-кто из вашего выпуска наверняка будет служить на таких маленьких, но грозных корабликах».* Андрей долго сопровождал восхищённым взором «летящий» по волнам катер, думая: *«Вот бы мне удалось попасть на торпедные катера!»*

Рейды Кронштадта остались за кормой. «Аврора» и «Комсомолец», взяв курс на германский порт Свенемюнде, шли со скоростью около 10 узлов. Вот и остров Гогланд, рядом - плавучий маяк у начала фарватера на Хельсинки. Преподаватель рассказал курсантам, что Гогланд – самый крупный русский остров в Финском заливе. Главной достопримечательностью острова являются точки «дуги русского меридиана», иначе - Дуги Струве. Здесь, в XIX веке, с помощью этих точек русский астроном Василий Струве смог очень точно рассчитать размер и форму Земли.

Николай Александрович Сакеллари рассказал и про маленький остров со шведским названием Оденсхольм, названный в честь бога Одина, чья могила, по преданиям, находилась на острове. Потом преподаватель обратил внимание курсантов на небольшой лесистый остро-

вок Нарген, площадью всего 18,5 кв. км, на котором в 1918 г. белые расстреляли большевиков-балтийцев с захваченных эсминцев. Проходя Нарген, «Аврора» и «Комсомолец» приспустили флаги…

Корабли отряда вышли в Балтийское море. С левого борта виднелись острова Моонзундского архипелага. Здесь осенью 1917 г. корабли Балтийского флота геройски сражались с германским флотом.

Оставив с правого борта шведские острова Готланд и Борнхольм, корабли повернули к германскому порту Свенемюнде. Н.А. Сакеллари рассказал, что гавань Свенемюнде – лучшая в Пруссии на Балтийском побережье, защищена двумя молами, сильно укреплена и служила гаванью для города Штеттина. Сам портовый город Свенемюнде – очень старый. Расположен на островах Узедом и Воллин, между которыми река Свина, соединяющая Штеттинский залив с морем.

«Очень красивый город, живописно расположенный у моря. Есть на что посмотреть. Самое главное – не ударить лицом в грязь перед германцами. Помните, что вы – советские моряки!» - напутствовал курсантов командир корабля перед увольнением на берег.

Отгремел приветственный салют береговой батареи. «Аврора» и «Комсомолец» пришвартовались к причалу. На причале построился вышколенный отряд германских матросов с короткими карабинами и офицер в каске с шишаком, который, молодцевато вертя парадной шпагой и выкрикивая отрывистые немецкие фразы, рапортовал что-то командиру отряда учебных кораблей ВМФ СССР, уже спустившемуся по трапу на причал. Командир отряда был в парадной морской форме, при оружии. За парадным строем замерла в ожидании чёрная лакированная легковушка, готовая отвести командира отряда к местным властям для положенного по этикету визита.

Назавтра свободные от службы командиры, преподаватели и уволенные на берег курсанты и краснофлотцы экипажа сошли на причал. Группа курсантов, в которой находился и Андрей, решила осмотреть старинный город Свенемюнде. Осмотр вылился в многочасовую экскурсию. Вечером, в кубрике, уже засыпая, Андрей пытался вспомнить увиденные красоты города: ратушу, крепость Ангела – Энгельсбург, артиллерийские батареи на обоих берегах реки Свины, церкви: Христа Царя, Богоматери «Звезды морской», Лютера, но все эти здания и их внутренности крутились, путались, каким-то странным образом сливались вместе… В этой общей куче ныряли старинные германские особняки под красными крышами из глиняной черепицы… Короче – почти не запечатлелись в памяти красоты германские. А вот что поразило Андрея и запомнилось, так это Центральный мол – самый длинный каменный мол в Европе. И ещё Свенемюндский маяк – самый высокий маяк в Балтийском море, высотой 64,8 м. Андрей с друзьями поднялись вверх на 308 ступеней и оказались на смотровой площадке, откуда им открылся красивый вид на море и стоявшие у причала советские корабли.

Через день визит советских кораблей в порт Свенемюнде закончился, «Аврора» и «Комсомолец» вышли в море и, оставив по левому борту германский остров Рюген, взяли курс на пролив Эресунн (Зунд). Прошло лишь несколько часов, и корабли начали втягиваться в этот очень узкий пролив между датским островом Зееланд и берегом Швеции. Длина пролива 59 морских миль, ширина от 2 до 25 морских миль. Минимальная глубина 7 м, на фарватере – 8 м. Андрею повезло нести вахту дублёром рассыльного на мостике; в течение четырёх часов он мог видеть не только слаженную работу экипажа корабля, но и береговые красоты датских и шведских городов, проплывающие совсем близко, которые можно было рассмотреть и без бинокля. Вот по левому борту столица Дании Копенгаген, а за ней, рядом с городком Хельсингёр – замок Кронборг с высоченными остроконечными башнями, прообраз замка Гамлета. Напротив замка, через пролив – шведский город Хельсингборг. Это было самое узкое место пролива, всего около 2-х миль шириной.

«Тяжеленько пришлось поработать командирам и штурманам, чтобы аккуратно провести корабли такими узкостями», - подумал Андрей, сменяясь с вахты. Корабли вышли в пролив Каттегат, где уже чувствовался ветер с Атлантики, вернее – с Северного моря. Поднялась волна. Пройдя Каттегат, повернули на юго-запад, войдя в широкий пролив Скагеррак. Андрей знал, что эти три пролива русские моряки издавна называли Датскими. До Каттегата можно было добраться и другим путём, более длинным, пойдя не Зундом, а западнее, через два других Датских пролива: Малый Бельт и Большой Бельт.

Пройдя Скагеррак, корабли вышли в Северное море и повернули на север, к Норвежскому морю, которым и шли вдоль побережья Норвегии, наблюдая тёмные скалистые берега, узкие проходы между отвесными скалами, ведущие в длинные извилистые фьорды. Преподаватель истории рассказал о древних викингах, хозяевах фьордов, которые на драконоголовых кораблях - драккарах - пиратствовали на море и на побережье Европы, доходя в своих грабительских походах до Англии, Франции, Испании, Италии, Африки и даже Северной Америки.

«Вы только представьте себе, что драккары норвежских викингов качали такие же тёмные свинцовые волны, как и волны, которые качают сейчас наши корабли с советскими курсантами на борту!» - закончил свой рассказ историк.

Мурманск, Архангельск, Берген, Кронштадт

Пройдя мысы Нордкап и Нордкин, корабли вошли в Баренцево море, пересекли невидимую границу СССР и, оставив с правого борта полуостров Рыбачий, втянулись в длинный Кольский залив, представляющий собой такой же фьорд, с бесконечными поворотами. Через несколько часов отряд подошёл к самому северному порту Советского Союза – Мурманску и стал на рейде на якорь.

На снимке учебное судно "Комсомолец", 1930 год, автор фото Соболев. Из фондов ГААО. 1 августа 1924 года, а также в 1925 и 1930 в Архангельске побывали боевые корабли Балтийского флота - броненосный крейсер 1-го ранга "Аврора" и учебное судно "Комсомолец" (бывший "Океан"). 1 (24) мая

Учебное судно «Комсомолец» и учебный крейсер «Аврора» на рейде Архангельска, 1930 год. Из фондов ГААО (Государственного архива Архангельской области)

Отряд учебных кораблей стоял на рейде Мурманска несколько дней. За это время Андрей с товарищами участвовал в перегрузке угля с «Комсомольца» на «Аврору», а затем – в привычном уже аврале - по очистке кораблей от угольной пыли, он яростно «драил медяшку» и даже кое-что подкрашивал.

В городе Андрей побывал всего один раз. Проходя по каменистым тропам и деревянным трапам, сооружённым на почти голых крутоватых сопках, он видел, как жили и трудились советские люди в Заполярье. Город, возникший из рыбацкого поселения всего 12 лет назад, в октябре 1916 года, представлял собой массу одноэтажных бараков, изб, железнодорожных

вагонов. После Октябрьской революции Мурманск успел пережить иностранную интервенцию американских и английских воров-«пиндосов», которые, в период своего дружного «драпа» на Запад, своровали и угнали советские военные корабли, торговые и промысловые суда.

Начался переход кораблей в Архангельск. Часть его – вдоль северного побережья Мурмана – прошла при сильном западном штормовом ветре, разогнавшем крутую волну. Покачало изрядно. Но, как только прошли мыс Святой Нос и повернули в горло Белого моря, ветер и волны утихли, тучи, как по заказу, унесло на восток, засияло солнце. Проходя горло Белого моря, курсанты были поражены масштабами плывущего навстречу леса. Эти бревна были вынесены в горло течением северных рек, на которых вёлся молевой сплав.

Вот и Двинская губа. Корабли стали на якорь на рейде в устье Северной Двины, неподалёку от острова Мудьюг. С палубы был хорошо виден рыбацкий посёлок Соломбала.

Корабли стояли на рейде несколько дней, вызвав большой интерес у местных газетных репортёров, рабочих, рыбаков, пионерских и партийных организаций. Андрею удалось побывать в Соломбале и на местном рынке, где он купил в подарок сестре Кате красивые тапочки из оленьей шкуры, украшенные северными узорами. Приценялся и к меховым унтам для тятьки, но стоили они очень дорого, не по карману молодому моряку.

На вторые сутки стоянки на рейде, Андрей, неся вахту гребца у спасательной шлюпки, наблюдал вереницу судов-лесовозов, тяжело гружённых пилёным и круглым лесом, быстро идущих по течению Двины в сторону моря. На судах развевались флаги Великобритании, Франции, США, Италии, Германии, Испании… и всем им нужен был советский лес… как будто и не было недавней интервенции с жестоким концлагерем на острове Мудьюг… Приходилось, скрипя зубами, продавать лесное богатство недавним врагам. Андрей понимал, что иначе молодой Стране Советов не выжить.

Как и планировалось, на пути домой корабли зашли в норвежский город и порт Берген. Снова Александр Николаевич Сакеллари, побывавший, как казалось курсантам, во всех портах мира, заранее подробно рассказал курсантам об этом городе: *«Один из старейших городов Норвегии, Берген был построен в 1070 г., и расположен на западе страны, на берегу Северного моря, на Бергенском полуострове, защищённом от моря островами Аскёй, Холснёй и Сутра. До 1299 г. был столицей Норвегии, и до конца XIX века был крупнейшим городом страны.*

В Бергене вы увидите много интересного. Невозможно пройти мимо красоты средневековой набережной города. Эти разноцветные домики под общим названием Брюгген, построенные в едином норвежском стиле, заставят улыбнуться и замереть на многие минуты дорогого для вас увольнительного времени. В первом этаже почти каждого домика расположены магазины, пивные, лавки со всяким товаром… Осмотрите Бергенский лютеранский собор, замок Гамлехауген, двуглавые церкви Святой Марии и Святого Джона, и ещё множество других церквей и кирх, в которых можно заблудиться. Однако относитесь к верующим норвежцам со вниманием, берегите честь советского моряка!» - так закончил свой рассказ штурман.

По длиннющему извилистому фьорду корабли медленно дошли до Бергена и бросили якоря на рейде неподалёку от городской набережной. Кроме кораблей отряда, на рейде стояли на якорях американский и французский эсминцы. За разноцветными домами набережной высился частокол готических церквей. Андрей досчитал до пятидесяти, пока не сбился со счёта.

Курсантам хотелось поскорее на берег, но сначала была проведена тщательная проверка формы одежды. Ступив на норвежский берег, Андрей с товарищами побродили по узким средневековым улочкам, однако, кроме красивых разнообразных церквей, смотреть было особо и нечего. Купить какую-нибудь мелочь на память о Бергене в магазинах было невозможно из-за отсутствия норвежских крон. Молодым военморам часто встречались норвежцы, обращающие внимание на советских моряков. Из разговоров с ними – в основном жестами - оказалось, что почти все мужчины были рыбаками, ходящими за рыбой к берегам Кольского полуострова,

побывавшими и в Мурманске. Они соблазняли курсантов, приглашая в пивные бары, выпить с ними норвежского тёмного. Курсанты отказывались, однако норвежцы, проявив хитрость, стали произносить слово «дружба», меняя букву «у» на «ю». В конце концов, Андрей с друзьями зашли в бар и, посматривая на дверь и окна, быстро осушили кружки. Пиво было отличное, довольно крепкое, напомнившее Андрею деревенское, сваренное на праздник.

Встречались пьяные матросы с американского эсминца. Они громко смеялись, что-то кричали, шатаясь по улицам и стараясь задеть встречающихся норвежцев. Попробовали они приставать и к советским морякам. И тут же получили отпор. Норвежцы смотрели со стороны и подбадривали советских военморов.

…

Путь домой через Датские проливы и Балтику показался Андрею короче. А причиной этого были частые занятия и учения, приборки и вахты, авралы для подкраски надстроек и тому подобные морские работы. В родной порт вошли чистенькими и красивыми, словно и не было этих трудных морских миль, не было бесконечной морской работы, матросского трудового солёного пота. Наконец Кронштадтский Морской собор показал свой купол. А ещё через полтора часа корабли отряда стали на якоря на Большом Кронштадтском рейде.

За время похода Андрей окреп физически, получил бесценный опыт, находясь на вахте дублёром опытных матросов и старшин экипажа, полюбил море, штормовое и спокойное, ветры, швыряющие в лицо солёные брызги и норовящие сбросить с палубы, понял ценность крепкой морской дружбы.

Отпуск на Родине

На Родине за время учёбы Андрей побывал всего два раза, и оба раза зимой, во время недолгих отпусков. Летом были экзамены и практика на кораблях. Андрею особенно запомнился первый зимний отпуск 1929 года, когда он учился на втором курсе.

Поезд к полустанку Викторово подошёл ровно в час ночи. Андрей в шинели и шапке, с вещмешком в руках, по-морскому быстро сбежал по крутому трапу вагона вниз, сразу зарывшись ботинками в снег. Голубея в свете тускловатых ламп освещения, снег лежал везде: на земле и рельсах; на ветвях деревьев, густо подступивших к посёлку; на крышах одноэтажных построек и жилых изб; кружился в воздухе крупными хлопьями, быстро заваливая всё видимое пространство. Морозец был небольшой, градусов десять, но после тёплого вагона чувствовался.

Внизу Андрей сразу попал в мужские объятья братьев Сергея и Михаила, приехавших на санях его встречать. Минут десять длилась сцена похлопывания по спине, радостного смеха, доставания кисетов с махоркой (братья) и папирос (Андрей). Старший Сергей поторапливал: *«Братья!* (с ударением на последнюю букву) *Шевелись давай! Поехали уже! Снегом дорогу завалит, сани в гору толкать придётся! А ещё и блуканут можно* (потерять дорогу, заблудиться)*»*.

Михаил, сплёвывая попавшую в рот махорку от самокрутки, резковато ответил: *«Не ссы, братуха, лошадка вывезет!»*

А и верно: снег посыпал так, что видимости почти не было. Когда угнездились в санях, и Сергей разобрал вожжи, Михаил передал Андрею валенки: *«Давай, Ондрюха, переобувайся, а то поморозишь пальцы в такой обувке! Отвык, поди, от зимы-то деревенской, в городах да на кораблях живучи?»*

От мороза спасались, укрывшись огромной меховой полостью. Андрей вспомнил, что полость эта сохранилась в семье ещё от деда Филиппа, взявшего на берлоге рогатиной громадного медведя. Только тронулись, Михаил достал самогонку: *«Тятька к твоему приезду гнал. Крепкая! И пива наварил».* Остановились, выпили, поехали. Через полчаса повторили.

Снег повалил совсем густо. Дорогу, а вернее – колею, засыпало вровень с обочинами. Лошадь случайно сошла с колеи и стала, не в силах преодолеть глубокий снег. Сергей вылез и вывел лошадь на «путь истинный». Приехали в Повалы уже часу в четвёртом ночи. Как по заказу, снег перестал валить, небо очистилось, выглянули звёзды и почти полная луна.

Встретили Андрея тятька, мама, 17-летний Михаил «маленький» и младшая Катюха, девочка-подросток, совсем скоро готовая превратиться в симпатичную девушку. Были и жёны старших братьев: жена Сергея красавица Наталья и скромная Нюша - жена Михаила. Сергей и Михаил жили своими семьями в избах, поставленных рядом в Гороватой, у них уже и дети были.

Несмотря на ночное время, стол был накрыт. Мать, непрерывно утирая слёзы, никак не могла оторваться от сына, а тятька, улыбаясь, ждал своей очереди, попыхивая махоркой.

«А где же Вася?» - спросил Андрей. Тятька пояснил: *«Обещался приехать, да работа задержала. Он же окончил радиотехникум в Горьком, там и работает, и живёт».*

После обильного угощения, спрыснутого тятькиным самогоном и «обманным» деревенским пивом, пошли разговоры, вопросы к Андрею: как доехал тогда, что получилось с художественной академией, как учёба, плавал ли уже на кораблях, есть ли зазноба, сколько денег дают курсантам, изменился ли Ленинград после революции, стрелял ли из корабельной пушки, и ещё множество других вопросов. И Андрей отвечал на каждый, подробно, а все вокруг сидели, задумчиво внимая. Особенно поразило родных, что Андрей ходил в поход на крейсере Революции «Авроре». Для них это было как в сказке под названием «Андрей на «Авроре». Тятька,

наконец, высказался: *«Да, Ондрюшка, вовсе иная у тобя житуха…»* И все родные за столом согласились и загомонили разом, обсуждая услышанное.

Назавтра, отоспавшись, Андрей попытался было надеть свои деревенские штаны и прочие одежды, но не смог: вырос из них совершенно. Пришлось тятьке выделять одежду Андрею из своего гардероба.

Старшие братья ушли на собрание в Княжиху по поводу организации колхоза, Миша «маленький» (ростом под метр восемьдесят) и Катя – в школу. Запоздало завтракали втроём. Тятька настоял на «поправке» организмов. Андрею пить не хотелось, он смотрел в окно: погода наладилась, было безветренно, на ветвях елей и сосен лежал толстый слой снега, пороша была знатная. *«Эх, сейчас бы ушастых потропить!»* - высказался Андрей. Тятька обнадёжил: *«Лыжи твои никто не трогал, одностволку с патронами тебе дам. Иди, счас малик свежий, можа повезёт, к ужину и вытропишь косого! У Кочки близ опушки знатный русачина живёт, никто добыть не может… прям профессор!»*

Одевшись во всё отцовское, а сверху накинув застиранный маскировочный халат, сшитый мамой из старых простыней, Андрей всунул подшитые резиной от старой автомобильной покрышки валенки в крепления широких охотничьих лыж, подклеенных снизу кусками лосиного камуса. Повесил одностволку на плечо и привычно – как раньше делал много раз - зашагал в сторону Кочки, обходя Гороватую стороной, чтобы не влезать на гору и не тратить зря сил.

Снег был глубокий, и через полчаса Андрей с непривычки взмок. Пока шагал, на снегу заметил ночной одинокий след крупного лисовина, позже - свежие утренние следы стайки серых куропаток, пытавшихся жировать в кустах, заваленных снегом. Андрей посочувствовал им, заметив, какие норы вырыли птицы, чтобы добраться до сладких почек.

Но что это? Гонный след крупного русака шёл по краю леса; при этом прыжки зайца были более метра. И тут же Андрей увидел и след того самого лисовина, прыжками пытавшегося догнать добычу. Сначала показалось это Андрею странным: обычно после снегопада зайцы предпочитают затаиться и долго лежать, чтобы не показать своего следа врагам, которых у них хватает. Потом охотник понял, что лисовин поднял русака с лёжки, обнаружив его по запаху. Андрей пошёл по следам, стараясь не затаптывать их. Скоро лисовин устал прыгать по глубокому снегу и перешёл на шаг, а потом и вообще след ушёл в сторону. Андрей понял, что лисовин не впервые делал попытку догнать этого русака; хитрый лис уже знал: если не взять на лёжке, то догнать крупного зайца сложно. *«Ну, а мы попробуем!»* - весело подумал Андрей и продолжил идти по следу русака.

Примерно через километр, разобравшись, что его никто не преследует, заяц короткими неспешными скачками завернул к зарослям ивняка, выросшего на солнечной стороне опушки, и начал обгладывать тонкие зеленоватые прошлогодние веточки. Насыщался долго, а потом, как водится у ушастых, потопал прямо на отдых - на лёжку. Опытный в троплении ушканов, Андрей пошёл рядом со следом, идущим в поле, в сторону деревни, думая, что заяц-беляк пошёл бы в лес, в частый кустарник, в бурелом, а русак любит дневать на открытом месте, на взгорке.

След русачины всё шёл и шёл прямо… *«Куда же ты метишь? Вот уже и деревня близко, пожалуй, всего в кабельтове!»* - по-морскому подумал Андрей. На задах участка брата Сергея русак сделал первую петлю, диаметром около ста метров, потом вторую, уже поменьше, третью, сдвоил, пойдя пятным следом, скинулся далеко, перелетев куст смородины, сделал вторую двойку, снова скидку и… метрах в пятидесяти от Андрея, совсем рядом с серёгиным хлевом, снег взорвался от высоко подпрыгнувшего здоровенного русака, показавшегося охотнику серо-рыжим. Андрей и не думал стрелять: не с руки было!

Так окончилась охота в этот день.

Вечером снова всё семейство собралось вместе, теперь уже в избе у Сергея. Обсудили вопрос образования колхоза, хитрость старого русака, наметили через день поехать с ночёвкой

на Мологу на рыбалку, ну, а потом видно будет: у Андрея-то отпуск короткий – всего неделя… Тятька посоветовал Андрею попробовать завтра взять «профессора», применив хитрость: не разбираться в двойках и скидках, а после первой же петли пойти самому кругами, каждый раз увеличивая очередной круг, и, не останавливаясь, внимательно осматриваться, держа *«… ружьишко на взводе»*.

Утром у Андрея всё получилось как надо, с первой же попытки. В этот раз русак залёг близ замёрзшего пруда, в зарослях сухого берегового тростника. После первой заячьей петли Андрей стал ходить кругами, согнав крепко лежащего русака, метрах на пятнадцати. Дымный порох голубовато-серым облаком застил глаза охотника, а когда дым рассеялся, то Андрей радостно увидел, что «профессор», вытянув длинные задние ноги, лежит на снегу, окроплённом капельками крови.

Тятька взвесил русака на безмене - вес превысил 10 килограммов. Вся охота заняла у Андрея два часа. Вечером, в избе у Михаила, вкушали мясо русака, жареного, а потом томлёного в сметане. Михаил, как хозяин дома, высказался, подняв очередную стопку: *«Ну, братуха, ежели так же метко будешь шмалять и из корабельных пушек, то за державу нашу мы все будем спокойными»*.

В оставшиеся дни до отъезда братья, вместе с приехавшим Василием, ездили на санях на ночную рыбалку, на Мологу. Ставили длинную сеть подо льдом, прорубив несколько лунок и протянув шнур с поплавком между ними, к которому потом привязали сеть. За ночь поймали прилично, килограммов двадцать пять разной рыбы. Сложили мёрзлую в сани и весело «побежали» к дому.

В предпоследний день было воскресенье, танцы в клубе в Княжихе. Поехали втроём: Андрей, Михаил «маленький», третьей – Катюха: всё же упросила родителей отпустить её, хоть мать и противилась. Уж больно Кате хотелось посмотреть, как примут деревенские девушки молодого курсанта из Ленинграда. Старших братьев жёны не пустили, а Василий уже уехал. На танцах всё внимание было приковано к Андрею. Знакомые парни подходили и за руку здоровались, вежливо предлагая папиросы или что покрепче. Девушки, краснея, ждали приглашений на танец, что Андрей охотно исполнял, не смотря на то, что танцевал плохо, можно сказать – вообще не умел. Одна девушка, настырная такая, сунула Андрею в руку листок с адресом, так, на случай всякий… мало ли что…

Выбор дальнейшей службы

Быстро прошли два года учёбы. За это время курсанты побывали на крейсерах, тральщиках, эсминцах, участвовали в минных постановках, торпедных стрельбах, учебном тралении, особенно глубоко постигали штурманскую науку.

1928 г. ВМУ им. Фрунзе. Рота курсантов-штурманов 2-го курса. Филиппов Андрей – первый ряд, 8-й слева или справа, иначе – центровой

В училище было принято фотографироваться ротами. Фотография курсантов роты 2-го курса хранилась у Андрея в течение всей своей службы. А когда началась война, Андрей Михайлович начал было отмечать погибших однокашников, про которых точно знал, крестиками. А потом бросил, слишком многие погибли…

К третьему курсу, когда надо было решать, по какой специальности продолжать учёбу, Андрей имел представление почти обо всех классах кораблей МСБМ и о решаемых ими задачах. На этот момент и Андрею, и его командирам и преподавателям было ясно, что Андрей Филиппов – будущий штурман и командир корабля. Вот только не ясно было Андрею, к какому типу кораблей влечёт его желание: линкоры и крейсера не привлекали, и похоже, что хотелось ему связать свою службу с малыми кораблями: торпедными катерами или сторожевиками. Конечно – куда прикажет командование, туда и пойдёт, но всё же…

Однажды, прослушав лекции по Истории военно-морского искусства и по Тактике применения оружия, Андрея заинтересовала история создания, а также идея тактического использования минных катеров («миноносок»), принадлежавшая Степану Осиповичу Макарову, знаменитому русскому адмиралу, учёному и изобретателю. В русско-турецкой войне 1877-1878 гг. «макаровские» минные катера, вооружённые минами и самодвижущимися снарядами-торпедами, нанесли непоправимый урон турецкому флоту, оказав существенное влияние на весь

ход войны на Чёрном море. Были потоплены два турецких корабля и восемь транспортов, ещё два корабля получили серьёзные повреждения, а один корабль впервые в мировой истории был потоплен торпедой. Угроза внезапного появления русских минных катеров в любой акватории Чёрного моря заставила турок отказаться от большинства задуманных ими операций.

Минные (торпедные) катера заметно проявили себя и в Первой мировой, и в Гражданской войнах, причём с обеих враждующих сторон. Всё это обусловило настоящий рывок в развитии этого класса кораблей в составе советского ВМФ. Лектор ознакомил курсантов с Шестилетней программой военного кораблестроения (1926-1932 гг.), утверждённой Советом Труда и Обороны в декабре 1926 г., которая предусматривала строительство не только подводных лодок и надводных кораблей, но и торпедных катеров.

Далее лектор рассказал о строительстве в Москве первого опытного отечественного торпедного катера, который неофициально назывался «Первенец», а именовался официально ГАНТ-3, позже Г-3. Создание катера было поручено ЦАГИ (Центральный Аэро- и Гидродинамический институт) им. Николая Егоровича Жуковского. Группу авиационных конструкторов возглавил **Андрей Николаевич Туполев**.

Преподаватель высказал своё мнение, что, поскольку конструкторы были выбраны из авиаторов, то и подошли они к проекту по-авиационному, заимствовав форму корпуса катера у поплавка гидросамолёта, увеличив, естественно, его размеры. Материалом корпуса был избран только что появившийся в авиастроении дюраль, металл лёгкий и прочный. Моторы тоже поставили авиационные, американские, два по 600 л.с. Дальность плавания 340 миль, водоизмещение около 9 тонн. Экипаж 3 человека: командир, боцман, моторист. Вооружение: одна 457-мм торпеда образца 1912 года и один 7,62 мм пулемёт «Максим».

В начале 1927 года «Первенец» был построен и прошёл испытания в Чёрном море близ Севастополя. На спокойной воде катер показал фантастическую скорость более 55 узлов, с грузом – 54! Однако мореходность «Первенца» не превышала 2 баллов, при ветре катер плохо держал курс, на полном ходу вода заливала низкую открытую рубку, огонь из пулемёта можно было вести лишь до скорости 20 узлов.

Хотя комиссия катер приняла, и он вошёл в состав Морских сил Чёрного моря (МСЧМ), однако слабое торпедное вооружение (всего одна торпеда) и недостаточная мореходность не позволили ему пойти в серию.

ЦАГИ вновь получило задание срочно разработать проект нового катера, учтя все недостатки предыдущего, обозначив его предварительно ГАНТ-4. Всего за один год, пройдя путь от разработки проекта до проведения испытаний, его принял флот, и катер под окончательным обозначением Ш-4 пошёл в серию осенью 1928 года.

«А теперь, - сказал преподаватель, загадочно улыбаясь, - *сюрприз: на днях будет проведена экскурсия на «Судостроительный завод имени товарища Андре Марти (бывший Адмиралтейский)», в цех, где собирают торпедные катера Ш-4, и вы всё увидите своими глазами!»*

Курсанты обрадованно зашумели. Больше всех был рад Андрей.

Через несколько дней экскурсия состоялась. Андрей побывал в специально оборудованном комсомольско-молодёжном цехе № 17, посмотрел сборку корпусов. Начальник цеха, **Владимир Васильевич Разумов**, эрудированный и разносторонний инженер, рассказал экскурсантам о преимуществах нового катера Ш-4 перед катером Г-3: переделка носовой оконечности позволила улучшить мореходность; для увеличения прочности корпуса усилили дюралевую обшивку; корпус катера разделили на пять отсеков (таранный, моторный, командной рубки, бензиновых цистерн, кормовой), два более лёгких бензиновых мотора, к тому же меньшего объёма, позволили разместить в кормовом лотке две торпеды; для выбрасывания торпед из лотка было сделано пороховое выталкивающее устройство; установили второй пулемёт ШКАС (Шпитального – Комарницкого авиационный скорострельный) на турели в палубном люке перед рубкой; рубка стала закрытой и просторнее; внутри рубки разместили приборы

управления (штурвал автомобильного типа, машинный телеграф, два тахометра – для двух двигателей, приводы регулировки газа, магнитный компас, планшет с картами, коробку автоматической стрельбы для пуска второй торпеды с задержкой после пуска первой, радиостанцию). При этом масса нового катера выросла на 1 тонну, а скорость полного хода снизилась до 50,5 узлов. Численность экипажа возросла до 5 человек.

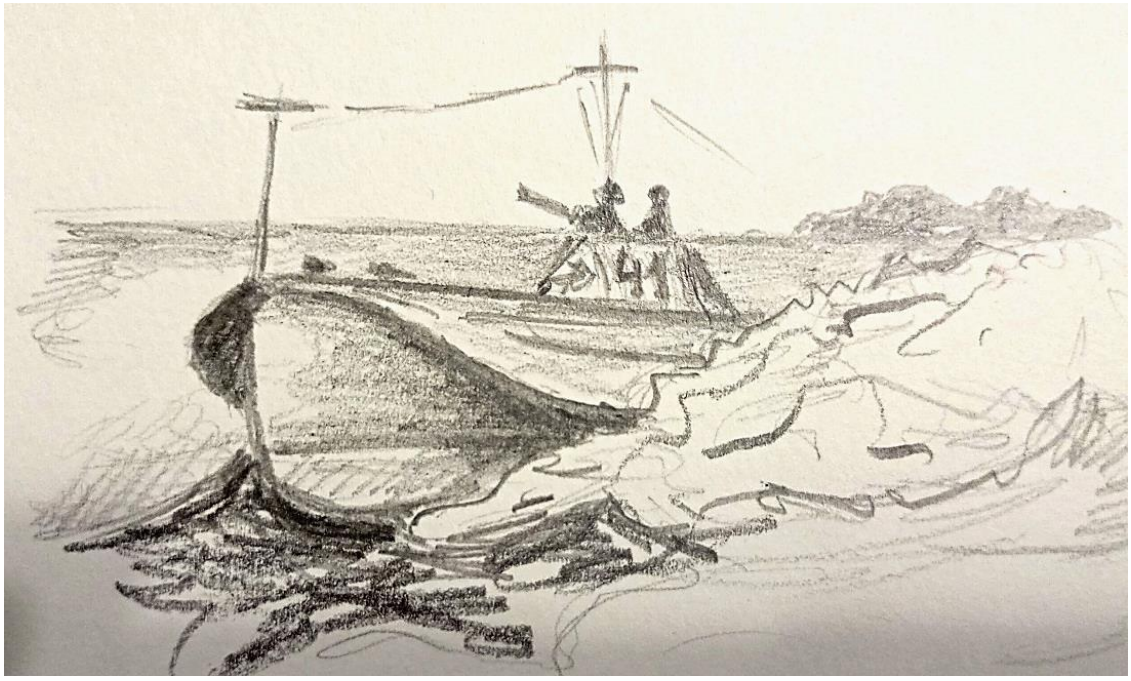
Владимир Васильевич также сообщил, что в настоящее время завод заканчивает первую серию катеров из пяти единиц, четыре из которых построены или строятся на средства, собранные различными обществами трудящихся, поэтому помимо цифрового обозначения, имеют ещё и названия: Ш-1 – «Революционный металлист», Ш-2 – «Сибиряк», Ш-3 – «Красный Осоавиахимовец», Ш-5 – «Пролетарий Украины».

У причальной стенки стояли два корпуса почти законченных катеров. Андрей походил по палубе, удивившись её узкости и покатости, побывал в рубке, разобрался в пусковом механизме торпед… Вернулся в училище сам не свой: так ему захотелось пойти на катере полным ходом, на глиссировании мчась по Балтийским волнам!

Именно в этот момент окончательно решилась Судьба будущего командира.

База торпедных катеров на Кронштоте в 1929 году

В 1928-1929 гг. в состав МСБМ вошёл дивизион торпедных катеров (ДТКА), созданный на основе первой серии катеров Ш-4. Базой дивизиона стал форт Кронштлот, построенный Петром I ещё в 1704 г., как первая крепость на Балтике. Форт со времён гражданской войны находился в заброшенном состоянии, поэтому поначалу основным делом для катерников были разборка многолетних завалов и оборудование форта для базирования катеров.



«Торпедный катер Ш-4 на Балтике». Набросок карандашом Андрея Михайловича 1929 года

К этим работам привлекали и курсантов ВМУ им. Фрунзе, часто вместо увольнений. Андрей понимал, что для развития МСБМ важна любая сила, тем более – молодые курсанты, стремящиеся уже завтра стать профессиональными военморами.

Первым командиром дивизиона был назначен **Владимир Федосьевич Чернышов**, опытный моряк, участник первой мировой и гражданской войн, в будущем контр-адмирал и начальник кафедры тактики надводных кораблей ВМА им. Ворошилова. Он, вместе с комиссаром Андреем Фёдоровичем Бурылёвым и боцманом П.А. Кузнецовым, возглавившим береговую базу, начали работы по оборудованию базы сразу, как только начал поступать личный состав из дивизионов сторожевых кораблей и торпедных катеров МСЧМ, а также с надводных кораблей МСБМ.

В январе1929 года командирами торпедных катеров были назначены выпускники ВМУ им. М.В. Фрунзе, пришедшие на флот в 1922-1923 гг. по первым комсомольским наборам: **Филипп Сергеевич Октябрьский**, в будущем адмирал, командующий Черноморским флотом, Герой Советского Союза, **Борис Викторович Никитин**, в будущем контр-адмирал, кандидат военно-морских наук, **Василий Максимович Нарыков**, в будущем контр-адмирал/капитан 1 ранга, **Сергей Дмитриевич Солоухин**, в будущем контр-адмирал, начальник кафедры общей тактики ВМА им. Ворошилова, и другие.

К лету 1929 года дивизион имел в своём составе четыре катера советской постройки типа Ш-4 и два английских «Торникрофта», доставленных с Чёрного моря, уступавших катерам Ш-4 в скорости, выжимая всего 37 узлов. Дивизион стал составной частью боевого ядра МСБМ. На катерах была организована напряжённая боевая подготовка, и с началом навигации дивизион приступил к отработке как самостоятельных, так и совместных действий с надводными кораблями и авиацией.

К этому времени для Андрея окончательно определился выбор дальнейшей службы, поэтому для помощи в работах по оборудованию базы на Кронштоте его определили в дивизион В.Ф. Чернышова. Перед курсантами, определёнными на работы в базе, выступил командир дивизиона, который начал свою приветственную речь непривычно своеобразно: *«Ну вот, солнышки, это распрекрасно, что вас направили в наш дивизион, в нашу строящуюся базу. Теперь будете вместе с экипажами не только разгребать завалы, но и готовить катера к учениям. Совсем скоро будем атаковать линкоры, крейсеры и эсминцы! Не пугайтесь, солнышки, это условно. А теперь, товарищи курсанты, прошу потрудиться!»*

Как только курсанты разошлись, к ним подошёл командир одного из торпедных катеров Ш-4 Филипп Сергеевич Октябрьский, который спросил, улыбаясь: *«А что, товарищи курсанты, нет ли среди вас моих земляков-тверян?»*

Андрей вышел вперёд, и представился: *«Курсант-краснофлотец Филиппов Андрей, из крестьян Бежецкого уезда Тверской губернии».*

Филипп Сергеевич обрадовался: *«Закончишь работу, зайди на мой катер, познакомлю с экипажем!»*

Филипп Сергеевич оказался общительным, жизнерадостным командиром, идейно закалённым моряком-коммунистом, готовым во всём помочь, пояснить, посоветовать. Рассказывал о своей жизни в деревеньке Тверской губернии, об Архангельске и Белом море, где ему довелось работать и служить. Улыбаясь, вспомнил и недавний эпизод, когда он «прокатил» на торпедном катере по Неве вождя немецкого пролетариата Эрнста Тельмана, прибывшего в Москву на 6-й Конгресс Коммунистического интернационала и посетившего Ленинград: *«Когда Тельман осмотрел крейсер «Аврору» и побеседовал с матросами, его объявили в Ленинграде почётным штурманом крейсера!»*

Так началось их знакомство, определившее во многом дальнейшую Судьбу Андрея. Иначе и не могло быть: оба родом из бедных крестьянских семей, оба из Тверской губернии, преданные делу революции и военно-морской службе, простые и открытые для подчинённых, находчивые и любящие пошутить.

Город Ленина и Петра

Андрей понимал, что, будучи курсантом ВМУ, находящимся в Ленинграде, ему просто необходимо было воспользоваться этим преимуществом, и обязательно посетить исторические места города, побывать в его музеях, театрах, дворцах, парках, прекрасных пригородах. Конечно же, здания ВМУ им. Фрунзе сами были как большой музей, но хотелось и город изучить. Андрей также понимал, что исторически правильнее было бы называть город на Неве городом Петра Великого, но уважал и поддерживал выбор революционного народа.

Очень хороши были экскурсии в музеи для курсантов, организованные командованием училища. Благодаря им Андрей за годы учёбы побывал в Кунсткамере, в Эрмитаже, в Русском музее.

Однако начал он знакомиться с достопримечательностями Ленинграда с… Зоосада, куда в одно из первых воскресных увольнений и пришёл с товарищем. Входной билет для краснофлотцев-курсантов стоил 25 копеек, как килограмм хлеба. Главный вход в зоосад представлял собой широкие ворота с наклонными к входу башенками, наверху которых стояло по скульптуре медведя. Андрею показалось, что левый косолапый был бурым, а правый – белым. Под ними в проёмах башенок располагались скульптурные головы больших трубящих слонов, держащих в хоботах электрические лампы. Гуляли товарищи в зоосаде долго, часа три. Насмотрелись всласть и на зверей, и на птиц, и на земноводных с пресмыкающимися. Больше всего понравились белые медведи, у которых недавно появились медвежата, слониха Бетти, у вольеры которой толпилось множество детей, и бегемотиха Красавица.

Что касается театров и концертов, то в те годы в Ленинграде проводились грандиозные массовые действа на открытом воздухе. Бывая в увольнениях, Андрей посмотрел театрально-концертные постановки «Гимн освобождённому труду» и «Взятие Зимнего дворца», в которых участвовали как профессиональные, так и самодеятельные коллективы, а также побывал на концерте-митинге в Актовом зале Смольного.

В 1929 году Андрей с товарищами посетил Малый оперный театр, где шёл концерт эстрадного оркестра Леонида Осиповича Утёсова, исполнявшего песни И.О. Дунаевского. Повезло Андрею послушать и первые советские оперы: «За красный Петроград» Гладковского и «Любовь к трём апельсинам» Прокофьева.

Обращал внимание Андрей и на скульптуры, созданные известными мастерами. Однако его больше интересовала тема героев Октябрьской революции, особенно таких молодых, каким был он сам. В 1928 году Андрей узнал, что в одной из аллей «Сада имени 9-го Января» поставили бюст, изображающий Васю Алексеева, одного из основателей комсомола Петрограда, молодого рабочего Путиловского завода, погибшего на фронте в 1919 году, защищая Петроград от войск Юденича. Андрей в первое же увольнение поехал с друзьями-курсантами к Нарвской заставе посмотреть бюст. Скульптор Харламов изобразил молодого рабочего лаконично просто - в кепке, свитере и пиджаке. Тогда курсанты решили, что такая скульптура, рассказывающая о молодом человеке, сделавшем за свою недолгую жизнь так много для дела Революции, намного ценнее всяких скульптур богов и богинь в парках Ленинграда.

В том же, 1928 году, на Выборгской стороне, в сквере на берегу Невы был открыт памятник герою Гражданской войны комсомольцу-комиссару Саше Кондратьеву. Конечно же, друзья-курсанты осмотрели и этот памятник. Подойдя к памятнику, они увидели стоявшего на пьедестале юношу во френче и галифе, с маузером на боку, с руками, заложенными за спину. В скульптуре чувствовалась большая внутренняя сила и стойкость. Курсанты пришли к общему выводу, что автору удалось показать искренность души героя-комсомольца.

Очень большое впечатление произвело на Андрея посещение Кронштадта. Это случилось весной 1928 года, в период подготовки учебных кораблей к походу вокруг Скандинавии.

Андрею понравилось всё: Морской собор, Кронштадтская крепость, Форты, Якорная площадь, памятник Степану Осиповичу Макарову с наказом «Помни войну!», памятник Петру I в Петровском парке, Макаровский мост, Набережная, Петровский док и другие, одетые в гранит, доки, вымощенные чугуном улицы...

22 ноября 1929 года Андрею вместе с другими курсантами посчастливилось побывать в Кронштадте на проводах линкора «Парижская коммуна» (бывший «Севастополь») и крейсера «Светлана» (будущий «Профинтерн»), убывавших в поход в Севастополь. Курсанты ненадолго прощались и с назначенным флагманским штурманом похода любимым преподавателем Николаем Александровичем Сакеллари.

Все эти «знакомства с прекрасным» понемногу делали своё дело, превращая грубоватого деревенского парня в молодцеватого моряка, будущего флотского командира, умного, много знающего, современного своей эпохе человека, с задатками морской культуры.

Театральный билет

В один из воскресных дней мая 1930 г. два стройных курсанта-краснофлотца шли неспешным шагом по проспекту 25 Октября (ранее Невскому), направляясь к Ленинградскому драматическому театру имени Александра Сергеевича Пушкина, называемому ленинградцами по старинке Александринкой , в память о названии театра в XIX веке, присвоенного в честь супруги императора Николая I Александры Фёдоровны (Александринский театр). У курсантов было желание посмотреть комедию в стихах Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума», в очередной раз насладиться игрой актёров, прекрасным залом, а, возможно, и познакомиться с ленинградскими девушками: *«Где наша не пропадала?! Мы же – военморы!»*

Май 1930 г. Ленинград. Нине Алексеевне Ивановой только что исполнилось 16 лет

На левых рукавах белых форменок курсантов красовались по три красных галочки с «золотым» якорьком сверху, сообщающие о том, что они курсанты-краснофлотцы третьего курса. А вот ниже красных курсовок были пришиты у одного курсанта два тонких «золотых» галуна с красной звездой сверху (курсант-боцман, командир отделения), а у другого – три (курсант-главный старшина специалист, помощник командира взвода).

Одним из курсантов, а именно – командиром отделения на младшем курсе, был Андрей; другим – помощником командира взвода – Сергей.

Оба курсанта по своим должностям относились к младшему комсоставу, старшинам, поэтому головы их венчали морские фуражки, а иначе – по-флотски – мицы.

Купили билеты, прошли контроль, а тут и звонок заливисто зазвенел. Курсанты понимающе переглянулись, вспомнив громкие корабельные звонки, и вошли в зал. Первые сцены спектакля прошли на одном дыхании, актёры играли прекрасно. В антракте вышли в фойе и присоединились к гуляющим зрителям, довольно переговаривающимся.

Пока Сергей рассматривал фотографии и портреты знаменитых артистов, Андрей заметил стройную молодую девушку, под ручку с подругой. Девушка сразу и настолько понравилась Андрею, что он больше ни о чём не думал, как о знакомстве с ней. Каждый раз, проходя мимо, Андрей и девушка улыбались друг другу.

Когда спектакль кончился, курсанты, получив в раздевалке фуражки, быстро вышли из театра и стали ждать девушек у памятника императрице Екатерине II, слабо надеясь на возможную встречу. Однако девушки вышли и заулыбались. Моряки подошли и представились Андреем и Сергеем, курсантами ВМУ имени Фрунзе. Девушки назвались Ниной и Людой. Разговорились и немного прогулялись по проспекту. При расставании Андрей попросил разрешения у Нины проводить её до дому. Нина, покраснев, отказала, но моряк оказался настойчив и всё-таки выпросил у неё номер телефона, который девушка нацарапала огрызком карандаша на театральном билете, предупредив, что квартира коммунальная, телефон общий, и надо попросить Нину из комнаты № 8.

Так началась их Любовь, с театра и театрального билета.

После майской «театральной» встречи 1930 г. Андрей долго стеснялся позвонить Нине, однако, ввиду приближения летней практики в Кронштадте, собрал «волю в кулак» и решился. Итак, в последнее воскресенье мая, в последнем же увольнении перед убытием на практику, Андрей, отстав от товарищей, начал поиски телефонной будки на городских улицах. Это было не просто. В 1930 году происходила замена ручных телефонов на автоматические, которые пока работали ненадёжно, Андрею пришлось переходить от одной будки к другой, да ещё тратить драгоценное время на стояние в очередях к исправному аппарату. Телефон в коммуналке Нины долго был занят – шутка ли 16 комнат, наполненных жильцами! Но Андрей терпеливо продолжал набирать заветный номер и, в конце концов «вызвонил» Нину. Из их разговора Андрею стало ясно, что девушка очень ждала звонка.

Узнав адрес, Андрей споро направился к остановке трамвая. Надо было ехать до угла проспекта Красных командиров (бывший Измайловский проспект) и улицы 7-й Красноармейской (бывшая 7-я Рота), где, в так называемом «Доме помещика» жила семья Нины Ивановой: отец Алексей Васильевич, мать Мария Ивановна и их дети: Пётр, Нина, Николай и Анатолий. Жили они на 6-м этаже в двух комнатах огромной коммуналки на 16 хозяев. На кухне стояло 8 столов с парой керосинок на каждом, по одной керосинке на каждую комнату, то есть всего 16 керосинок. Две раковины с кранами для кухонных надобностей, а также для помывки рук и лица по утрам и вечерам. Мыло и полотенца свои. Ванная комната одна, с фамильной таблицей очерёдности на двери. Три унитаза в выгородках.

На самом-то деле никакого такого *помещика* не существовало, дом был построен в 1912 г. для компании «Помещик», занимавшейся продажей молочных продуктов, для чего на первом этаже был размещён фирменный магазин, а остальные помещения сдавались в аренду. После Революции компанию разогнали, а помещения отдали рабочим и служащим Ленинграда. Магазин же долгие годы привлекал ленинградцев обилием разнообразных продуктов.

Всё это Андрей узнал позже, из разговора с Ниной. А пока у них состоялось первое свидание. Вернувшись со свидания в училище, Андрей вытащил из документов записку той настырной деревенской девушки с прошлогодних танцев, улыбнулся, порвал и выбросил обрывки…

Практика 1930 года на торпедных катерах МСБМ

Весной 1930 ДТКА, базировавшийся на Кронштоте, был преобразован в отряд с двумя дивизионами (позже была принята иная расстановка – катера входили в звенья, звенья – в отряды, отряды – в дивизионы, дивизионы – в бригады). Командиром отряда стал Ф.С. Октябрьский, комиссаром – **Александр Дмитриевич Баруздин**, в будущем полковник, первый начальник Тихоокеанского военно-морского училища (ТОВМУ), командирами дивизионов – В.М. Нарыков и И.И. Круглов. Б.В. Никитин был переведён командиром отдельного дивизиона радиоуправляемых торпедных катеров.

Катера типа Ш-4 Балтийского флота. 1930-е годы

Началась летняя практика. Андрей попал на катер, командовал которым до недавнего времени Б.В. Никитин. Это был катер Ш-4 – третий из первой серии под номером № 31, имевший название «Красный Осоавиахимовец».

О катере надо было знать всё: устройство корабля, его тактико-технические данные, устройство и работу моторов, пусковое устройство торпед, характеристики применяемых торпед и мин, устройство и стрельбу из пулемёта… кроме того, работа на руле в штиль и при волнении, швартовка и отваливание от причала, список команд, отдаваемых командиром, действия по боевой тревоге, по авралу, при выходе из базы и при заходе в базу, знать назубок морскую карту Финского залива и всего Балтийского моря, лоцию, вести штурманскую прокладку в любых условиях, при необходимости уметь заменить рулевого, моториста, стрелка из пулемёта, и еще много чего надо было узнать за время практики. Надо было также знать все экипажи дивизиона, особенности устройства и вооружения каждого катера, ремонтные возможности базы. В конце периода практики Андрею предстоял экзамен, который принимали командир дивизиона, командир катера, флагманский штурман дивизиона и флагманский механик.

Практика была долгой, почти два месяца. Андрей с большой охотой принялся осваивать всю эту гору «катерной науки». Это было чудесное время: погода стояла солнечная, большей частью штилевая. Частые выходы из базы позволили Андрею хорошо усвоить особенности управления катером: держать заданные курс и скорость, производить повороты, ловко маневрировать при волнении, подходить на катере к причалу с полного хода, для чего надо было вовремя дать задний ход и застопорить моторы, тогда катер сам, по инерции, подходил к причалу. Морские карты с фарватерами, маяками, знаками и глубинами изучил и знал досконально.

Как-то раз, выйдя из базы в штиль, уже через час поднялся ветер, разогнавший волну балла в три. Казалось бы, волнение небольшое, однако этого хватило, чтобы Андрей ощутил морскую погоду полной мерой. Катер держал ход 30 узлов, идя против волны. Каждая встреча с волной – сильнейший удар по корпусу катера, сшибающий с ног. Андрей находился в рубке, пружиня полусогнутыми ногами и всё равно чувствительно ударяясь о твёрдые внутренности рубки. Удерживаясь за поручни, выбрался на скользкую выпуклую палубу, тут же промок от брызг и солёных волн, потоками проносящихся по палубе, разбивающихся о рубку и плещущих порции воды внутрь. Андрей хотел что-то крикнуть боцману, но встречный ветер не давал открыть рта. В базу пришли промокшие вдрызг. Вот когда Андрей понял, для чего выдаётся катерникам кожаная одежда.

С изучением мотора повезло: сдружился с мотористом **А.С. Гулимом**, в будущем инженером-капитаном 2 ранга. Гулим прибыл с Чёрного моря; разбирался с любым мотором легко и непринуждённо. К концу практики Андрей отлично усвоил мотор, понимал его тонкости. Экипаж катера нравился Андрею своим профессионализмом и желанием познать всё, что связано с торпедными катерами. Андрей замечал, что в базе, в кубрике экипажа, на столе почти всегда лежали свежие газеты и – частенько – номера журнала «Морской сборник», зачитываемого до дыр не только командирами дивизиона, но и старшинами и матросами. В этом сборнике время от времени публиковались статьи о торпедных катерах, как отечественных, так и иностранных. Катерников очень интересовала тема тактического применения торпедных катеров.

Был Андрей на катере и когда был осуществлён пуск торпеды на полигоне, а потом – стрельба из пулемёта по плавающему щиту, изображающему вражеский катер. Андрей стрелял последним и ухитрился попасть в щит второй очередью.

Делал для себя зарисовки кораблей, друзей и морских пейзажей. Рисовал карандашом или чёрными чернилами, которые сам изготовлял из шариков, нараставших на больных дубовых листьях.

Итоговый экзамен сдал на «отлично».

Всего два раза за практику 1930 года Андрею удалось встретиться с Ниной, воспользовавшись попутными плавсредствами до Ленинграда. Однако эти две встречи многое прояснили в их отношениях: они поняли, что жить друг без друга не могут.

Обнадёживающий отказ

С осени 1930 и до весны 1931 г. каждое увольнение Андрей мчался к Нине. Они много гуляли по улицам и паркам Ленинграда, иногда удавалось сходить в кино или театр.

Как-то в начале апреля, в солнечный и тёплый день, когда на улицам Ленинграда особенно слышно громкое воркование голубей и задорное чириканье воробьёв, почувствовавших весну, Андрей, не позвонив по телефону, сразу пошёл по хорошо известному адресу, чтобы серьёзно поговорить с родителями Нины о том, что молодая пара решили связать свои Судьбы воедино, и как можно раньше.

Когда Андрей, в новой форме курсанта-старшины и в фуражке, явился к Ивановым, Алексей Васильевич и Мария Ивановна были очень рады, как за Андрея, так и за дочь; они уже поняли, что скорой свадьбы не избежать. Однако мудрая Мария Ивановна спросила: *«А вы знаете, что с 1927 года, согласно новому Кодексу о браке, девушка не может выйти замуж до 18 лет? А тебе, Нина, 17лет ещё только 16 апреля исполнится. Придётся ждать больше года…»*

Это был удар… Однако вскоре всё разъяснилось. Оказалось, что уже в 1928 году в Кодекс о браке было внесено маленькое примечание, позволяющее *«…в исключительных случаях понижать установленный возраст на год и только для женщин».*

Тут взял слово Алексей Васильевич: *«Дорогой и уважаемый Андрей, давайте подождём со свадьбой до осени – твоего окончания училища. Будешь командиром РККФ – а тут тебе и молодая жена!»* На том и порешили.

Стажировка 1931 года на торпедных катерах МСБМ

В мае 1931 года Андрей стал кандидатом в члены ВКП(б).

На стажировку после третьего курса, летом 1931 года, Андрей пришёл уверенным шагом бывалого военмора, на голове лихо, по-катерному, сидела морская фуражка, на рукаве форменки – старшинские нашивки курсанта-боцмана. Встретили его как товарища, заработавшего во время прошлогодней практики уважение экипажей.

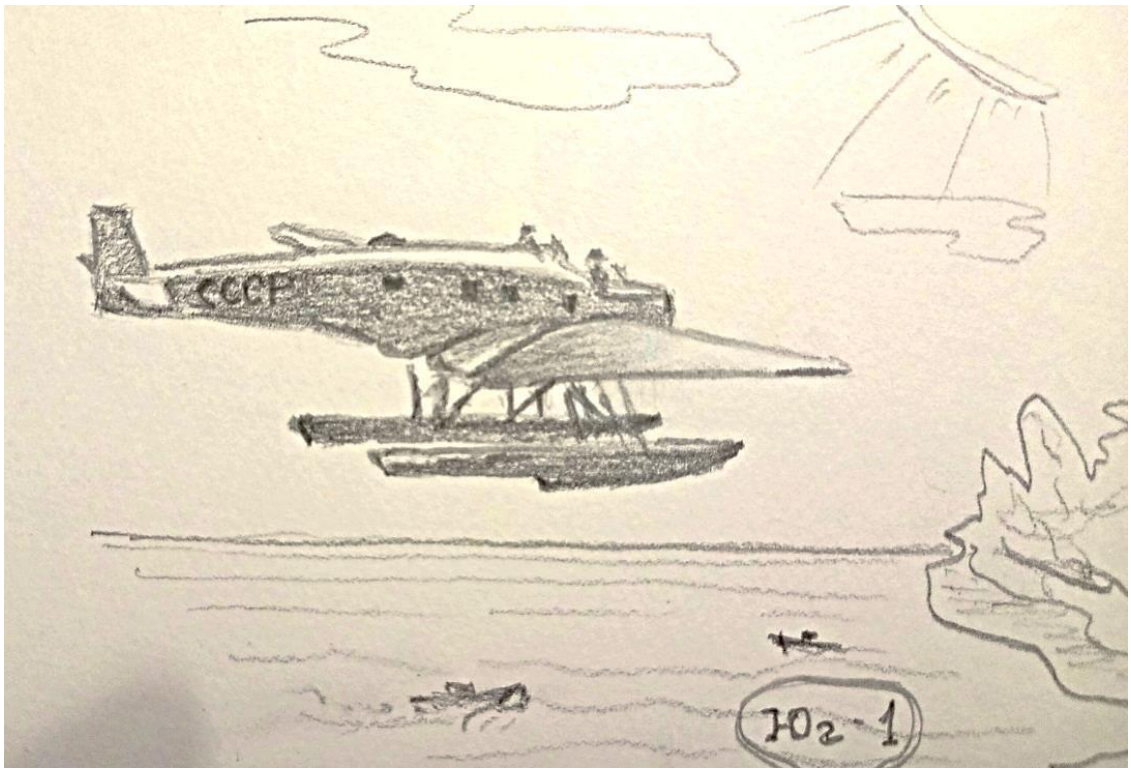


Рисунок Андрея Михайловича 1930 года. Самолёт ЮГ-1 управляет беспилотным торпедным катером, наводя его на цель

Андрей сразу и полностью «окунулся» в занятия, тренировки, ремонт материальной части. Разместился он на учебном корабле «Ленинградсовет» (бывший учебный корабль «Верный», потом «Петросовет), который временами использовался как плавбаза. Конкретно к какому-то одному катеру Андрея не приписывали, он исполнял обязанности любого специалиста из состава экипажа катера отряда, как дублируя его обязанности, так и исполняя напрямую, если тот отсутствовал по каким-либо причинам. В конце стажировки он двое суток замещал командира катера. В эти сложнейшие для Андрея дни, когда был объявлен выход на отработку маневрирования катеров звеном, будущий командир проявил себя хорошо: анализировал обстановку, маневрируя, правильно отдавал команды, грамотно вывел катер из базы и привёл обратно, за что получил благодарность от командира отряда. Надо сказать, что опытный экипаж катера всячески поддерживал будущего молодого командира, своими действиями «подчищая» его некоторые промахи.

Андрей участвовал и в учении, которое проходило на сравнительно небольшом пространстве восточной части Финского залива. Учение началось с артиллерийской дуэли эскадры

кораблей МСБМ с «вражескими» кораблями, прорывающимися с запада. Линкоры, крейсеры и форты, используя дальнобойную артиллерию, «стреляли» по пока невидимому на торпедных катерах «врагу». Эсминцы охранения, заметив дымы кораблей «противника», поставили дымовые завесы. Торпедные катера отряда полным ходом помчались навстречу кораблям «противника». После стремительного сближения и выхода в точку залпа, с каждого катера в воздух взлетела ракета, обозначавшая торпедный удар. После этого учение для торпедников закончилось, и катера ушли курсом на Кронштлот, в базу. Так оттачивалось боевое мастерство разнородных сил МСБМ.

Как-то раз, проходя Петровским фарватером, экипаж катера, на котором был и Андрей, заметил севший на мель катер Ш-4, с которого подавали сигналы флажным семафором, а над катером кружил трёхмоторный, с поплавковым шасси, самолёт ЮГ-1. Про него в училище рассказывали, что такие самолёты был заказаны в германской фирме «Юнкерс», и базировались они близ города Красногвардейска (бывший Троцк, а ещё ранее и в будущем – Гатчина). Подошли малым ходом, стараясь самим не сесть на мель. Увидели несколько человек в воде по шею, пытающихся сдвинуть катер с мели. Одна голова при этом радостно смеялась и делала приглашающие жесты. Каково же было удивление и радость Андрея, который в этой улыбающейся голове узнал Бориса Васильевича Никитина! Катер Никитина был напичкан приборами так называемого «волнового управления», выполняющими команды передатчика, установленного на самолёте ЮГ-1 на управление рулём, двигателями, торпедным аппаратом, даже на постановку дымовой завесы. Испытания с беспилотным отечественным катером Ш-1 проводились ещё с весны, но пока не всё шло гладко, а сегодня катер уже второй раз сел на мель. По команде командира Андрей прыгнул на палубу севшего на мель катера и закрепил буксирный конец. Через пять минут катер Никитина был снят с мели.

В конце стажировки командир отряда Ф.С. Октябрьский, прощаясь с Андреем, произнёс официальные слова, порадовавшие Андрея: *«Старшина Филиппов, за время своей стажировки Вы показали себя исключительно грамотным специалистом, безупречно исполняя любую должность на торпедном катере. Ждём Вас после окончания училища командиром торпедного катера нашего отряда!»*

Торжественный выпуск

Последний год учёбы в ВМУ пролетел быстро. Приближался выпуск и производство курсантов в командиры РККФ.

В октябре 1930 года сменился начальник училища. Теперь им командовал и одновременно был комиссаром **Татаринов Алексей Николаевич**, участник Октябрьской революции и Гражданской войны, участник штурма Зимнего дворца, командир и комиссар Черноморского флотского экипажа, последние два года – слушатель ВМА.

20 октября 1931 года, в Зале Революции, вдоль правой стены построились все курсанты училища, выпускники – в форме командиров РККФ с нашивками согласно назначенных должностей, командование училища - в центре левой стены, рядом – преподаватели. Все – в парадной форме одежды. Начальник училища зачитал Приказ об окончании училища. Каждый выпускник получил Свидетельство об окончании ВМУ им. Фрунзе и Предписание на командирскую должность в РККФ.

Андрей держал в руках Свидетельство об окончании ВМУ имени Фрунзе и не мог сдержать волнения: неужели это он – простой деревенский парень – стал командиром РККФ, а скоро будет командовать торпедным катером на Балтике?! И он снова мысленно говорил *«Спасибо»* Октябрьской революции, благодаря которой свершилась его мечта.

Свидетельство об окончании ВМУ выглядело очень представительно. На листе жёсткой белой бумаги в самом верху был изображён герб СССР с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ниже надпись «Народный Комиссариат по Военным и Морским Делам». Далее – большой заголовок **Свидетельство**. Ниже текст: «Военно-Морское Училище имени М.В. Фрунзе сим свидетельствует, что курсант ***Филиппов Андрей*** окончил полный курс Училища по Штурманской специальности и выполнил все требования, предъявленные программами по нижеследующим предметам: *Тактика оружия с практическими занятиями. История военно-морского искусства. Военно-сухопутное дело. Морское дело. Средства Морской авиации. Артиллерийская стрельба и организация судовой артиллерии. Материальная часть артиллерии. Торпедная стрельба. Материальная часть торпедного дела. Минное дело (с подрывным делом и тралением). Мореходная астрономия. Навигация и лоция. Девиация. Электромеханические навигационные приборы. Физическая география. Военно-Морская Администрация и Организация. Механическое дело. Теория корабля с кораблестроением. Судовая электротехника. Средства связи. История ВКП(б). Ленинизм. Экономическая политика СССР. Политическая экономия. Политпросветработа в РККФ. Теоретическая механика. Высшая математика (дифференциальное и интегральное исчисление, аналитическая геометрия). Военно-химическое дело. Английский язык. Текущая политика. Проекционное черчение с начертательной геометрией.*

Далее была вписана дата выдачи и подписи Начальника Училища и Начальника Учебно-Строевого Отдела. Сверху – Печать Военно-Морского училища имени Фрунзе.

…

Андрей окончил училище хорошо, получив по основным предметам отличные оценки. После торжественного марша на плацу училища выпускники убыли в отпуск, по окончанию которого должны были прибыть на корабли и базы РККФ согласно предписаниям.

Свадьба - женитьба

Свадьба состоялась через десять дней после выпуска, 30 октября 1931 года. Андрею было 22 года, Нине – 17 лет. Гуляли в двух «раздвижных» комнатах Ивановых, с участием нескольких однокашников Андрея, которые служили на кораблях в Кронштадте и на катерах в Кронштоте, а также многочисленных родственников и друзей–товарищей по коммунальной квартире на 16 хозяев…

Начало ноября 1931г. Неделя после свадьбы. Нине 17 лет, Андрею 22 года

В главе II использована литература: [1,2,10,21,22,29,32,34,35,37,38,47,48,50,55,58,65,72,74]

Глава третья. Назначение – на Тихий!

Командир торпедного катера

Явившись в ноябре 1931 г. в отряд торпедных катеров, и представившись командиру отряда Октябрьскому, Андрей предполагал, что ему сразу выделят современный катер типа Ш-4, которым он и будет командовать.

Фото1930-х годов. Советские реданные торпедные катера типа Ш-4

Но не тут-то было – все должности командиров торпедных катеров Ш-4 были заняты. Помня своё обещание, данное перед строем в конце стажировки Андрея, Филипп Сергеевич назначил его командиром катера «Торникрофт» английского производства, к тому времени устаревшего и почти не используемого. Главной задачей для Андрея командир отряда определил подготовить катер к весенней навигации: сплотить «разболтавшийся» экипаж, полностью перебрать моторы, очистить корпус от ржавчины и старой краски, покрасить, починить устройство пуска торпед, короче - привести катер в боевой вид. Для ремонта моторов выделили Андрею его приятеля – моториста А.С. Гулима, который хорошо разбирался в моторах фирмы «Торникрофт» мощностью 375 л.с.

Почти до Нового 1932 г. Андрей с переставшим «разбалтываться» экипажем чистил, красил, чинил, перебирал механизмы, одновременно изучал наставления, приказы, руководства, штудировал лоцию Балтийского моря… *«Вот,* - думалось молодому командиру, - *растают весной льды в Финском заливе, и помчимся мы по волнам с ветерочком, только вьёт!»*

Однако не суждено было сбыться мечте Андрея. Перед самым Новым годом пришёл с проверкой командир отряда. Скрупулёзно всё осмотрел, спросил о дальнейших планах, похвалил за службу весь экипаж, а потом… ошарашил: *«Проделана большая работа – молодцы! Однако придётся на этом и пошабашить! С сегодняшнего дня начато формирование Особого*

отряда торпедных катеров для отправки на Дальний Восток. Я назначен командиром отряда. Экипажу катера сегодня же закончить все работы и перейти в подчинение командиру 1-го дивизиона для подготовки выделенных катеров Ш-4 и погрузки их на железнодорожные платформы. И ещё: ни в коем случае не сообщать родным и знакомым об отряде и о переброске его на Дальний Восток».

Первая мысль Андрея была, попал ли он в состав отряда; вторая - про Нину: *«Только поженились, и уже расставаться… Как же ей объяснить, чтоб не утонула в слезах?»*

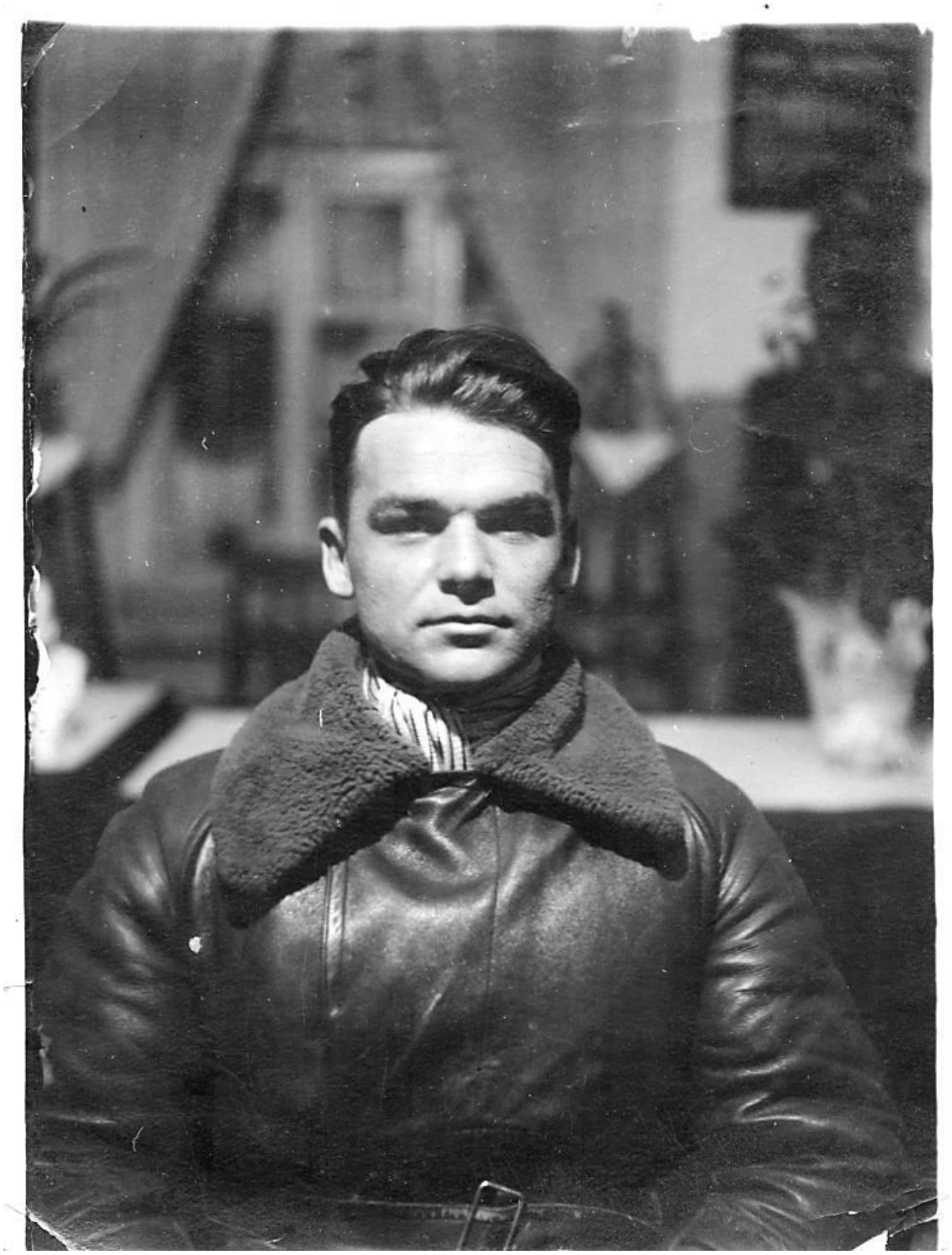
В тот же день комиссар А.Д. Баруздин подробно разъяснил командирам и краснофлотцам формирующегося отряда суть приказа командования: *«В течение осени 1931 года и начала зимы японская Квантунская армия, вторгшись в Китайскую Манчжурию, захватила большую часть этой провинции. Вероятность нападения империалистической Японии на Советский Дальний Восток многократно увеличилась. Правительство СССР, понимая, что в сложившихся обстоятельствах военно-морских сил на Дальневосточных рубежах явно не хватает, первейшим делом поставило создание мощного Тихоокеанского флота, в составе которого планируется сформировать несколько соединений торпедных катеров. Наш отряд будет первым с Балтики; позже будут и другие отряды, как с Балтики, так и с Чёрного моря»*. Комиссар также предупредил о соблюдении строгой секретности всего, что касалось отряда.

Не дожидаясь весны, катерники отряда и прибывшие на Балтику черноморцы занялись подготовкой катеров в дальнюю дорогу. Перебирали двигатели, готовили оружие, связь, строительные материалы для постройки баз на океанских берегах.

В середине марта к Кронштадту пробились ледоколы, позволившие подойти плавучему крану и баржам. Моряки осторожно спускали торпедные катера на лёд, ставили их на кильблоки с санками и тащили к крану, который поднимал катера на баржи. Вместе со всеми трудился и экипаж Андрея Филиппова. Ледоколы отводили баржи в Ленинградский порт, где катера грузились на железнодорожные платформы.

Неожиданный поворот Судьбы

К апрелю состав убывающего на Дальний Восток отряда окончательно сформировался. Всего погрузили 12 катеров. Андрей был назначен флаг-штурманом отряда.



1932 г. Флагманский штурман Особого отряда торпедных катеров МСДВ Филиппов Андрей Михайлович

Начальник отряда поручил ему, связавшись с Главным гидрографическим управлением и с УБеКоБалтом (Управлением по безопасности кораблевождения Балтийского моря), получить все возможные морские карты Тихого океана, лоции морей и проливов, штурманские инструменты, чтобы заблаговременно, ещё во время следования по железной дороге, знакомить личный состав с морским театром и особенностями навигации на Тихом океане. Готовясь к занятиям с командирами катеров и экипажами, Андрей постепенно убеждался, насколько сложная предстоит на Дальнем Востоке работа с катерами типа Ш-4, которые выдерживали волнение только до 2-х баллов.

А в это время на Дальнем Востоке к 1932 г. были восстановлены и частично модернизированы все ценные в боевом отношении корабли; к сожалению, таких кораблей получилось маловато. 30 марта 1932 г. закончилось формирование штаба МСДВ (Морских Сил Дальнего Востока). Командующим МСДВ был назначен **Михаил Владимирович Викторов**, флагман 1 ранга, который в своём первом приказе объявил о формировании МСДВ, перечислил соединения, части, корабли и учреждения, вошедшие в состав Морских Сил.

На Дальний Восток стали прибывать первые строители флота, пришедшие служить по комсомольским путевкам. В необжитых местах возникали аэродромы, возводились батареи береговой артиллерии, строились казармы. Планом строительства главной базы МСДВ на 1934-1937 гг. предполагалось иметь пункты базирования: в бухте Золотой Рог (крейсеры, подводные лодки, минные заградители), в бухте Новик и на о. Русский (тральщики, противолодочные корабли), в бухте Улисс (подводные лодки и торпедные катера), в бухте Воевода и заливе Стрелок (торпедные катера), в бухте Находка (подводные лодки и торпедные катера).

На Балтике и Черном море готовились эшелоны с катерниками и подводниками. Грузилась техника, строительные материалы.

Через всю огромную страну

18 апреля Андрей последний раз перед отъездом ночевал в семье. Очень трудно было смолчать о месте новой службы, а о том, на какой срок он уезжает «в командировку», Андрей и сам ничего не знал. По просьбе Нины все, кто был в тот день дома, пошли в ближайшую фотографию под витиеватым названием «Cabinet Portrait», отдающим дореволюционным «душком», и сфотографировались «на дорожку». Эту фотографию Андрей увидел не скоро.

8 апреля 1932 г. Ленинград. Семьи Ивановых и Филипповых перед отъездом Андрея на Тихоокеанский флот

20 апреля 1932 года отряд отбыл из Ленинграда. Для скрытности весь личный состав отряда был переодет в «гражданку». Попрощались дома - на вокзал родным было приходить запрещено. Ехали на Дальний Восток с большим желанием.

Во время пути с катерниками проводились различные занятия. Командир отряда рассказывал о военно-морских силах империалистической Японии, насчитывающих в своём составе более 5 линкоров, около 30 крейсеров, более 80 эсминцев, 50 подводных лодок; были даже авианосцы. Говорил он и о Квантунской армии, к этому времени полностью оккупировавшей Манчжурию и осуществлявшей провокации на нашей границе.

Мотористы Балтики и Чёрного моря обменивались опытом обслуживания моторов «Райт-Тайфун» мощностью 550 л.с., устанавливаемых на катерах типа Ш-4; катерные боцманы – особенностям стрельбы из пулемётов на ходу по надводным целям и самолётам, а также вождению катера при волнении моря выше предельно допустимого, если, конечно, это потребуется на войне.

Флаг-штурман отряда Андрей Филиппов знакомил - пока по морским картам - с особенностями огромного тихоокеанского простора: основными течениями, маяками, проливами и заливами, погодными условиями, короче – со всем, что успел изучить сам. Уже было известно, что база отряда торпедных катеров с Балтики будет находиться в бухте Большой Улисс. В бухте Малый Улисс будут базироваться подводные лодки «малютки».

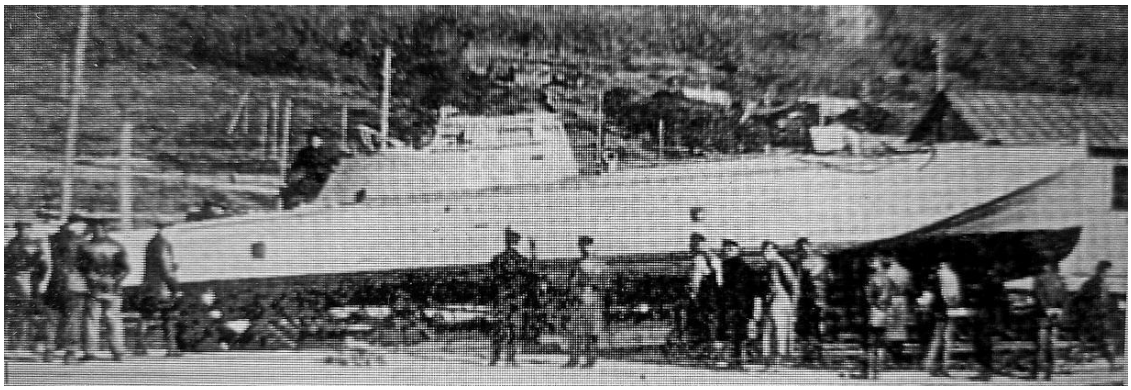
Комиссар отряда привёл интересные факты об эффективной политике поддержки флота советской властью: в отряде члены и кандидаты в партию составляли 42%, комсомольцы - 25%; много внимания уделял разъяснению документов ВКП(б) и ВЛКСМ, принятых в последнее время. Говорил и о богатствах Дальневосточного края, о растительном и животном мире, о населяющих Дальний Восток народностях.

На платформах, где находились раскрепленные, обшитые досками и укрытые брезентом катера, были выставлены караульные посты. В одном из вагонов разместился камбуз, который, соблюдая установленную очерёдность, «кормил» личный состав отряда горячей пищей.

Андрей, когда появлялась свободная минута, подходил к окну и смотрел на проносившиеся мимо новостройки городов, обновлённые деревни, широкие сибирские реки, высокие скалистые горы, нескончаемую тайгу Приморья. Несколько раз видел лосей, однажды – семью медведей на берегу реки. Душа радовалась от обширности просторов и величия родной страны. Вспомнилась молодому командиру история Дальнего Востока, как её рассказывали преподаватели в училище: про Семёна Дежнёва, Ерофея Хабарова, Алексея Чирикова, Витуса Беринга, Ивана Крузенштерна, Юрия Лисянского… Вспоминалась и Гороватая, тятька, мать, братья… Как-то они там? Но больше всего тянуло его в Ленинград, к Нине.

Прибытие на Дальний Восток

Вечером 11 мая поезд с Особым отрядом катерников, прогрохотав по подземному тунелю, прибыл во Владивосток. Шёл дождь, сопки были в тумане. Со стороны моря задувал холодный ветер. Отряд временно разместили во флотском экипаже.



11 мая 1932 г. Владивосток. Выгрузка катера Ш-4 на причал у бухты Золотой Рог

Утром спустили катера на воду в спокойной в этот день бухте Золотой Рог, состоялись первые выходы для опробования моторов. Пока находились во Владивостоке, наблюдали, как на платформах по железной дороге подвозились самолёты, подводные лодки «малютки», береговые орудия, торпедные катера. Вся техника была хорошо укрыта брезентом, что предохраняло её при перевозке не только от грязи и пыли, но и от «вражеских глаз». Ещё через двое суток катера отряда перешли в бухту Большой Улисс, где предстояла интенсивная боевая учёба и серьёзное участие в постройке базы. Пока шли в будущую базу, удивлялись количеству островов, бухт, заливов… восхищались красотой прибрежных вод и огромных пространств Тихого океана.

Боевая подготовка пополам со стройкой

Ко времени перехода катеров в бухту Большой Улисс строители, незадолго до приезда катерников начавшие работы, успели сделать немного: построили временную стоянку торпедных катеров, возвели сооружение, отдалённо напоминающее эллинг, однако постройка домиков для семей командного и сверхсрочного состава была в зачаточном состоянии, кубрики экипажей катеров располагались в дощатых казармах, щелястых и холодных. Кроме того, не были завезены средства погрузки торпед и ёмкости для хранения жидкого топлива, а энергетическая мощность базы пока не обеспечивала в полной мере боевую и повседневную деятельность катеров.

1932 г. Бухта Большой Улисс. Несколько минут отдыха среди непрерывной боевой учёбы и строительства. Первый ряд второй справа – флаг-штурман ОТКА Андрей Филиппов

Пришлось катерникам, в ущерб боевой учёбе, заниматься всеми этими неотложными делами. А впереди их ждал следующий «подводный камень» - нехватка стройматериалов: цемента, кровельного железа, арматуры, даже пилёного леса (кругляка хватало). К тому же всё приходилось переносить на руках, так как средств механизации почти не было. Но больше всего угнетало семейных катерников отсутствие жилья, в которое можно было бы привести жену и детей. Заботило это и Андрея, недавно ставшего семейным человеком.

В таких трудах прошёл май, июнь и половина июля.

И снова через весь Советский Союз

Неожиданно Андрею поступил приказ срочно выехать в Ленинград для участия в приёмке второй партии катеров Ш-4 и перевозки их на Дальний Восток.

Снова Андрей ехал по гражданке, а форму вёз в чемодане; переоделся, когда уже поезд подъезжал к Ленинграду. Из вагона на перрон вышел командир РККФ; на каждом рукаве его тужурки было пришито по паре галунов средней величины золотистого цвета со звездой наверху, что соответствовало должности Андрея.

Из первой же телефонной будки Андрей позвонил и обрадовал Нину, что вечером будет дома, а сейчас ему надо в Кронштлот. Добравшись до Кронштлота, доложил о прибытии командиру БТКА **Герарду Павловичу Нестведу**, с которым до этого знаком не был, но знал, что до прошлого года он командовал на Балтике миноносцем, использовавшимся в качестве корабля–цели при испытаниях радиоуправляемых катеров. В разговоре с Герардом Павловичем выяснилось, что он тоже родом из Тверской губернии Опочецкого уезда, окончил ВМУ в 1924 году, через два года ставшее «…им. Фрунзе». Комбриг, выслушав доклад Андрея, усмехнулся и спросил: *«Своих давно не видел?» - «С апреля». - «Поезжай-ка ты домой, явишься завтра, и мы с тобой займёмся отбором катеров».* И Андрей «полетел» домой, к Нине.

Отбор катеров, подготовка их к переезду по железной дороге и прочие работы и дела продлились до середины августа, то есть заняли гораздо меньше времени, чем первая переброска: сказался и опыт, накопленный ранее, и летние условия, позволившие катерам следовать от Кронштлота до Ленинграда своим ходом.

За это время Андрей, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте, сблизился с Герардом Павловичем. Как-то в разговоре комбриг спросил Андрея, знает ли тот, что сейчас поделывает Борис Викторович Никитин. Оказалось, что Никинин назначен на должность специалиста по торпедным катерам и особой технике в Управлении Морских Сил РККА, где, под руководством заместителя начальника Морских Сил **Ивана Мартыновича Лудри** и начальника Управления боевой подготовки **Эдуарда Самуиловича Панцержанского**, в срочном порядке организует Курсы боевой подготовки торпедных катеров и – впервые в истории российского и советского флота – создаёт Наставление по боевой деятельности торпедных катеров.

«Вот какое большое значение придаётся нашим маленьким, но таким грозным корабликам! В этом Наставлении, основываясь на уже накопленном опыте использования торпедных катеров на Балтике и Чёрном море, а также организации боевой подготовки в Воздушных Силах, предполагается ввести разделение экипажей, отрядов и дивизионов катеров на три линии – в зависимости от уровня их подготовки к решению боевых задач», - закончил Герард Павлович.

Во время переезда Андрей, как и в первый раз, исполнял должность флаг-штурмана отряда, а командиром отряда был назначен командир дивизиона торпедных катеров из бригады Г.П. Нестведа. Как и в первый раз, проводились занятия с личным составом отряда, и Андрей, уже с накопленным запасом знаний, уверенно докладывал о морском театре и навигационной обстановке, сложившейся к лету 1932 года.

Строительные бригады работают

Торпедные катера и личный состав нового отряда добрались до Большого Улисса в начале сентября. Стояла прекрасная осенняя погода, туманы, летом плотно висящие над заливом Петра Великого и ближним побережьем, и так мешавшие катерникам, отступили.

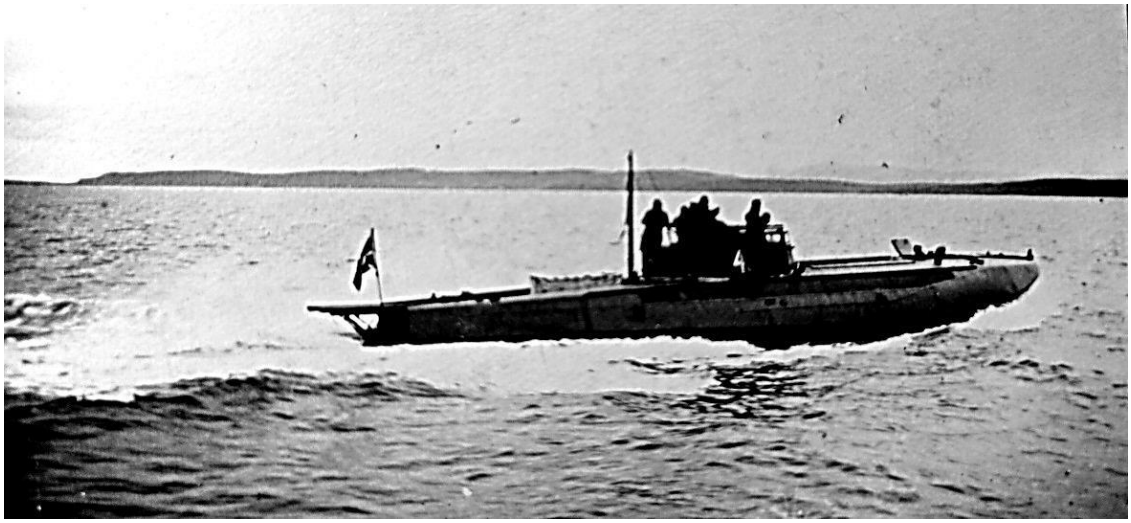
1932 г. Бригады строителей, созданные из состава катерников

Подходя на катере к базе в бухте Большой Улисс, Андрей с удовольствием отметил, что территория побережья, отведённая под базу, застроилась новыми жилыми и служебными поме-

щениями, складами, мастерскими. Видно было, что и строители, и катерники, пришедшие на помощь строителям, потрудились от души. Потом, конечно же, выяснилось, что многие объекты базирования командованию пришлось принимать с существенными недоделками; например, лишь к концу 30-х годов была решена проблема хранения жидкого топлива для катеров.

Хороши ли катера Ш-4 для Тихого Океана?

В конце октября командир отряда Ф.С. Октябрьский собрал совещание командного состава для обсуждения предварительных результатов боевой подготовки. К этому времени на должность начальника штаба отряда был назначен **Арсений Григорьевич Головко**, в будущем Командующий Северным Флотом, адмирал.



1932 год. Торпедный катер типа Ш-4 в проливе Босфор Восточный

В результате обсуждения выяснилось следующее: отряд достиг определённых успехов в освоении морского театра; экипажи катеров отработали задачи по совместному плаванию, что позволило подготовиться к осенним учениям флота; на учениях, тесно взаимодействуя с авиацией, береговой и железнодорожной артиллерией, катерники умело наносили удары по «противнику», стремящемуся прорвать нашу минно-артиллерийскую оборону; несли боевое дежурство вблизи границы, в заливах Амурский, Славянский и Посьет.

Однако при этом отметили, что мореходность катеров типа Ш-4 (2 балла) оказалась явно недостаточной для условий Тихого Океана: корпуса катеров сильно вибрировали на полном ходу, долго выходили на глиссирование и зарывались в воду на зыби. Дюралевые корпуса от воздействия солёной воды интенсивно коррозировали, что вынуждало экипажи по возвращении в базу в обязательном порядке поднимать катера на кильблоках на тележки, откатывать по рельсам на берег, протирать керосином, покрывать лаком, после чего хранить в вентилируемых помещениях, спуская в воду только перед новым выходом в море. Фундаменты этих помещений были сделаны строителями непрочно, под тяжёлыми моторами катеров бетон выкрашивался. По этим и другим причинам катера Ш-4, которые находились в боевом составе МСБМ и МСЧМ около 3 – 4 лет и одну навигацию в МСДВ, требовали капитального ремонта корпусов и импортных моторов, часто ломающихся.

Кроме того, на Ш-4 использовались торпеды калибра 456-мм с недостаточно мощным зарядом взрывчатого вещества (ВВ).

Результаты обсуждения командир отряда и начальник штаба доложили в штаб МСДВ.

Суровая первая осень

Осень наступила вместе с частыми туманами, с внезапно налетавшими с северо-запада штормовыми ветрами. Говоря иначе - штормило почти каждый день. Катера в море выходили редко. Случалось выйти при хорошей погоде, а уже через час шторм обрушивался так внезапно, что экипаж буквально боролся за выживание.

Обледенелый Ш-4 вернулся из похода в базу. Начало 1930-х гг.

Если сказать, что условия для работы на таком маленьком суденышке, как торпедный катер, очень сложные, это значит - ничего не сказать. Экипаж работал и отдыхал, скрючившись, сжавшись в комок - места было чрезвычайно мало. А если с экипажем уходил в море комбриг, или командир дивизиона, или командир отряда, то им и вовсе приходилось стоять в рубке на одной ноге, по-обезьяньи уцепившись рукой за мачту, а, после возвращения из длительного плавания, они часто не могли без помощи товарищей даже сойти на пирс.

Выход в море длился иногда по несколько часов; за это время катерники теряли до 3-4 кг собственного веса. Поэтому за выход в море на период более двух часов раз в сутки для восстановления сил выдавался бортпаёк, в состав которого входили стограммовая плитка шоколада, немного копченостей, сыра, пачка галет. Это был бортпаёк по нормам лётного состава легкой бомбардировочной авиации.

При минусовой температуре и даже небольшом волнении палуба, рубка и прочие части корпуса сильно обледеневали, и вес катера значительно возрастал. Экипаж скалывал лёд, с риском для жизни удерживаясь на скользкой выпуклой палубе. Однако терпели, так как возвращаться в базу раньше времени считалось среди моряков постыдным.

В ноябре сопки покрылись глубокими снегами. Толстые льды сковали бухту Улисс и другие бухты и заливы до марта.

Каждую зиму, кроме проведения строительства и ремонтно-профилактических работ с корпусами катеров и моторами, нужно было поддерживать физическую форму краснофлотцев и командиров. И здесь большую пользу принесла регулярная лыжная подготовка, возглавляемая спортсменами, в числе которых был и Андрей, с раннего охотничьего детства профессионально ходивший на лыжах.

1933 год. Торпедные катера типа Г-5. Перспектива появления на ТОФ

Так же, как и многие моряки, Андрей успел за короткое время полюбить Приморье, его скалистые берега и зелёные сопки, тайгу с реликтовыми деревьями, хрустальные ручьи и реки, впадающие в чистые воды красивейших заливов и бухт. Всех моряков забавляло появление в расположении базы разных животных, казалось - непуганых: медведей, енотов, оленей, кабанов, фазанов… Андрею частенько хотелось забраться подальше в тайгу и поохотится, но служба не позволяла.

1933 г. База торпедных катеров в бухте Большой Улисс

Пока на флотах катерники несли службу на катерах Ш-4, испытывая серьёзные трудности в их обслуживании и боевом применении, конструкторское бюро Туполева, учтя многочисленные замечания и пожелания, всего за два года (1931-1932) спроектировало и построило новый торпедный катер ГАНТ-5. Его испытания прошли очень успешно, и 17 июня 1933 года приёмная комиссия назвала *«...торпедный катер ГАНТ-5… лучшим из всех существующих»*. По сравнению с Ш-4, новый катер имел большее водоизмещение (14,5 тонн), за счёт чего уверенно справлялся с 3-балльным волнением; продольно-поперечная система набора и клёпаный корпус из особого сплава, названного кольчугоалюминием (создан на Кольчугинском заводе), делали его более прочным; на новых катерах предполагалось применять торпеды калибра 533 мм.

Однако серийные катера начали поступать на флот только с 1935 г., так как выпуск отечественных моторов ГАМ-34 с мощностью 736 л.с. (для первой серии катеров) промышлен-

ность наладила лишь к 1934 г. Катер первой серии Г-5 (серийное обозначение) с парой отечественных моторов развивал скорость без торпед от 52 до 58 узлов, в зависимости от мощности двигателей.

Все эти новости доводились (в дозволенной мере) до катерников Дальнего Востока, которые с нетерпением ждали поступления новейших катеров.

Сын!

В феврале 1933 года командование разрешило катерникам разослать свой почтовый адрес родным. Вскоре Андрей получил радостную весть из Ленинграда о том, что жена ждёт ребёнка; оставалось всего два месяца до родов. Нина прислала свою фотографию, которую Андрей тут же поставил на тумбочку рядом с койкой, а Нине послал фотографию, в которой он показал, как сильно тоскует…

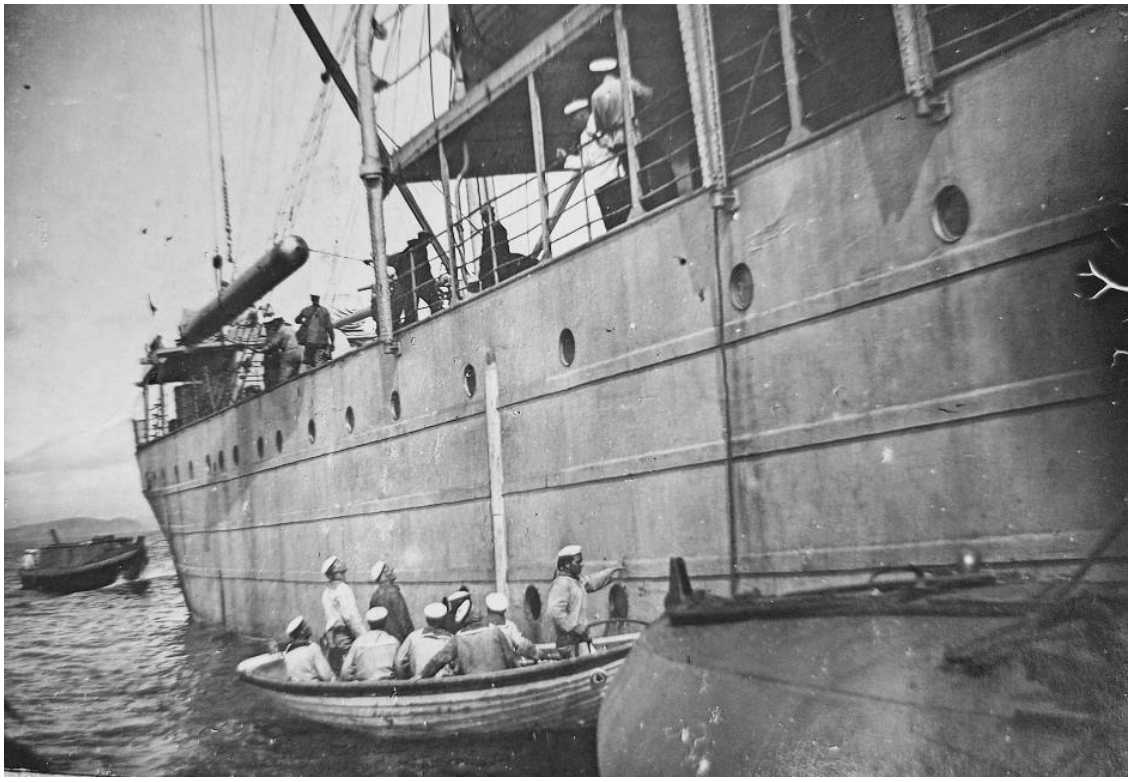
12 марта 1933 г. Ленинград. Нина в ожидании ребёнка. Начало апреля 1933 г. Бухта Большой Улисс. Тоска по жене…

Тёплые чувства возникали в Душе Андрея, смотревшего на фото жены... Это были мечты о собственном уютном доме, в котором звучали разговоры, смех детей и стук посуды... Андрей понимал, что всё это - частичка огромной Родины, которой нужно было беззаветно служить и всеми силами защищать. А без Родины не было бы Счастья и в его семье.

9 мая 1933 года в Ленинграде Нина благополучно разрешилась сыном. Мальчика назвали Олегом.

Особенности боевой подготовки в навигацию 1933 года

С началом навигации 1933 г. и до поздней осени катерники вели интенсивную боевую подготовку. Осваивали морской театр, отрабатывали взаимодействие с сухопутными войсками и береговой артиллерией по отражению десантов вероятного противника, которым являлась империалистическая Япония.



1933 г. Перед загрузкой торпед в желоба торпедных аппаратов катера Ш-4. Справа видна носовая часть катера

Пользуясь явным превосходством в военно-морских силах, японские военные корабли прикрывали свои рыбацкие суда, продолжавшие расхищать морские богатства в советских водах, особенно у берегов Камчатки и в Охотском море. Только в 1933 г. отловом рыбы и крабов в территориальных водах СССР занимались 17 японских плавучих заводов, 3 краболова, восемь траулеров и до 150 небольших судов. Японские военные корабли часто крейсировали в советских территориальных водах, нередко заходя в трехмильную запретную зону. В провокационных действиях на море японцы активно использовали Курильские острова и южную часть Сахалина, где размещались их крупные военные базы. Такой агрессивной внешней политике Японии на море СССР противопоставить пока ничего не мог.

Однако катерники были твёрдо уверены, что МСДВ в короткий срок будут усилены настоящими боевыми кораблями, в том числе и новейшими торпедными катерами. По железной дороге из европейской части СССР продолжали следовать на Дальний Восток эшелоны с торпедными катерами, подводными лодками «малютками» со снятыми рубками и рулями, и даже «щуки», разрезанные по секциям.

Флаг-штурман отряда Филиппов Андрей ещё в прошлую навигацию получил задание от командира отряда совместно с командирами катеров и катерными боцманами изучить морской театр так, чтобы можно было выходить в море при любой погоде и в любое время суток. А театр морской Тихоокеанский был огромен! Недаром среди моряков бытовала поговорка: *«Двести миль на Дальнем Востоке – не расстояние!»*

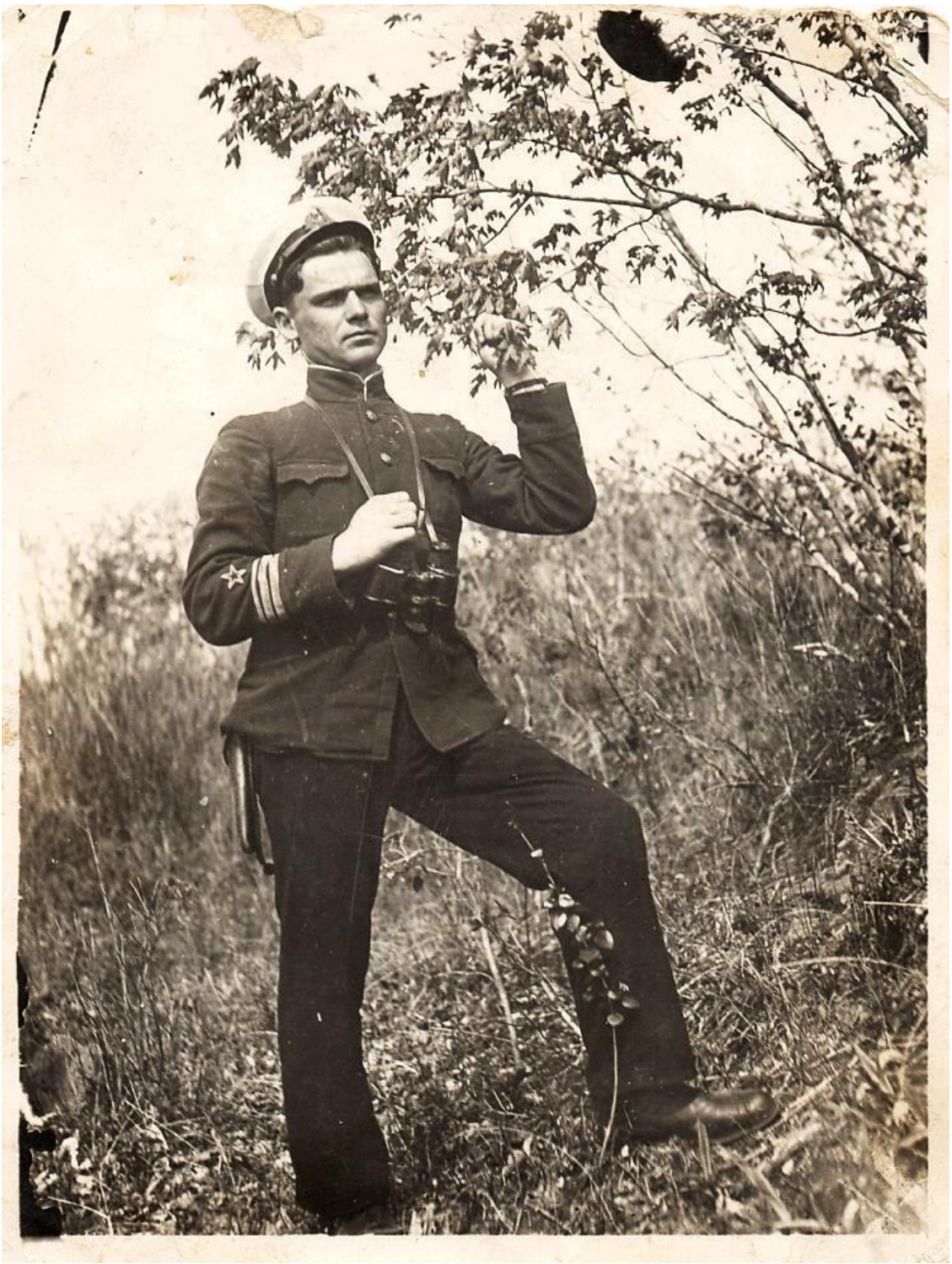
Андрей организовал штурманские походы на шлюпках и катерах вдоль берега, осваивая многочисленные бухты и заливы. Такие штурманские походы проходили и под командованием командиров катеров. Так, Андрею хорошо запомнился шлюпочный поход под командованием **Александра Васильевича Кузьмина** (в будущем вице-адмирала). Участники похода делали зарисовки участков побережья, наносили на карты отмели, мысы, банки и каменные гряды, не обозначенные ранее. Всё это стало для командиров катеров хорошим дополнением к лоции.

18 сентября 1933 г. во Владивостоке состоялось совещание Реввоенсовета МСДВ совместно с инспектором ВМС РККА, членом РВС СССР **Ромуальдом Адамовичем Муклевичем**, на котором по вопросу строительства баз были заслушаны начальник штаба МСДВ и начальник управления строительством. К этому времени в состав МСДВ, кроме отряда торпедных катеров в бухте Большой Улисс, были приняты торпедные катера волнового управления и часть подводных лодок. Результаты проверки хода базового строительства были неутешительными. В решении по итогам совещания инспектор ВМС РККА отметил, что работы по строительству ведутся самотеком, сроки не выдерживаются, график ввода в строй объектов не обеспечен, средства механизации не используются. На базе подводных лодок в бухте Золотой Рог пирсы не готовы, в базе торпедных катеров в бухте Большой Улисс временная стоянка торпедных катеров не обеспечивает боевую работу. Заключение инспектора было категоричным: «…базы подводных лодок в бухте Золотой Рог и торпедных катеров в бухте Большой Улисс не обеспечивают нормальное боевое использование».

По результатам этого совещания были приняты строгие меры по улучшению и ускорению строительства баз.

1934 год

Продолжавшееся усиление военных приготовлений Японии и провокации на границе с Советским Союзом требовали от моряков-дальневосточников неусыпной бдительности. Торпедные катера несли постоянное боевое дежурство в маневренных базах вблизи границы.



Август 1934 г. Флаг-штурман 3-й морской БТКА МСДВ Филиппов Андрей Михайлович

В 1934 году отряд торпедных катеров был переформирован в 3-ю морскую бригаду торпедных катеров с тремя дивизионами. Командиром бригады был назначен Филипп Сергеевич Октябрьский. Помимо бригады, в удалённых базах и укреплённых районах были сформированы отдельные дивизионы торпедных катеров: 4-й отдельный дивизион торпедных катеров Шкотовского сектора обороны, 6-й отдельный дивизион торпедных катеров Владимиро-Ольгинской базы и 9-й отдельный дивизион, находившийся в Николаевске-на-Амуре. Таким образом, советские МСДВ в середине 1930-х гг. создали мощные соединения торпедных катеров.

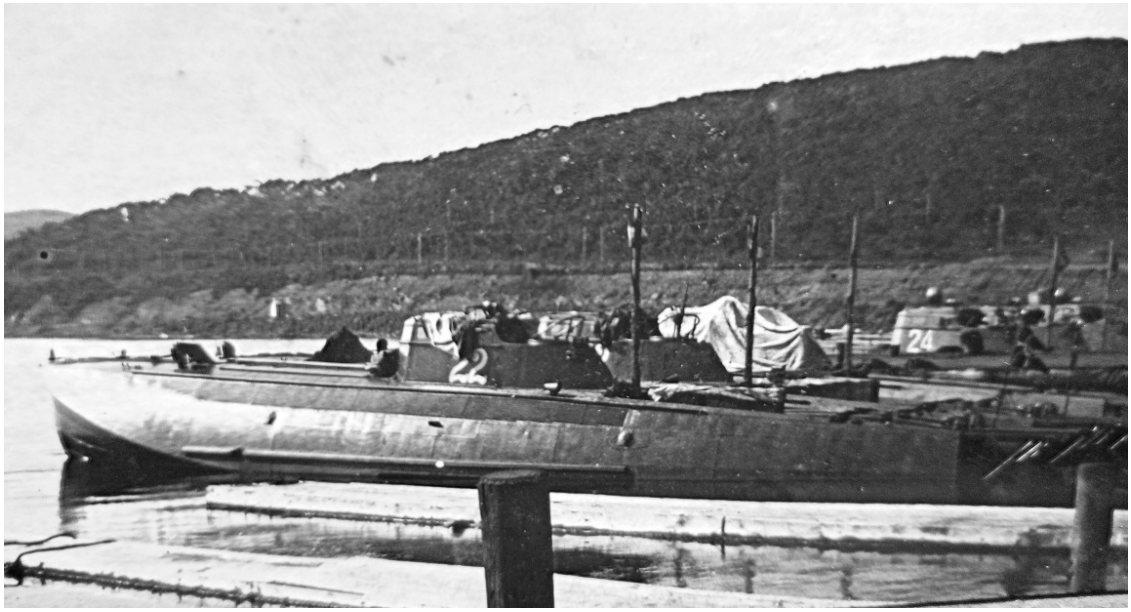
В августе 1934 года Филиппов Андрей Михайлович был назначен флаг-штурманом 3-й морской бригады торпедных катеров МСДВ.

В постоянной борьбе с трудностями, при напряжённой боевой подготовке закалялись катерники-дальневосточники. Любовь к Флоту, к катерам, беззаветное отношение к порученному делу было таким сильным, что многие краснофлотцы оставались на службу сверх срока, а лучших посылали на курсы по подготовке командиров катеров, катерных боцманов, механиков, старшин мотористов.

Большую работу осуществляли комиссары отряда и бригады, А.Д. Баруздин и сменивший его **Григорий Федотович Быстриков**, в будущем член Военного Совета ЧФ, генерал-лейтенант. Грамотные политработники, верные помощники командира бригады, они, следуя традициям комиссаров гражданской войны, постоянно находились в гуще событий, происходящих в базе. Вместе с командиром и начальником штаба участвовали в походах и экстренных выходах в море, подолгу находились в отдалённых базах, занимались строительством, организацией досуга личного состава. Их яркая зажигательная речь, шутка, душевная беседа поднимала настроение катерников, занятых тяжёлым морским делом.

1935 год. Новые катера Г-5 поступают на ТОФ

К началу 1935 г. МСДВ настолько выросли, что, по существу, уже представляли собой организационно оформленный военно-морской флот. 11 января 1935 года приказом Народного комиссара обороны СССР Морские силы Дальнего Востока (МСДВ) были переименованы в Тихоокеанский Флот СССР (ТОФ). Первым командующим флотом был назначен флагман флота 1-го ранга Михаил Владимирович Викторов.



1935 г. Бухта Большой Улисс. Торпедные катера в базе

В 1935 г. катерники бригады и отдельных дивизионов продолжали заниматься боевой подготовкой, отрабатывали взаимодействие разнородных сил – подводных лодок, авиации и торпедных катеров – при обороне своего побережья; особое внимание уделялось совместному плаванию торпедных катеров в различной метеорологической обстановке, вождению катера «вслепую» с ориентировкой по компасу и оборотам двигателя. На разборах, отмечая излишнюю лихость некоторых командиров катеров, командир бригады Ф.С. Октябрьский часто повторял фразу начальника Управления боевой подготовки Э.С. Панцержанского: *«Лихость манёвра, не вызванная обстоятельствами, свидетельствует о недостаточности морской выучки».*

В бригаду и отдельные дивизионы начали поступать первые торпедные катера типа Г-5 и новые торпеды типа «53-27» калибра 533 мм, пристрелка которых велась на специальном полигоне. Однако эти торпеды оказались неудачными, в массовое производство не пошли, поэтому катера Ш-4 и Г-5 продолжали использовать устаревшие торпеды типа «45-12» калибра 457 мм образца 1912 г.

Служба в штабе бригады

В сентябре 1935 г. Андрей был назначен помощником начальника штаба бригады торпедных катеров. За время исполнения этой должности Андрей многому научился у начальника штаба бригады Арсения Григорьевича Головко, приобрёл опыт штабной работы.

Октябрь 1935г. Большой Улисс. Слева: начальник штаба бригады Головко А.Г., справа: помощник начальника штаба бригады Филиппов А.М.

Осенью 1935 года состоялись большие совместные учения ТОФ и укреплённых районов по отражению десанта «противника». Бригаде торпедных катеров была поставлена задача - во взаимодействии с авиацией и береговой артиллерией нанести удар по десанту кораблей и транспортов «противника», которого изображали минные заградители, миноносцы и сторожевики. Начальник штаба бригады А.Г. Головко и его помощник А.М. Филиппов находились на катерах бригады, наблюдая за ходом выполнения учений.

Перед самым началом атаки торпедных катеров погода резко ухудшилась: небо нахмурилось тучами, поднялся сильный ветер, волнение перевалило за пять баллов. Торпедные катера не смогли использовать своё основное преимущество – скорость. Однако, мастерски преодолевая волнение, используя средний и малый ход, умело маневрируя, катера всё же нанесли торпедный удар по «противнику».

Проводя разбор учения, командующий ТОФ М.И. Викторов первым делом отметил недостаточную мореходность катеров в суровых условиях Тихого Океана, как Ш-4, так и более мореходных Г-5. Далее он говорил о необходимости иметь торпедные катера большего водоизмещения и большего радиуса действия, а мореходность поднять хотя бы до пяти баллов волнения. А пока надо учиться эффективно использовать катера Ш-4 и новые Г-5, большим преимуществом которых являлась перевозка этих типов катеров по железной дороге в собранном виде.

К концу осени 1935 г. началась разработка проектов больших килевых торпедных катеров типа СМ-3 и СМ-4 (СМ – «стальной мореходный», а цифры – число устанавливаемых моторов). Однако реализовывался данный проект крайне медленно, и дальневосточный флот так и не получил так необходимых для него катеров типа «СМ», что существенно снизило боеспособность «малого» флота.

Как бы там ни было, к концу года Морской Флот СССР уже имел 250 торпедных катеров всех типов.

Жизнь в базе налаживается

Интенсивно шла и стройка береговой базы. Всего за три года в пустынной бухте Большой Улисс появились посёлок, казармы, причалы, железобетонные эллинги, торпедный и другие склады, подземное бензохранилище, сигнальный пост, ангары и бетонные спуски для гидросамолётов.

1935 г. Посёлок Большой Улисс. В новом клубе. Девушки-волейболистки. Баскетбольный матч. Ансамбль народных танцев

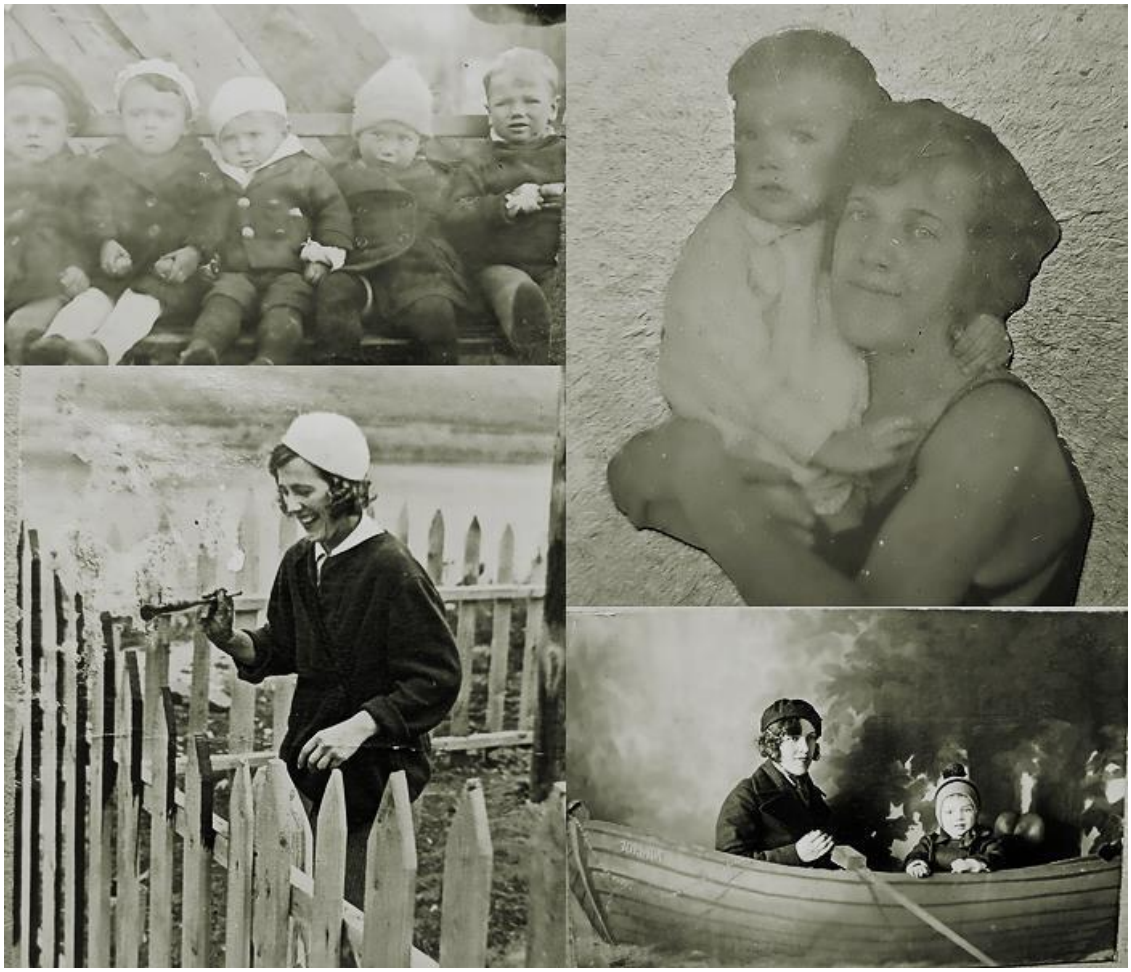
Налаживались бытовые условия: построили домики комсостава и старшин-сверхсрочников, усилиями женских рук зазеленели огороды, дававшие урожаи картофеля и овощей. Построили летний театр и спортплощадки для игры в волейбол и баскетбол, теннисный корт. Появились крытые танцплощадка и кинотеатр на 800 мест, построенные во время субботников краснофлотцами, командирами и их жёнами. Среди семей катерников особо популярен был художественный фильм Братьев Васильевых «Чапаев», вышедший в 1934 г. Василия Ива-

новича Чапаева играл Борис Бабочкин, Петьку – Леонид Кмит, Анку – Варвара Мясникова, Фурманова – Борис Блинов. Этот фильм «крутили» очень часто.

Андрею, как семейному, выделили жильё в одном из домиков постройки 1933 г. Дом был одноэтажный, кирпично-деревянный, обшитый досками и утеплённый рубероидом. Такие одинаковые дома стояли в два ряда по сопке. В этом доме размещалось несколько семей катерников. Общий вход в дом, общая для двух семей входная дверь в общую квартиру из трёх-четырёх комнат, общая кухня, общий гальюн. В каждой комнате отопительная печь, топливом для которой служили дрова и уголь, запасаемые заранее. Воды не было. Про газ вообще не думалось; готовили еду на керосинках. Вода завозилась водовозкой; воду надо было таскать вёдрами по домам и выливать в баки на кухне. Зимой тропинки по склонам сопки леденели, водовозка не поднималась, носить воду снизу вверх становилось опасно.

Нина и Олег

Несмотря на недостатки жилья, Андрей решился вызвать в посёлок Нину с Олегом. Нина собралась быстро, а приехав, не испугалась жить в неблагоустроенном жилье - бороться с трудностями её научила мать, Мария Ивановна Иванова. Нина стала настоящей «боевой подругой» Андрею.



1935 год. Нина с Олегом в Большом Улиссе. Будущие катерники. Нина на своём огородике

Несмотря на домашние хлопоты и двухлетнего сына, Нина не осталась в стороне от бурлящей жизни базы, активно участвуя в самодеятельности. Именно тогда у Нины проявился талант певицы. В Ленинграде, в её семье, было принято, собравшись на праздник, петь песни. На праздники в базе точно также собирались и пели, русские народные, белорусские, украинские, старинные… К тому же она хорошо играла на клубном пианино. Самодеятельных артистов-катерников знали во Владивостоке, на Русском острове, даже в Хабаровске.

Вечерами и по выходным дням на танцплощадке играл свой оркестр, в летнем театре выступали московские артисты, неоднократно приезжал ансамбль песни и пляски РККА под управлением Александра Васильевича Александрова, пели солисты Большого театра Иван Семёнович Козловский и Елена Клементьевна Катульская.

Охота – большая редкость на службе

Служба занимала всё время Андрея. С территории базы было заметно, насколько природа Дальнего Востока отличалась от природы Тверской губернии, где Андрей родился и провёл свои детские и юношеские годы. Первую вылазку в тайгу он совершил только осенью 1935 г. А хотелось давно.

Слева верх: 1932 г. Тихий океан. Низ: 1934 г. Осьминог, он же спрут. Справа: Осень 1935 г. На круглом стенде помощник начальника штаба бригады Филиппов Андрей Михайлович

Ещё в первый свой приезд в Ленинград он купил с рук у перекупщика на Никольском рынке бескурковую двустволку 12 калибра марки ИжБ36М, почти новую. Бой опробовал на стенде, сооружённом на краю посёлка Большой Улисс; остался очень доволен. Раньше – в деревне - он стрелял только из старенькой тятькиной одностволки.

Проходя на катере вдоль побережья, Андрей зорким охотничьим взглядом замечал и зверей, выходящих из тайги на берег в поисках еды, и птиц совершенно незнакомых видов, летающих над скалами и сидящих на камнях и песке. Большие рыбины иногда выпрыгивали из воды из-под носа катера, нерпы и тюлени высовывали свои «водолазные» башки из воды прямо в бухте, рядом с пришвартованными катерами… А набеги фазанов и енотов на участки с овощами у семейных домиков! Красивейшие фазаньи петухи иногда дрались прямо рядом с заборами.

Проходя по посёлку, находясь на причалах или на катерах, Андрей несколько раз слышал отдалённые выстрелы из охотничьих ружей, доносившиеся с северо-востока, с невысоких сопок, густо покрытых лесом. Выстрелы в основном раздавались осенью. Однажды, выбрав один из редких выходных дней сентября, ранним утром, надев сапоги, ватник и захватив на всякий случай плащ-палатку, Андрей взял ружьё с дюжиной патронов и, сообщив Нине, куда

идёт, углубился в лес. Его сразу обдало холодным душем росы, выпавшей ночью. Чтобы не промокнуть, накинул плащ-палатку. Роса покрывала всё, клоня к земле огромные папоротники, ветки кустарников. Андрей старался сохранить сухими патроны в карманах и патронике ружья.

Пройдя километра полтора, охотник преодолел полосу тайги и вышел к скалам, выше которых виднелись покатые сопки с низким кустарником. Среди кустарника просвечивали проплешины. Влево от скального выступа был проход, похожий на лощину. В лощине густо рос лимонник, дикий виноград, шиповник. С огромных клёнов и ильмов, изредка возвышающихся тут и там, свешивалось что-то, похожее на тросы, оказавшиеся вблизи лианами.

Какие-то звери шумно ломились сквозь чащобу. По характерному хрюканью Андрей узнал кабанов, с которыми был хорошо знаком на Родине. Выбравшись на сопку, Андрей спугнул стаю диких голубей, по которым не успел стрельнуть. Однако кабаны и голуби заставили охотника насторожиться, приготовиться к возможным выстрелам.

Первого петушка фазана Андрей взял, когда петух бежал сломя голову влево по проплешине. Первым выстрелом промазал, а вторым достал. Подивившись скорости улепётывания крупной птицы, подошёл к чисто битому петуху. И тут прямо из-под ног с шумом и криком взлетела сразу тройка птиц! А ружьё-то и не заряжено… Выругавшись и быстро перезарядив ружьё, пошёл краем кустов дальше.

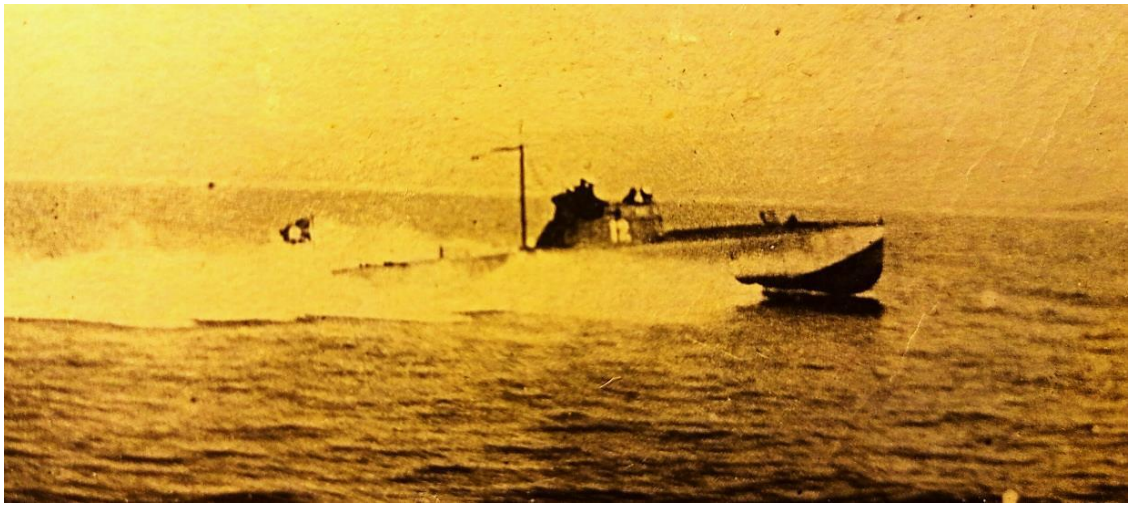
Фазанов было много. Расстрелял дюжину патронов за полчаса. Повернул к дому, унеся с гостеприимной сопки семь тяжёленьких птиц: пять петухов и две курицы. Пришлось нанизать их на срезанную лиану.

Дома удачливого охотника встречали Нина и Олег. Вечером был праздник совместно с соседями.

Это была единственная охота в 1935 году. В следующий раз Андрей смог пойти на охоту только через год. Судьба свела его с охотником-легашатником, который охотился с классно обученным английским-сеттером по кличке Бой. Вдвоём с дядей Васей они взяли из-под собаки более двадцати фазанов, десяток дальневосточных перепёлок и одного зайца. Добытые перепёлки отличались от европейских более мелкими размерами и ярким красно-бурым горлом. Навсегда Андрей запомнил эту охоту с прекрасной легавой собакой, дав себе слово когда-нибудь завести такого же сеттера.

1936 год. Итоги боевой подготовки

В начале 1936 года в соединения катерников пришло долгожданное Наставление по боевой деятельности торпедных катеров (НБТКА).



1936 г. Торпедный катер Ш-4 вышел на редан

Наставление, а также временный Боевой устав Морских Сил РККА 1937 г. (БУ МС 37), появившийся годом позже, стали основополагающими документами по боевому применению торпедных катеров. В них отмечалось основное назначение катеров: нанесение торпедных ударов по боевым кораблям и транспортным судам противника. Кроме того, говорилось, что торпедные катера могут быть использованы для противолодочной обороны эскадры, поддержки дозоров, постановки дымовых завес и быстрой переброски диверсионных и десантных групп. На основании этих положений в процессе боевой подготовки главное внимание личного состава сосредоточивалось на отработке торпедных стрельб по крупным быстроходным боевым кораблям и судам.

В кампанию 1936 г. в рамках боевой подготовки бригада отработала торпедные атаки одиночными катерами и звеньями, торпедные стрельбы на полигоне, продолжила отработку совместного плавания катеров и другие действия. По итогам года командиры, старшины и краснофлотцы были награждены ценными подарками от Народного комиссара обороны; в частности, были награждены именными часами командиры двух лучших дивизионов бригады - Владимир Иванович Довгай и Павел Петров.

В конце 1936 г. из бригады и отдельных дивизионов часть командиров уехала на учёбу в Военно-морскую академию.

Отпуск 1936 года

В 1936 году Андрей с семьёй съездил в отпуск в Ленинград и на Родину, в Тверскую. Родители и братья Нины и Андрея были очень рады успехам молодого командира, отметив также, как вырос Олег.

1936 год. В отпуске в Ленинграде. Нина Алексеевна, Андрей Михайлович, Олег, Мария Ивановна, Алексей Васильевич и брат Нины – Николай Алексеевич

Вернувшись на Дальний Восток, узнали, что 20 декабря в Москве состоится Всеармейское совещание жён командного и начальствующего состава РККА. В честь этого события во Владивостоке был объявлен массовый женский поход, в котором приняли участие жительницы гарнизонов Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии и Тихоокеанского флота. Жёны военнослужащих отправлялись в пешие, конные и шлюпочные походы по заранее разработанным маршрутам, с окончанием во Владивостоке. От 3-й морской БТКА была выставлена женская команда, успешно завершившая шлюпочный поход, несмотря на изрядное волнение моря, холод и сильный ветер.

1937-1938 гг. Тяжёлое время

К 1937 г. со стороны империалистической Японии значительно участились случаи провокаций на дальневосточных границах Советского Союза с Манчжурией, неоднократно с человеческими жертвами. В этих непростых условиях бригада и отдельные дивизионы торпедных катеров накапливали опыт и превращались в боевые подразделения ТОФ. Все учебные задачи катерники решали, тесно взаимодействуя с авиацией, как бомбардировочной, так и торпедоносной. На учениях отрабатывались массированные совместные удары, наносимые с разных направлений с применением дымовых завес, при этом атаки катеров и самолётов поддерживались и прикрывались береговой артиллерией.

Большим событием для моряков ТОФ стал дружеский визит во Владивосток Азиатской эскадры США, прошедший с 28 июня по 1 августа 1937 г. Тихоокеанский флот достойно выполнил почетную дипломатическую миссию. Единственным существенным огорчением во время приема американских моряков была деятельность органов НКВД, бравших на учёт всех, имевших контакт с иностранцами.

В 1937 г. Андрей Михайлович стал членом ВКП(б) (партбилет № 1340011), а в октябре был назначен командиром дивизиона торпедных катеров ТОФ.

В этом же году в числе моряков-добровольцев отбыли в ряды защитников республиканской Испании начальник штаба бригады А.Г. Головко и командир катера Н.А. Питерский. Вместо А.Г. Головко был назначен П.К. Дёмин, почти сразу его сменил А.В. Кузьмин.

…

1937 г. запомнился Андрею и всем морякам-дальневосточникам как год чудовищных репрессий, проводимых Народным комиссариатом внутренних дел СССР (НКВД СССР) – центральным органом государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка, а также – с 1934 г. – по обеспечению государственной безопасности страны.

Для катерников первыми действиями ретивых чекистов были аресты перспективных морских командиров и специалистов, с которыми служили бок о бок многие годы. Сначала пострадали награждённые полгода назад Народным комиссаром Владимир Довгай и Павел Петров. Довгая без суда и следствия демобилизовали из рядов ВМФ; у него и его жены отобрали партийные билеты и отправили на все четыре стороны без права проживания в родном городе Ленинграде. Павел Петров был арестован и через полгода расстрелян. Позже был арестован начальник политического отдела бригады бригадный комиссар Малютин. Командир звена катеров Георгий Дьяченко был репрессирован и изгнан со службы, но через год восстановлен в звании и направлен служить на торпедные катера ЧФ.

Как и многие другие катерники, Андрей не понимал, что происходит: *«Неужели Володя Довгай, Паша Петров и Жора Дьяченко, с которыми я бок о бок служил столько лет, враги народа? Это какая-то ошибка…»* И не находил ответа…

Примечание автора: *«В 1960-е годы, когда отец служил в ВМА в должности начальника факультета, а я учился в старших классах школы, ясно помню происходившие разговоры родителей о времени службы отца на ТОФ, почти всегда затрагивающие тему репрессий на флоте. Мама каждый раз упоминала, как ждала отца со службы и всегда нервничала: придёт, или уже арестован… А когда отец был дома, то снова нервничала, боясь каждого стука в дверь, особенно ночью…»*

В других подразделениях ТОФ разгул репрессий был ещё больше. Так, 13 января 1938 г. был арестован командир бригады траления и заграждения флагман 2 ранга Васильев Александр Васильевич (4 мая расстрелян), начальник штаба 2-й Морской бригады подводных лодок Кельнер Иосиф Викентьевич (17 августа расстрелян). 14 января арестован заместитель началь-

ника политуправления ТОФ бригадный комиссар Карасев Николай Михайлович (14.05.1938 года приговорен к расстрелу). 15 января арестован командующий морской авиации ТОФ комдив Никифоров Леонид Иванович (23 мая приговорен к расстрелу). 7 мая 1938 г. был арестован командир 5-й бригады подводных лодок ТОФ (порт Находка) Георгий Никитич Холостяков.

Автор: *«Поскольку мне предстоит в дальнейшем описывать боевые операции торпедных катеров на Чёрном море в период Великой Отечественной Войны, и при этом неоднократно «сталкиваться» с Георгием Никитичем, то расскажу о его службе на Дальнем Востоке, аресте и освобождении подробнее».*

В 1932 году Г.Н. Холостяков окончил Тактические курсы при Военно-морской академии и был направлен на Тихоокеанский флот командиром дивизиона подводных лодок и одновременно - командиром головной подводной лодки Щ-109 этого дивизиона. Стал первым отечественным подводником на ТОФ, первым произвёл погружение на Щ-11 (в бухте Золотой Рог) 21 июня 1933 года и первым вышел на ней в море в поход 29 июня 1933 года. С апреля 1935 года - командир 5-й бригады подводных лодок Тихоокеанского флота (порт Находка). Осваивал дальние походы в открытый океан, подлёдное плавание, выполнение боевых задач в штормовую погоду. Имел репутацию одного из передовых советских командиров-подводников, в числе первых подводников в 1935 году был награждён орденом Ленина.

По обвинению в связи с арестованным бывшим начальником МСТО флагманом флота 1-го ранга М.В. Викторовым, капитан 2 ранга Холостяков был арестован 7 мая 1938 года, исключён из ВКП(б), лишён звания и наград. Обвинялся во вредительстве, в умышленном выводе из строя кораблей своей бригады, в срыве боевой подготовки и т. д. «За шпионаж в пользу Польши, Англии и Японии» и за вредительство был осуждён 16 августа 1939 года и приговорён к 15 годам с последующим поражением в правах на пять лет с лишением воинского звания. Срок отбывал в лагере в заливе Ольги.

9 мая 1940 г. обвинения во вредительстве были признаны необоснованными, дело было прекращено, а сам он был освобождён «*за недоказанностью обвинения*» из-под стражи 5 июля 1940 г. Был восстановлен в звании и правах на награды.

В процессе необоснованных репрессий штаб, отделы и службы ТОФ потеряли 58 представителей командно-начальствующего состава. Почти все они были арестованы, в том числе начальник штаба и девять начальников отделов штаба. Штаб флота, который по состоянию на 1 июня 1937 года насчитывал 119 командиров, лишился почти половины своего состава. Некоторые отделы были почти полностью разгромлены, в том числе – разведывательный.

Главными организаторами этого «кровавого» процесса истребления командиров и специалистов ТОФ были Нарком ВМФ в 1937-1938 гг. Пётр Александрович Смирнов и сменивший его Нарком ВМФ в 1938-1939 гг. Михаил Фёдорович Фриновский. Однако и они не избежали участи своих жертв: по обвинению в заговорщицкой деятельности были арестованы, осуждены и расстреляны; Смирнов в 1939 г., Фриновский – в 1940 г.

В это тяжёлое для флота время командующему ТОФ флагману 2-го ранга, а позже Наркому ВМФ СССР Николаю Герасимовичу Кузнецову удалось спасти от расправы многих офицеров, порой ценой собственного авторитета. Однако спасти удалось не всех… Жертвами политических репрессий стали предшественники Н.Г. Кузнецова дальневосточные флагманы Михаил Владимирович Викторов и Григорий Петрович Киреев, расстрелянные в 1938 г.; были арестованы и расстреляны флагман 1 ранга Лудри И.М. (в 1938 г.), флагман 1-го ранга Пантцержанский И.С. (в 1937 г.), заместитель наркома оборонной промышленности Муклевич Р.А. (в 1938 г.). В 1938 г. был арестован и уволен со службы командир (в разное время) крейсеров «Аврора», «Червона Украина» и линкора «Марат» Леер А.Ф., как и многие другие известные советские деятели ВМФ.

Японская провокация у озера Хасан

К началу 1938 г. Япония, решив воспользоваться резким обострением политического кризиса в Европе и стремлением западных держав направить гитлеровскую агрессию против СССР, перешла к открытым попыткам развязать конфликт на нашем Дальнем Востоке.

В феврале 1938 г. Ф. С. Октябрьский был назначен командующим Амурской флотилией. Командиром 3-й морской БТКА стал А.М. Филиппов. На только что назначенного командира бригады выпало сложное время японских провокаций, едва не перешедших в фактическую войну. Это была серьёзная проверка не только боеготовности катерников ТОФ, но и проверка профессиональной готовности комбрига и его штаба.

Назначение Андрея Михайловича не стало удивлением для сослуживцев. К этому времени 29-летний комбриг представлял собой человека, сдержанного и точного в суждениях, предельно исполнительного, но и умевшего отстоять своё мнение, требовательного начальника, и в то же время заботливого к подчинённым. Служба на катерах с частыми выходами в море для решения тех или иных задач, постоянные трудности, которые надо было преодолевать, отшлифовали характер деревенского парня из глухих лесов Тверской губернии, превратив его в грамотного военно-морского командира и патриота своей Родины.

Весной состоялись крупные учения ТОФ, в которых принимали деятельное участие и торпедные катера 3-й морской бригады. После учений Андрей Михайлович Филиппов и его начальник штаба Александр Васильевич Кузьмин были приглашены во Владивосток, где в Доме Красной Армии и Флота состоялся разбор учений. Проводил разбор маршал Советского Союза **Василий Константинович Блюхер**, который раскритиковал моряков за то, что позволили «противнику» приблизиться к нашим берегам на недопустимо малую дистанцию, и потребовал в будущем встречать «противника» на предельных дистанциях, совместно атакуя его авиацией, подводными лодками и торпедными катерами.

В июне, несмотря на густые и устойчивые туманы, флоту удалось снова провести учения, как одиночного плавания кораблей, так и в составе соединений, развёрнутых от залива Владимира до Посьета. Это было правильное решение, так как время не ждало – враг накапливал силы, чтобы нанести удар.

И враг нанёс его уже 31 июля, когда японцы большими силами вторглись в советское Приморье и овладели сопками Безымянная и Заозерная. Начались ожесточенные бои в сложной горно-болотистой местности у озера Хасан, которые продолжались до 11 августа. По приказу Наркома обороны **Климента Ефремовича Ворошилова** в район боёв направлялись стрелковые, кавалерийские и механизированные части. Корабли ТОФ, перейдя на повышенную боевую готовность, должны были, прикрыв с моря залив Посьет, обеспечить безопасность транспортов, высаживавших здесь войска, перевозивших боеприпасы, снаряжение и эвакуировавших раненых.

В то время Тихоокеанский флот был не в состоянии выполнять широкомасштабное наступление; он мог осуществлять только оборонительные операции по обеспечению боевых действий Красной Армии и охране советской территории от высадки десантов. В этой непростой боевой обстановке Командующий ТОФ Н.Г. Кузнецов впервые ввел в практику разработанные на флоте системы оповещения, связи, оперативных готовностей сил, способствовавших сведению к минимуму отрицательных последствий внезапности нападения. Организованные командованием флота конвои с военными грузами из Владивостока в порт Посьет, принятые меры по защите побережья, действия ВВС ТОФ и моряков на суше стали свидетельством того, что Тихоокеанский флот мог успешно выполнять поставленные перед ним конкретные оборонительные задачи.

Начальник штаба ТОФ **Валентин Лукич Богденко** (в будущем вице-адмирал) срочно вызвал в штаб командира 3-й морской БТКА Андрея Михайловича Филиппова и начальника штаба бригады Александра Васильевича Кузьмина. Ознакомив катерников с обстановкой в районе высоты Безымянная, он приказал силами одного дивизиона торпедных катеров прикрыть границы в заливе Посьет, а также организовать патрулирование района и охранение транспортов на переходе морем.

В штабе бригады, изыскав наилучшие пути выполнения приказа начальника штаба ТОФ, командир бригады и начальник штаба приняли решение поручить проведение операции опытному командиру дивизиона П.К. Дёмину. В ночь на 1 августа дивизион в составе 12 торпедных катеров вышел в залив Посьет. Для стоянки использовались рыболовецкие причалы в бухте Троица. Сразу же после перехода катера дивизиона приступили к выполнению боевой задачи.

С ночи 2 августа дивизион прикрывал с моря транспорты, следовавшие из Владивостока к местам высадки войск у мыса Мраморный и в бухте Троица. Достигнув назначенных пунктов, транспорты из-за большой осадки и отсутствия причалов не смогли подойти к берегу. Поэтому высадка войск и выгрузка техники и лошадей производились на рейде. Для этого были мобилизованы рыболовецкие кунгасы (большие беспалубные лодки, гребные или парусные).

После нанесения армейской и флотской авиацией мощных бомбовых ударов по позициям противника, 3 августа наши войска перешли в решительное наступление. В результате ожесточённых боёв к 9 августа японские захватчики были разгромлены и изгнаны с советской земли.

Дивизион торпедных катеров 3-й морской бригады, действовавший в районе залива Посьет и успешно справившийся с боевыми заданиями командования, без потерь вернулся в базу в губу Большой Улисс.

Автор: *«Думаю, что только отличные действия Андрея Михайловича в должности командира бригады торпедных катеров во время японской провокации, а также поддержка командующего ТОФ Н.Г. Кузнецова, способствовали тому, что отец не был затронут репрессиями того времени».*

Праздник Октября

21-я годовщина Великого Октября на Дальнем Востоке отмечалась одновременно и как Праздник Победы над империалистической Японией в конфликте у озера Хасан.

1938 г. Комбриг А.М. Филиппов с сыном Олегом на празднике. Торжества во Владивостоке

Праздник широко отмечался на Дальнем Востоке. Во Владивостоке состоялось торжественное прохождение войск гарнизона и выделенного отряда моряков ТОФ перед трибуной, где находились военачальники РККА и РККФ, партийные и советские представители Дальневосточного Края. Отметили Праздник и во всех базах и на кораблях ТОФ.

1939 год. Тихоокеанский Флот создан!

В начале 1939 г. командующий ТОФ Н.Г. Кузнецов доложил советскому правительству о том, что Флот на Тихом океане построен. В его состав входили: 2 лидера эскадренных миноносцев, 5 эскадренных миноносцев, 145 торпедных катеров, 6 сторожевых кораблей, 5 минных заградителей, 18 тральщиков, 19 охотников за подводными лодками, 86 подводных лодок, около 500 самолетов.

Конец 1930-х годов. Корабли в бухте Золотой Рог

Весной 1939 г. Н.Г. Кузнецов был назначен Наркомом ВМФ СССР. С марта 1939 г. Тихоокеанский флот возглавил флагман 1 ранга **Юмашев Иван Степанович**, командовавший ранее ЧФ, в будущем Главком ВМФ СССР (1947 – 1951 гг.), адмирал, Герой Советского Союза. Флагман 2-го ранга Октябрьский Ф.С. был назначен Командующим ЧФ.

Кроме перестановок командования ВМФ, произошло значительное обновление командного состава бригады и отдельных дивизионов торпедных катеров, что потребовало многие задачи боевой подготовки отрабатывать почти заново. Командиру бригады Филиппову А.М. пришлось снова налаживать взаимодействие с береговой артиллерией и авиацией, отрабатывать систему оперативных готовностей, предложенную Наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым, в том числе принимать меры по затемнению базы, обеспечивать чёткий и своевременный приём боеприпасов… И делать всё это надо было в условиях, максимально приближённых к боевым.

В конце лета 1939 г. империалистическая Япония снова предприняла военную авантюру на реке Халхин-Гол, теперь против Монгольской Народной республики. В те тревожные дни катерники бригады и отдельных дивизионов несли постоянное боевое дежурство, продолжая отрабатывать задачи дальних переходов, рассредоточенного базирования на маневренные базы, маневрирования катеров, массированного использования торпедных катеров в светлое время суток во взаимодействии с надводными кораблями, авиацией и артиллерией береговой обороны, отработки нанесения ими торпедных ударов по кораблям и судам, стоящим на рейдах и в базах. Особенно тщательно отрабатывались практические торпедные стрельбы, изыскивались новые, наиболее эффективные приёмы использования торпедного оружия. Напри-

мер, задача по совершенствованию действий торпедных катеров в дозоре решалась совместно с миноносцами, которые, также находясь в дозоре, держали торпедные катера на буксире, чтобы в случае обнаружения противника навести их на цель и затем поддержать своим огнём.

В это время фашистская Германия продолжала свои агрессивные действия в Европе. 1 сентября она начала массированное вторжение в Польшу. 3 сентября Франция и Англия официально объявили войну гитлеровской Германии. Началась большая война в Европе, постепенно переросшая во Вторую мировую войну.

В октябре 1939 года командиру бригады торпедных катеров Филиппову А.М. поступил приказ: передать дела по должности Кузьмину А.В. и убыть на учёбу в Военно-Морскую Академию, город Ленинград.

Андрей Михайлович Филиппов, прослужив на Дальнем Востоке 8 лет, и пройдя путь от командира торпедного катера до командира бригады торпедных катеров, приобрёл, наряду с бесценным опытом, основные качества командира: требовательность и одновременно заботу о подчинённых.

В главе III использована литература: [1,2,8,10,11,13,15,18,21,22,24,37,38,49,72]

Глава четвёртая. Военно-Морская Академия

Поступил!

В октябре 1939 г. семья Филипповых уезжала в Ленинград. Глава семьи поступал в Военно-морскую академию РККА им. К.Е. Ворошилова, на командный факультет. Сыну Олегу 9 мая следующего года исполнялось 7 лет, и он должен был пойти в первый класс ленинградской школы.

Начало 1940 г. Ленинград. Филипповы Нина Алексеевна и Андрей Михайлович – слушатель Военно-морской академии

Андрей Михайлович знал, что в августе 1939 г. Главный военный совет ВМФ, рассмотрев вопрос о работе ВМА, принял решение о дальнейшем повышении уровня подготовки старшего и высшего командного состава, который соответствовал бы задачам создаваемого большого морского и океанского флота, а также об изменении характера академической подготовки кадров командного профиля. На командном факультете ВМА теперь должны были готовиться не командиры кораблей 2-го ранга, а общефлотские командиры руководящего звена для самостоятельной оперативной работы на высших командных и штабных должностях. Поэтому кандидаты на поступление, как правило, должны были окончить ВВМУ и курсы усовершенствования командного состава, и при этом иметь опыт командования кораблями, соединениями или частями.

По поводу допуска к экзаменам Андрей Михайлович не переживал. Несмотря на то, что желающих учиться в ВМА среди командного состава флота всегда было много, однако этой высокой чести удостаивались только лучшие из лучших по представлению военных советов флотов и решению Народного комиссара ВМФ в порядке поощрения. Отправленные летом 1939 г. документы комбрига Филиппова А.М. из штаба ТОФ в Наркомат ВМФ для поступления в ВМА прошли проверку полностью, и он уже был кандидатом.

А вот предстоящие экзамены представляли для него некоторую трудность. Экзаменов было много: история ВКП(б), русский язык, иностранный язык, математика, теория вероятностей, техника и тактика боевого использования военно-морского оружия, средств связи и химических средств, кораблевождение, военно-морская история, военно-морская география, штабная служба.

Экзамены начинались 15 ноября. На подготовку к экзаменам у Андрея Михайловича оставалось всего две-три недели. Озабоченный этой проблемой, он явился в ВМА доложить о своём прибытии. И как же обрадовался, что в академии была организована плановая подготовка к конкурсным экзаменам под руководством преподавателей. Это было сделано для того, чтобы основательно познакомить преподавателей с кандидатами, тем самым уже на первом этапе обеспечив отбор в академию лучших командиров.

Экзамены Андрей Михайлович сдал хорошо, перейдя из кандидатов в слушатели. 1 января, в понедельник, начались занятия.

Командование и преподаватели ВМА, однокашники и сослуживцы

Начальником ВМА, во время учёбы Андрея Михайловича, был флагман 1 ранга **Исаков Иван Степанович**, по совместительству ещё и заместитель Народного комиссара ВМФ СССР, в будущем адмирал флота СССР, член-корреспондент АН СССР. 8 июня 1940 г. его сменил флагман 2 ранга **Степанов Георгий Андреевич**, в будущем вице-адмирал.

Военным комиссаром ВМА был бригадный комиссар **Юдин Михаил Александрович**, должность которого в августе 1940г. стала называться заместитель начальника ВМА по политчасти. В сентябре 1940 г. на эту должность был назначен член Военсовета ТОФ корпусной комиссар **Лаухин Пётр Фёдорович**, в будущем генерал-майор береговой службы.

Начальником командного факультета был флагман 2 ранга **Ставицкий Сергей Петрович**, профессор, в будущем вице-адмирал.

Среди преподавателей Андрей Михайлович сразу заметил своего старого знакомого по Кронштлоту, первого командира впервые сформированного на Балтике дивизиона торпедных катеров, **Чернышёва Владимира Федосьевича**, начальника кафедры тактики надводных кораблей, в будущем контр-адмирала. Владимир Федосьевич, узнав в слушателе курсанта-краснофлотца из 1929 г., расцвёл в улыбке: *«Ну вот, солнышко, я же говорил, что свидимся, и ещё не раз! Служба-то большая. Похоже, что и повоевать ещё придётся, и не только с Финляндией».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.